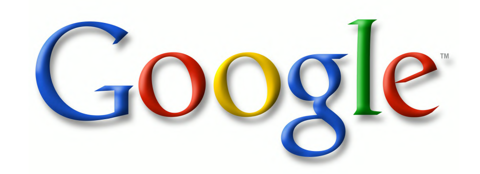

VE RI TAS

СКАЗАНІЕ

О

СТРАНСТВІИ И ПУТЕШЕСТВІИ

ПО

РОССІИ, МОЛДАВІИ, ТУРЦІИ

И

СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ

постриженника

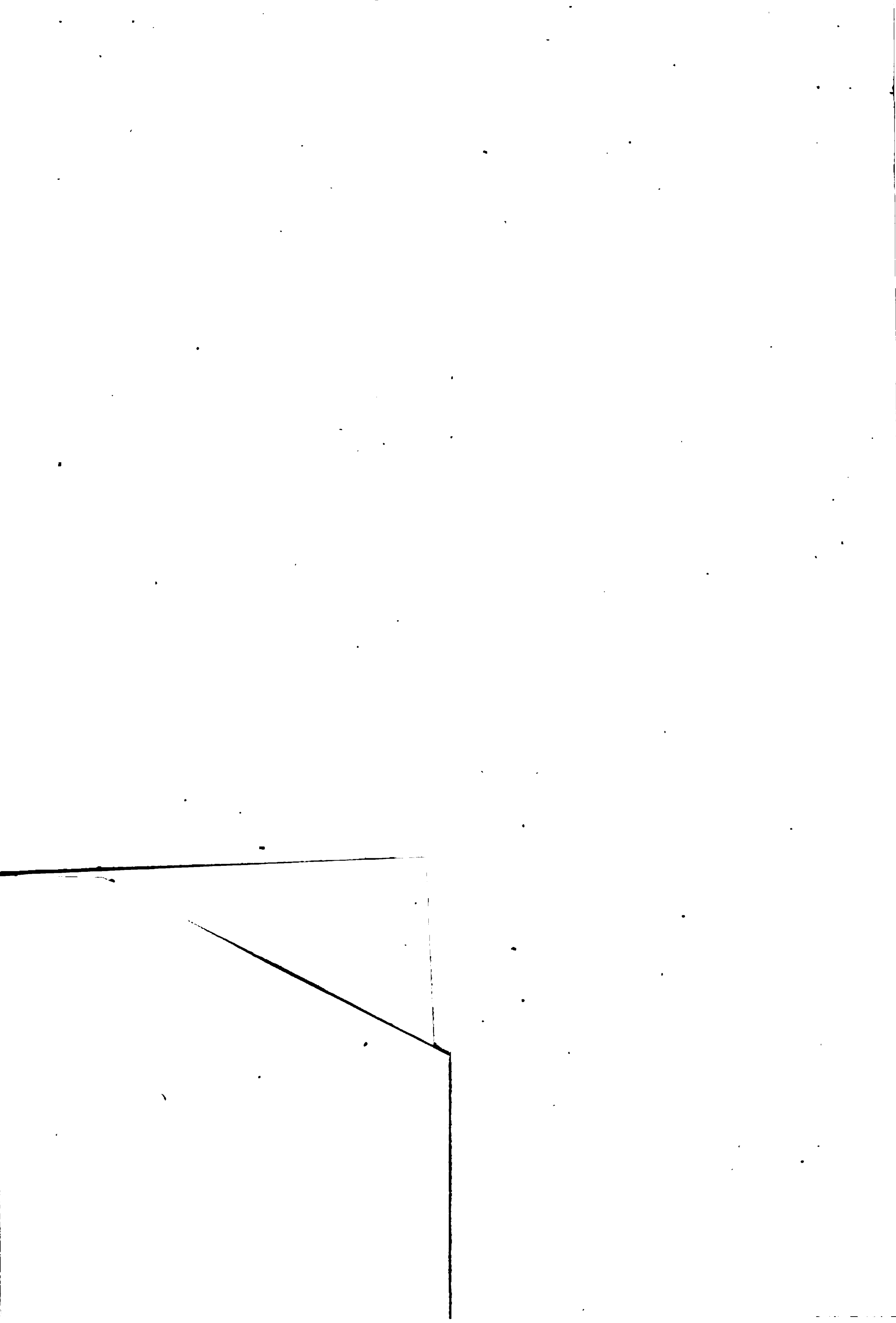
СВЯТЫЯ ГОРЫ АѲОНСКІЯ

Инока Парѳенія.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ II.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена.
1856.

СКАЗАНІЕ

о

СТРАНСТВІИ И ПУТЕШЕСТВІИ

по

РОССІИ, МОЛДАВІИ, ТУРЦІИ И СВ. ЗЕМЛѢ.

СКАЗАНІЕ

О

СТРАНСТВІИ И ПУТЕШЕСТВІИ

ПО

РОССІИ, МОЛДАВІИ, ТУРЦІИ

И

СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ.

ПОСТРИЖЕННИКА

СВЯТЫЯ ГОРЫ АФОНСКІЯ

Инока Парѳенія.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ II.

(Изданіе второе, съ исправленіями.)

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Марта 19 дня 1856 года.

МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ.

Ценсоръ, Виѳанской Семинаріи Ректоръ,
Архимандритъ Наѳанаилъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СТРАНСТВІЕ И ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦІИ

И

ПРЕБЫВАНІИ ВО СВ. ГОРѢ АѲОНСКОЙ.

СТРАНСТВІЕ ПО ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦІИ

и

ПРЕБЫВАНІЕ ВО СВЯТОЙ ГОРѢ АѲОНСКОЙ.

1. По многовременномъ и многолѣтнемъ моемъ странствіи по Россіи и Молдавіи и Буковинѣ, по оставленіи раскола и всѣхъ толковъ его, и по присоединеніи ко Святой Соборной Апостольской Христовой Церкви Православной, находясь въ православномъ общежительномъ монастырѣ Воронѣ, при церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, на пономарскомъ послушаніи, возъимѣлъ я непремѣнное желаніе спутешествовать въ пресловутую Святую Аѳонскую Гору, какъ въ тихое и небурное пристанище, къ сей иноческаго пустыннаго и безмолвновъ житія наставницѣ, въ сей отъ суетъ и отъ соблазновъ міра сего удаленный жребій Царицы Небесной, находящійся подъ Ея покровительствомъ, посѣтить аѳонскія обители, лавры и киновіи, и безмолвные скиты и отшельническія пустынныя келліи и колибы, посмотрѣть на тамошнихъ земныхъ ангеловъ и небесныхъ человѣковъ, и ангель-

скому житію подражателей, святыхъ отцевъ аѳонскихъ, избрать одного изъ нихъ себѣ пастыря и учителя, безмолвному иноческому житію наставника и къ вѣчному блаженству руководителя, и препроводить съ нимъ остальные дни жизни своей, и скончать животъ свой. Сіе желаніе имѣлъ я съ самыхъ юныхъ лѣтъ жизни моея, но былъ удерживаемъ по разнымъ благословнымъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, по смутному военному времени, которое продолжалось почти десять лѣтъ (отъ 1818 по 1828-й годъ); во-вторыхъ, по частымъ моровымъ язвамъ; въ-третьихъ, по главной причинѣ, именно возбранялъ природный мой расколъ. Но пришло время самое удобное: рати утихли, моры престали, отъ раскола Господь Богъ Своимъ неизреченнымъ милосердіемъ меня освободилъ и очистилъ. Всюду стало спокойно и благополучно; потому я возъимѣлъ неотлагаемое намѣреніе отправиться въ путешествіе. И прежде всего прибѣгнулъ съ теплою молитвою ко Всевышнему моему Творцу и Небесному Отцу, да управитъ мой путь благополучно, и аще по Его святой волѣ мое желаніе въ Святую Гору, то да извѣститъ мнѣ Свою святую волю чрезъ духовнаго моего отца. Такожде просилъ и Царицу Небесную, споручницу и назирательницу святыя Горы Аѳонскія, Пресвятую Богородицу Владычицу, Пречистую Дѣву Марію, да будетъ мнѣ спутешественница и назирательница и помощница во всемъ пути моемъ, и да сподобитъ достигнуть благополучно до святыя Горы Аѳонскія, и да пріиметъ меня грѣшнаго и непотребнаго раба въ Свой святый жребій подъ Свое покровительство, и да причислитъ меня къ Своему богособранному великому полчищу, ко аѳонскихъ отцевъ множеству, хотя

бы последнимъ послушникомъ, и да сподобитъ мнѣ тамо обрѣсти отца и наставника, въ иноческомъ житіи искуснаго, и Сама да будетъ мнѣ помощница на врага моего древняго, діавола, и на всѣ козни его, и Сама да очиститъ отъ страстей моихъ душевныхъ и тѣлесныхъ.

2. И такъ помолившись, пошелъ къ отцу моему духовному, іеромонаху Антонію, и открылъ ему свое намѣреніе. Онъ же со всею любовію меня благословилъ, только съ тѣмъ, чтобы по прибытіи въ Святую Гору не жить по своей волѣ, а поручить себя наставнику и отцу духовному. Еще послалъ меня посовѣтоваться къ отцу Іоанну, схимнику и пустынножителю. Я сходилъ и къ отцу Іоанну, и сказалъ ему намѣреніе и отъ юныхъ лѣтъ мое желаніе въ Святую Аѳонскую Гору. Онъ же сіе тяжко себѣ вмѣнилъ, заплакалъ, и началъ говорить мнѣ: «Хотя и есть тебѣ воля Божія идти въ Святую Гору, но я желалъ бы, чтобы ты пожилъ еще въ здѣшнемъ монастырѣ: ибо жалѣю съ тобою разлучиться. Болѣе мы на семъ свѣтѣ не увидимся, а я хотѣлъ бы, чтобы ты похоронилъ грѣшное мое тѣло: ибо уже не много осталось мнѣ и жить. Но впрочемъ волѣ Божіей противиться не могу, и удерживать тебя не буду; твори, еже хощеши; Господь благословитъ; помяни и меня въ своихъ молитвахъ въ Святой Горѣ Аѳонской. А можетъ, Господь приведетъ тебя быть и во святомъ градѣ Іерусалимѣ: помяни мое окаянство на живоносномъ Христовомъ гробѣ и на прочихъ святыхъ мѣстахъ.» А я ему отвѣтилъ: «Какъ могу быть въ Іерусалимѣ? Дойдти туда много требуется денегъ, а я теперь не имѣю; родные теперь не дадутъ, да и

не хочу просить ихъ: а мнѣ бы весьма желательно побывать во святомъ градѣ Іерусалимѣ, и поклониться живоносному Христову гробу; но не имѣю возможности тамъ быть, а прошу Господа моего Іисуса Христа и Пречистую Его Матерь, и вашихъ святыхъ молитвъ, чтобы только достигнуть благополучно въ Святую Гору Аѳонскую, и тамъ скончать животъ свой.» Онъ же мнѣ отвѣчалъ: «Не такъ будетъ, какъ ты помышляешь: отъ человѣкъ невозможно, а отъ Бога вся возможна. Будешь во Святой Горѣ, будешь и въ Іерусалимѣ, будешь и тамъ, гдѣ ты и не помышляешь. Еще много тебѣ предстоитъ постранствовать и пройдти сквозь огнь скорбей и воду искушеній; и аще все перенесешь безъ роптанія, и претерпишь съ благодареніемъ, тогда развѣ достигнешь въ покой.» Я палъ ему въ ноги, и со слезами просилъ его помолиться обо мнѣ ко Господу, да, егда найдутъ на меня скорби и искушенія, подастъ мнѣ Господь терпѣніе перенести оныя съ благодареніемъ. Еще со слезами началъ его просить, да дастъ мнѣ послѣднее наставленіе, какъ мнѣ переплыть многоволнистое и страшное море житія сего, какъ достигнуть въ тихое и небурное пристанище, въ небесное наше отечество, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная, и какую мнѣ избрать жизнь въ Святой Горѣ Аѳонской?

3. Онъ же началъ мнѣ говорить: «Мое наставленіе такое: когда достигнешь Святой Горы, избери себѣ искуснаго старца, отца и наставника, и препоручи ему свое тѣло и душу, и буди ему послушенъ даже до смерти, и гдѣ онъ благословитъ, тамъ и живи. Аѳонскіе отцы выше молдавскихъ; я и самъ бы же-

лалъ съ ними пожить и отъ нихъ пользоваться, и дважды путешествовалъ во Святую Гору: но воля Божія и смутныя времена не позволили мнѣ тамъ препровождать жизнь свою, и я паки возвратился въ Молдавію, въ свою обитель. А о будущемъ блаженствѣ, какъ его достигнуть, скажу тебѣ вкратцѣ: Гдѣ будешь жить, гдѣ будешь странствовать, вездѣ и на всякомъ мѣстѣ владычество Господне и благодать Его присутствуетъ, только аще по волѣ Его святой будемъ жить и волю Его творить: не мѣсто человѣка просвѣщаетъ, но человѣкъ мѣсто. Воля же Господня состоитъ въ главныхъ трехъ добродѣтеляхъ, т. е. въ вѣрѣ, любви и надеждѣ. Первое вѣра: вѣра есть глава всѣмъ добродѣтелямъ. Безъ вѣры всѣ добрыя дѣла мертвы. Праведникъ отъ вѣры живъ будетъ. Вѣрою вси Святіи побѣдиша міръ, содѣяша правду, получиша обѣтованія (Евр. гл. 11-я.). Аще совершенную стяжеши вѣру къ Богу, то ничего тебѣ не будетъ невозможнаго, но вся покорена будутъ тебѣ, и ни какія скорби и напасти одолѣть тебя не могутъ. О сей вѣрѣ сказалъ Господь ученикамъ Своимъ: «аще имате вѣру, яко зерно горушно, аще речете и горѣ сей: двигнися и верзися въ море: будетъ». (Матѳ. 21, 21). Сію вѣру стяжали Апостолы, и прошли по всей вселенной, яко овцы посредѣ волковъ, и уловили вся языки въ Христову вѣру. Сію вѣру имѣли святые мученики, проліявшіе свою кровь. Сію вѣру имѣли Преподобные отцы, которые, оставивъ міръ и яже въ немъ, удалялись въ пустыни, и едины со единымъ Богомъ пребывали въ ней, овые четыредесять, овые пятьдесятъ и шестьдесятъ лѣтъ; единою повѣровали Богу, и Господь пропиталъ ихъ, хотя и мало кого

отъ человѣкъ видѣли. Такую вѣру аще стяжеши, то и ты не далече будеши царствія небеснаго.» Но я ему отвѣчалъ. «Отче святый, какъ могу стяжать вѣру сію, которая превосходитъ естество человѣческое? Я человѣкъ грѣшный, и повседневно обрѣтаюся въ немощахъ.» Онъ же сказалъ: «Да, правда; эта вѣра трудами и подвигами, постомъ и молитвою стяжавается, совершеннымъ послушаніемъ и отсѣченіемъ собственной воли укрѣпляется и возрастаетъ. Но паки глаголю: аще не стяжеши такой вѣры, то не можешь стяжать и надежды на Бога и любви къ Богу и ближнему; аще ли сихъ не стяжеши, и не очистиши внутренняго человѣка, не побѣдиши страстей: то всуе наше будетъ удаленіе отъ міра, только однимъ тѣломъ, а не умомъ и сердцемъ. А тогда какъ бы не постигла насъ страшная угроза: *ни теплъ еси, ни студенъ, изблевати тя имамъ* (Апок. 3, 16)? Теперь иди съ Богомъ, и помни слова мои. А когда соберешься совсѣмъ, то пріиди ко мнѣ проститься: и я грѣшный еще что-нибудь скажу тебѣ на пользу, и провожу тебя.» Я палъ ему въ ноги, и благодарилъ его за наставленіе, яко никогда такъ много со мною не бесѣдовалъ и не пользовалъ, какъ въ этотъ разъ. Онъ же паки рече: «Это потому, что пришло время намъ разлучиться, и на семъ свѣтѣ намъ не видаться. Ты полетишь чрезъ великія горы и чрезъ пучины морскія, въ далекія страны, и будешь летать многія лѣта; а я останусь въ этой моей малой келліи, гдѣ и скончаю животъ мой. А когда ты пріидешь ко мнѣ послѣ, то еще больше тебѣ скажу.» Получивши отъ него благословеніе, я вышелъ; а онъ меня проводилъ. И пошелъ я въ монастырь, радуяся;

что сподобился получить благословеніе идти въ святую Гору Аѳонскую.

4. Пустыня, въ которой обиталъ старецъ Іоаннъ, отстоитъ отъ монастыря Вороны на часъ ходу, или пять верстъ, въ непроходимомъ мѣстѣ, въ темномъ лѣсу, между великихъ горъ, при источникѣ водъ. Въ этой пустынѣ проходилъ поприще иноческихъ подвиговъ болѣе сорока лѣтъ старецъ схимонахъ Онуфрій, пустынножитель, гдѣ скончалъ и животъ свой; тамъ и гробъ его источаетъ благовоніе; скончался уже болѣе сорока лѣтъ. Былъ другъ и собесѣдникъ великому старцу Паисію Величковскому и его старцу Василію, основателю монастыря Мерлополяны, въ Валашскомъ княжествѣ.

5. По пришествіи въ монастырь, пошелъ я къ духовнику, и повѣдалъ ему, что̀ слышалъ отъ старца Іоанна. Онъ же весьма обрадовался, и послалъ меня къ отцу Архимандриту Рафаилу просить позволенія и билета на путь. Пришедши къ Архимандриту, я открылъ ему свое намѣреніе и желаніе въ святую Аѳонскую Гору, и началъ просить благословенія и билета. Но онъ началъ меня отговаривать и предлагать разныя неудобства, говоря: « Въ Святую Гору безъ денегъ идти невозможно; ежели чрезъ моря, то много потребуется денегъ; потому что надобно три моря перейдти: первое — Черное, второе — Мраморное и третье—Архипелагъ. Уже мало надобно по сту рублей на человѣка, только на дорогу; а безъ денегъ и тамъ нигдѣ не пріймутъ, не только жить, но и ночевать, потому что тамъ все дорого, а наипаче хлѣбъ; да еще платятъ туркамъ великія дани, и съ каждаго человѣка платятъ харачь. А ежели идти посуху, то

есть великія непроходимыя горы, и въ нихъ множество разбойниковъ—арнаутовъ; этотъ путь почти непроходимый, а которые и проходятъ, то собираются великими караванами, съ орудіями огнестрѣльными, да и то много пропадаетъ. А хотя и дойдешь, то и тамъ безъ денегъ не пріймутъ, а хотя и пріймутъ, то будешь работать земляную работу день и ночь; а ты къ работѣ черной не привыченъ. Въ Аѳонскую Гору надобно идти или золотому или желѣзному. У меня много есть такихъ, которые бывали тамъ, и паки обратно пришли; спроси ихъ самъ, они тебѣ скажутъ, какова тамъ жизнь. Не лучше ли жить на одномъ мѣстѣ? Ежели желаешь, то постригу въ мантію, и посвященъ будешь во іеромонахи. А билета не дамъ и благословенія идти на такія бѣдствія.» Но я сказалъ ему: «благодарю, ваше высокопреподобіе, за ваше доброе привѣтствіе, но постригаться я здѣсь не имѣю желанія, кромѣ Святыя Аѳонскія Горы; а это ваша правда, что труденъ путь, и много требуется денегъ; это мнѣ давно и прочіе сказывали; но я пойду не съ деньгами, а съ Господомъ Богомъ, и не на что иное уповаю, а только на единаго Господа Бога моего; а когда прійду туда, то самъ своими очами посмотрю: ежели не будетъ возможности тамъ жить, то паки къ вамъ возвращусь подъ ваше покровительство, якоже къ Ною голубица.» Онъ же сказалъ: «иди, и подумай добрѣ; да отложи намѣреніе до весны, а теперь я тебя не отпущу.» И вышелъ отъ него со скорбію, яко не получилъ желаемаго.

6. Потомъ я созвалъ всю свою братію, которые обратились изъ раскола: отца Макарія, прежде бывшаго Гедеона, и отца Алипія, теперь Александръ, и

прочихъ, и объявилъ имъ свое желаніе и намѣреніе идти въ Святую Гору Аѳонскую, которое имѣлъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ. И говорилъ, что за тѣмъ мы больше съ отцемъ Іоанномъ воротились изъ Россіи, дабы ѣхать во Святую Гору, но онъ по своимъ обстоятельствамъ уѣхалъ паки въ Россію, а я неотлагаемое имѣю намѣреніе въ Аѳонъ; отецъ духовникъ и отецъ Іоаннъ пустынникъ меня благословляютъ, а только Архимандритъ удерживаетъ. И изъ васъ кто хочетъ со мною путешествовать, да идетъ; а не хощете, оставайтесь съ Богомъ здѣсь. Они же начали меня отговаривать подобно Архимандриту, представляя разныя невозможности, а кольми паче неимѣніе денегъ. Но я имъ сказалъ: « Вы денегъ жалѣете, дабы ихъ не расточить; но я милостію Божіею ихъ не имѣю, и расточать нечего, и жалѣть не о чемъ, а возвергну на Господа печаль мою, и Той мя препитаетъ. Сколько тысячъ монаховъ живетъ въ Святой Горѣ, и всѣхъ Царица Небесная питаетъ: меня ли одного не можетъ пропитать? » Послѣ сего одинъ изъ братій, именемъ Никита, иконописецъ, котораго я обратилъ изъ раскола, и который пришелъ со мною въ монастырь, палъ мнѣ въ ноги, и сказалъ: « и я бы желалъ съ тобою идти въ Святую Гору, да не съ чѣмъ.» Я же ему сказалъ: « пойдемъ, возлюбленный братъ; имѣю у себя 100 левовъ (20 руб. асс.); что̀ есть, все вмѣстѣ, а чего не достанетъ, то Господь Богъ дополнитъ; и пойдемъ сухимъ путемъ: разбойниковъ намъ бояться нечего, а хлѣбомъ Богъ насъ пропитаетъ.» И начали собираться въ путь.

7. Потомъ я паки пошелъ къ отцу Іоанну пустыннику, и пересказалъ ему, что много меня стращаютъ,

и отецъ Архимандритъ удерживаетъ. Онъ же мнѣ сказалъ: « Они всѣ разсуждаютъ по человѣческому разуму, а не по Божію благоизволенію. Аѳонская Святая Гора управляется самою Божіею Матерію: туда много ходятъ и съ деньгами, но паки возвращаются; а другіе и безъ денегъ, но тамъ живутъ; кого какъ благословитъ Матерь Божія. И Архимандритъ васъ отпуститъ: я ему поговорю, а вы идите сухимъ путемъ; васъ хлѣбомъ Болгары пропитаютъ. А то̀, что̀ обѣщался тебѣ сказать, скажу теперь, а ты послушай со вниманіемъ, и запиши все на своемъ сердцѣ. Прежде тебѣ сказалъ я только о вѣрѣ въ Бога: теперь послушай и о надеждѣ на Бога. Гдѣ ты будешь жить, не полагай надежды ни на кого смертнаго, ни на царя, ни на князя и сына человѣческаго, въ нихже нѣсть спасенія, ниже на патріарха, ни на архіерея, ни на купцовъ, ниже на какого-либо человѣка: ибо всякъ человѣкъ ложь; ниже полагай надежду на богатство, ни на славу міра сего, ниже на чинъ: богатство бо яко роса утренняя. Якоже бо роса изсыхаетъ, тако и богатство исчезаетъ; и всяка слава человѣча, яко цвѣтъ травный: вечеромъ цвѣтетъ, а утромъ подкошенъ бываетъ и увядаетъ; такъ и слава человѣческая: днесь хвалятъ, а заутро поносятъ и укоряютъ. Ты же, возлюбленное чадо, всю свою надежду полагай на Господа Бога. Теперь надобно тебѣ показать свою вѣру и надежду не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ, безъ роптанія. Теперь тебѣ наступаетъ время скорбей и искушеній, по морямъ и посуху; ты же не унывай, но единожды повѣровавъ Господу Богу, полагай всю надежду свою на Бога, и воспѣвай съ Пророкомъ Давидомъ: *буди, Господи, милость*

Твоя на насъ, якоже уповахомъ на Тя. Пс. 32, 22. И паки: *Блажени вси надѣющіися на-Нь. Надѣющіися на Господа, яко гора Сіонъ: не подвижится въ вѣкъ живый во Іерусалимѣ.* Пс. 2, 12. 124, 1. Теперь скажу и о любви къ Богу и ближнему. — Возлюбиши Господа Бога твоего отъ всея души твоея, и отъ всего сердца твоего, и отъ всего помышленія твоего. Такъ намъ должно любить Господа Бога, что ради любви Его ничего не должно намъ щадить, ниже самихъ себя. Такъ его возлюбили святые Апостолы, и прошли всю вселенную скорбяще, озлоблени, укоряеми и поношаеми, въ узахъ и въ темницахъ, а послѣ и самую смерть претерпѣли за любовь Христову. Такъ Его возлюбили святые Мученики, и все пренебрегши, родителей, женъ, и дѣтей, саны и чести, дабы не разлучиться со Христомъ, проліяли кровь свою, яко воду. Такъ возлюбили Его Преподобные отцы наши, и любве ради Его оставили міръ и славу міра, и всю прелесть его, родителей и всѣхъ сродниковъ своихъ; любви ради Христовой удалились въ монастыри и въ пустыни, и отдали себя въ послушаніе съ совершеннымъ отсѣченіемъ своей воли и своихъ прихотей, да безъ всякаго препятствія поработаютъ Господу своему. Ты же, возлюбленный брате, уже начатокъ сдѣлалъ, теперь потщися Господа своего возлюбить отъ всея души своея, т. е. соединиться съ нимъ сердцемъ, умною и безпрестанною молитвою: *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго.* И старайся очищать внутренняго человѣка отъ всѣхъ помышленій противныхъ Богу; тогда познаешь, *коль сладка* будутъ *гортани* твоему *словеса* Господня (Пс. 118, 103), и коль весело и радостно

быть съ Богомъ. Пророкъ сказалъ: « помянухъ Бога, и возвеселихся » (Пс. 76, 4); кто съ Нимъ непрестáнно бесѣдуетъ и поминаетъ имя Его святое, тотъ какъ не возвеселится и не возрадуется о имени Господни? Аще съ земнымъ царемъ пріятно и радостно имѣть бесѣду, и получать отъ него награду; кольми паче съ небеснымъ Творцемъ, на Негоже не смѣютъ чини ангельстіи взирати, какъ не сладостно намъ грѣшнымъ и непотребнымъ рабамъ имѣть бесѣду? О коль сладостно! Но оставимъ объ этомъ говорить; невозможно на словахъ объяснить того; а когда самъ вкусишь на дѣлѣ, тогда познаешь, и скажешь: *Господи, добро есть намъ здѣ быти;* возьми меня отъ суетнаго міра сего и отъ его прелестей; не хощу болѣе въ немъ пребывати; боюся, дабы паки не разлучилъ меня съ Тобою, сладчайшимъ моимъ Господомъ, Творцемъ моимъ и Спасителемъ. Теперь иди ты во святую Аѳонскую Гору, и достизай получать этой сладости; тамъ найдешь такихъ отцевъ и наставниковъ, которые ею преизобилуютъ, и тебѣ могутъ удѣлить; только ты во всемъ ихъ послушай.

8. Еще скажу тебѣ, какъ намъ должно любить и ближняго своего и всякаго человѣка. Апостолъ сказалъ: *аще кто речетъ, яко люблю Бога, а брата своего ненáвидитъ, ложъ есть.* 1 Іоан. 4, 20. Любовь къ Богу доказывается любовію къ ближнему. Не такъ намъ должно любить ближняго, якоже самихъ себя, но несравненно болѣе. Тогда познавается совершенная любовь, егда положимъ душу свою за брата своего. Іоан. 15, 13. Вотъ совершенная любовь! Этой любви не можетъ стяжать никто, привязанный мыслію и сердцемъ къ прелестямъ міра сего. Отчего быва-

ютъ въ мірѣ убійства, грабительства, злоба, зависть, ненависть, клевета, тяжбы? Либо ради имѣнія и богатства, либо ради чести и славы міра сего, или ради какихъ-нибудь плотскихъ и тѣлесныхъ страстей; потому сказано: *любовь міра сего вражда Богу есть.* Іак. 4, 4. *Ни кій же рабъ можетъ двѣма господинома работати.* Лук. 16, 13. Поэтому, кто хощетъ отъ всего сердца возлюбить Господа Бога и ближняго своего, тотъ долженъ, по Евангелію, оставить міръ и вся, яже въ мірѣ, и идти во слѣдъ за Христомъ, путемъ иноческаго житія. Да и тогда аще не вступимъ въ совершенное послушаніе, и не отсѣчемъ собственной своей воли, и не будемъ хранить своего сердца отъ помысловъ скверныхъ, и не будемъ стараться о очищеніи внутренняго человѣка, то и въ пристанищѣ можемъ погибнуть. Наше спасеніе состоитъ въ отверженіи самихъ себя и въ храненіи своего сердца, и въ непрестанной умной Іисусовой молитвѣ. Аще же отвержемся самихъ себя, и будемъ хранить свое сердце отъ прилоговъ вражіихъ, и держать свой умъ въ непрестанной молитвѣ, и вкусимъ той духовной сладости; тогда соберутся и пребудутъ въ насъ всѣ три добродѣтели: вѣра, надежда и любовь; тогда и вселится въ насъ Святая Троица, Отецъ и Сынъ и Святый Духъ, Единый Богъ, Емуже слава во вѣки вѣковъ.

9. Еще, возлюбленное чадо и брате, поговорю тебѣ, яко юному сыну и недавно отрожденному въ Святой Соборной Православной Христовой Церкви. Хотя и самъ ты добрѣ знаешь Божественное и отеческое писаніе; но послушай меня, убогаго старца, и запиши слова мои на своемъ сердцѣ. Когда пріидетъ время, повѣдай и прочимъ, и не скрой даннаго тебѣ таланта

въ землю, но отдай его торжникомъ: пусть куплю дѣютъ. Блюдися чадо, да никтоже тя прельститъ; понеже нынѣ время зло есть: всюду ереси, всюду расколы, всюду раздоры церковные, всюду развратъ и роскошество умножилися. А наипаче много ты всего увидишь и услышишь въ своемъ странствіи: ибо много ты пройдешь странъ и градовъ и народовъ, и со многими людьми имѣть будешь бесѣды: блюдися, да не подашь соблазна и повода къ злу, или къ разврату. А наипаче блюдися ересей и расколовъ, блюдися роскоши, блюдися ученія латинскаго и злому дреннаго Папы Римскаго, того чермнаго змія, егоже хоботъ отторже третію часть звѣздъ отъ церковнаго неба (Апок. 12, 3. 4.); блюдися его душепагубной уніи; блюдися сообщника древнимъ еретикамъ и послѣдователя иконоборцамъ, говорю—Мартина Лютера, иже возверже хулу и поруганіе на Святую Христову Церковь, на святыя иконы, на святыхъ угодниковъ Божіихъ и на иноческій чинъ. Еще блюдися злѣйшего отродка сатаны діавола, сына геенны и явственнаго предтечи послѣдняго антихриста, иже пришелъ предуготовить ему мѣсто, говорю — того проклятаго Волтера, иже изблева свой злый ядъ и хулу на Всевышняго своего Творца и Бога и на Святую Христову Церковь и отъ Бога учиненную царскую власть, и основалъ себѣ гнѣздо въ томъ адскомъ днѣ—Парижѣ, откуда вся злая происходятъ на весь міръ, и откуда, какъ изъ бездны, исходятъ злые звѣріе, и пондаютъ Христово стадо. Оттуда исходятъ всѣ бѣсовскія моды. Оттуда происходятъ ехидновы порожденія, злые отродки проклятаго Волтера, масоны и вольнодумы, иже уловляютъ незлобивыя души и отвлекаютъ отъ Бога,

разстроиваютъ царства, возмущаютъ народное спокойствіе, и вооружаютъ противъ Бога. Охъ! увы! увы! не могу не плакать: сколько золъ отъ нихъ происходитъ! О Господи, соблюди и сохрани отъ нихъ Святую Свою Церковь! Спаси и помилуй Россійскаго Благочестивѣйшаго Царя во вѣкъ вѣка! Еще, чадо, блюдися волковъ, крыющихся по лѣсамъ и по деревнямъ, и скрывающихся по градамъ, глаголю — раскольниковъ и разныхъ безтолковыхъ сектъ раскольническихъ; они не меньше западныхъ отступниковъ терзаютъ Христову Церковь, и отрыгаютъ скверныя своя уста и ядъ хуленія на Святую Церковь и на ея Пастырей. Не имѣй дружбы съ развратными и не соблюдающими святыхъ постовъ. Не имѣй близкой дружбы съ женами: ибо онѣ весьма вредны нашему иноческому званію. Блюдися новопроникшей страсти къ табаку, весьма неприличной нашему иноческому чину и всему вообще духовному званію: ибо мы *свѣтъ міру*. *Аще свѣтъ* будетъ *тма, то тма кольми. Да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего* Небеснаго (Матѳ. 6, 23. 5, 14. 16.). Да не соблазнимъ ни *единаго отъ малыхъ сихъ: горе тому, имже соблазнъ приходитъ* (Матѳ. 18, 7). Крѣпко держися Святыя Соборныя Апостольскія Христовы Церкви Православныя. Она самимъ Христомъ Богомъ въ Іерусалимѣ основана, святыми Апостолами во всю вселенную пронесена и проповѣдана, святыми седмью Вселенскими Соборами утверждена, мученическою кровію запечатлѣна, и святыми Отцами засвидѣтельствована. Слушай и почитай ея Пастырей: Святѣйшихъ Патріарховъ, Митрополитовъ, Архіепископовъ

и Епископовъ. Святая Церковь утверждена стоитъ на седьми столбахъ — на седьми Тайнахъ; ее утвердилъ самъ Христосъ сими словами: *на семъ камени созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей.* И обѣщался съ ней быть до скончанія вѣка, тако сказавъ: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка: аминь.* — Теперь иди съ Богомъ.» Выслушавъ сіи слова, я упалъ ему въ ноги и благодарилъ его за наставленіе. И еще сказалъ ему: «отче святый, хотѣлъ бы васъ еще нѣчто спросить.» Онъ же сказалъ мнѣ: «послѣ; паки прійди ко мнѣ, и тогда спросишь, что̀ нужно.»

10. Пришедши въ монастырь, я цѣлый почти мѣсяцъ ходилъ къ Архимандриту, и просился, да отпуститъ насъ; онъ же удерживалъ, а потомъ сказалъ: «Хотѣлъ васъ удержать, но уже не могу. Богъ васъ благословитъ! Идите съ Богомъ, и за меня тамъ помолитесь; я изготовлю вамъ на дорогу паспорты.» Мы же, получивъ благословеніе, вышли съ радостію. И я паки пошелъ къ отцу Іоанну въ пустыню, и сказалъ ему, что Архимандритъ съ любовію отпускаетъ. Онъ сдѣлался весьма радостенъ, и отъ радости много пролилъ слезъ, и я, смотря на него, много плакалъ. Потомъ взялъ меня въ свои объятія, и омочилъ слезами, и началъ говорить: «Теперь уже послѣдняя наша будетъ съ тобою бесѣда, и въ послѣдній разъ ты у меня въ гостяхъ; уже мы больше не увидимся другъ съ другомъ въ этомъ суетномъ мірѣ; паки говорю тебѣ: полетишь ты въ далекія страны, и облетаешь много странъ и народовъ, и много претерпишь напастей; но не изнемогай: подобаетъ бо намъ многими скорбьми и напастьми внити

въ царствіе небесное; въ терпѣніи своемъ стяжи душу свою, и за враговъ своихъ молися, чтобы не поставилъ Господь имъ грѣха. А что̀ хотѣлъ спросить, то спроси.» Я опять упалъ ему въ ноги, и началъ ему говорить: «Отче святый, повѣдайте мнѣ жизнь свою: откуда вы родомъ? И гдѣ проживали прежде? И давно ли находитесь въ сей пустыни? И какую проходили и проходите жизнь? Да и азъ грѣшный пріиму пользу себѣ, и прославлю Отца Небеснаго.» Онъ же, воздохнувъ, заплакалъ, и началъ говорить слѣдующее: «Великое просилъ еси; что̀ тебѣ повѣдаю, развѣ грѣхи моя? И въ чемъ похвалюся, развѣ въ немощахъ моихъ и въ повседневныхъ искушеніяхъ? И не повѣдалъ бы тебѣ, но боюся, да не уподоблюся рабу, скрывшему талантъ Господина своего. Еще за то повѣдаю, что много ты послужилъ моей старости, и много тебя люблю. Повѣдаю не ради тщеславія и славы человѣческой, но славы ради Божія. Еще и потому, что близко моя кончина; да еще и ты идешь въ далекія страны; но пока будешь слышать, что я живъ, то никому не повѣдай; когда же помру, тогда какъ знаешь. Послушай теперь.

11. Я родомъ великороссіянинъ, изъ самой внутренней Россіи; отъ какого рода, того тебѣ знать не нужно. Отъ юности моея возлюбилъ я Господа моего Іисуса Христа. Отъ юности усмотрѣлъ суету и непостоянство міра сего, краткость настоящей жизни и безконечность будущей, и размыслилъ, что кто на семъ свѣтѣ послужитъ и поработаетъ Господу Богу, тотъ спасетъ душу свою, наслѣдуетъ вѣчное блаженство, а кто согрѣшитъ и прогнѣваетъ Господа Бога, тотъ долженъ принять вѣчное мученіе, и потому раз-

судилъ поработать Господеви своему безъ всякихъ препятствій отъ суетъ міра сего, оставилъ все, и послѣдовалъ Христу съ самыхъ младыхъ лѣтъ моихъ. Прежде странствовалъ по россійскимъ монастырямъ, и во многихъ монастыряхъ слышалъ о великомъ старцѣ Паисіи и его великихъ подвигахъ, о великомъ его богособранномъ стадѣ и о прочихъ молдавскихъ отцахъ, и о старцѣ Онуфріи, который въ сей пустыни препроводилъ жизнь свою и скончалъ животъ свой. И я предпринялъ путешествіе, и достигъ Молдавіи и великой обители Нямецкой.

12. Здѣсь я увидѣлъ великаго старца Архимандрита, отца Паисія, и святолѣпныя его сѣдины, и Богомъ собранное его великое полчище. Его учениковъ уже было около тысящи. И я припалъ къ стопамъ его, и началъ его просить, да пріиметъ меня въ свою святую обитель, и причислитъ къ своему стаду. Онъ же съ любовію принялъ меня, и причисливъ въ братство, далъ мнѣ келлію, назначилъ послушаніе, и препоручилъ меня духовнику. Онъ всѣхъ приходившихъ и желавшихъ съ нимъ жить принималъ, хотя старшіе нѣкіе изъ братій и скорбѣли, ибо терпѣли недостатки тѣлесныхъ потребъ; но онъ завсегда говаривалъ братіи: «Азъ грядущаго ко мнѣ не изжену вонъ; прибылъ братъ, прибыла и молитва. Пошлетъ Богъ и на него пищу.» И я грѣшный началъ жить въ томъ богособранномъ его стадѣ, и наслаждаться его богомудренными наставленіями, и утѣшаться, смотря на его благолѣпныя сѣдины.

13. Старецъ Паисій всѣхъ училъ, всѣхъ утѣшалъ, всѣмъ съ отеческою любовію наказывалъ не разрушать общежитія, имѣть совершенное послушаніе и

смиреніе, отсѣкать свою волю, и внушалъ, чтобы всѣ повиновались единъ другому, и почитали единъ другаго земнымъ поклономъ, чтобы всякій имѣлъ ступаніе кротко, руцѣ согбеннѣ къ персямъ, главу наклоненну, очи потуплены въ землю, сердце горѣ къ Богу, а умъ въ безпрестанной Іисусовой молитвѣ; и чтобы во всѣхъ была любовь нелицемѣрная. А наипаче старался во всякомъ посѣять и углубить божественное сѣмя, сердечное дѣланіе, умную и безпрестанную молитву Іисусову. И была тогда Нямецкая обитель яко рай, Богомъ насажденный: всѣ во единомысліи и любви работали Господу своему; было совершенное общежитіе и любовь во всѣхъ, и была во всѣхъ яко единая душа; всякъ проходилъ свое послушаніе со смиреніемъ, безъ роптанія, всѣ съ любовію взирали на пастыря своего и предводителя, и утѣшались его лицезрѣніемъ и бесѣдою, и его святолѣпными сѣдинами: ибо онъ всѣмъ былъ образъ и примѣръ своею смиренною жизнію. Но сколько онъ былъ смиренъ и кротокъ, столько былъ и строгъ: за малое какое-либо безчиніе строго взыскивалъ. Въ одно время шелъ по монастырю одинъ послушникъ, и неблагочинно руками размахивалъ, и очами сѣмо и овамо озирался. Старецъ смотрѣлъ въ окно, и посторонних спросилъ: «какого духовника этотъ послушникъ?» Они ему сказали. Онъ же призвалъ духовника, и сдѣлалъ ему строгій выговоръ, и сказалъ: «Такъ ли ты наставляешь учениковъ своихъ? Они безчинствуютъ и соблазняютъ братію. Монахъ долженъ быть во всемъ монахъ: ступаніе кротко, руцѣ къ персемъ, очи въ землю, главу наклонну, каждому встрѣчающемуся дѣлать поклоненіе, іеромонаху или

монаху—до земли, равному себѣ—въ поясъ. Ты скажешь, что онъ еще не монахъ; но кто живетъ въ монастырѣ, постриженъ ли или не постриженъ, всѣ должны наблюдать монашество, и брать со старшихъ примѣръ. За это обоимъ вамъ съ ученикомъ даю канонъ — три дня въ трапезѣ творить поклоны, да и прочіе накажутся не дѣлать безчинства.» Еще онъ строго наблюдалъ, чтобы крестились правильно: кто неистово, или съ небреженіемъ, изображалъ крестное знаменіе на лицѣ своемъ, того весьма строго наказывалъ, и всегда говаривалъ: «кто неистово изображаетъ крестное знаменіе, того маханію бѣси радуются.» Такожде наблюдалъ великое благочиніе и въ церкви: всегда самъ обходилъ всю братію, чтобы всѣ стояли чинно, со страхомъ и трепетомъ, и наблюдали всѣ поклоны, а наипаче на клиросахъ и за чтецами, чтобы ни единаго поклона не опустили: на *Святый Боже,* на *пріидите поклонимся* и на *аллилуіа.* И весь чинъ и уставъ и напѣвы содержалъ св. Горы Аѳонскія. Табакъ строго запрещалъ употреблять; а кто не исправлялся, того изъ монастыря выгонялъ. Ересей и расколовъ столько опасался, что всѣхъ обращающихся, какъ отъ раскола, такъ и отъ западныхъ латинскихъ ересей, крестилъ, что̀ и до-нынѣ содержитъ молдавская Церковь. Явную онъ показалъ ревность по благочестію тѣмъ, что когда онъ жилъ съ братіею въ монастырѣ Драгомирнѣ, и послѣ военныхъ временъ отшелъ его монастырь вмѣстѣ съ Буковиною подъ австрійское владѣніе, то онъ оставилъ монастырь свой со всѣми богатствами, движимыми и недвижимыми, и перешелъ въ Молдавію, и сказалъ своей братіи: «Отцы и братія, кто хощетъ послушать и

послѣдовать своему старцу, грѣшному Паисію, тотъ да грядетъ со мною, а оставаться въ Драгомирнѣ благословенія никому не даю: ибо въ еретическомъ дворѣ жить, ересей убѣжать не возможно. Папа Римскій яко левъ рыщетъ и по другимъ царствамъ, и ищетъ кого поглотити; не даетъ покою и въ турецкомъ царствѣ, и всегда смущаетъ и оскорбляетъ Св. Восточную Церковь, а кольми паче въ австрійскомъ владѣніи онъ живыхъ поглотитъ.» И тако со всѣмъ своимъ стадомъ ушелъ въ Молдавію. Молдавскій Господарь, видя его ревность по благочестію, далъ ему вмѣсто одного два монастыря: 1-й — Сѣкулъ во имя Іоанна Предтечи, а потомъ и Нямецъ во имя Вознесенія Господня. Старецъ Паисій всегда поучалъ братію блюстися ересей и расколовъ, во всемъ повиноваться Святѣйшимъ Восточнымъ Вселенскимъ Патріархамъ, и почитать ревнителей по благочестію: Святѣйшаго Фотія Патріарха Константинопольскаго и блаженнаго Марка Митрополита Ефесскаго, подвизавшихся противъ Папы Римскаго. Но я не много наслаждался его медоточнаго ученія, только два года; и не сподобился постричься отъ него въ полное монашество, а сдѣланъ отъ него только рясофорнымъ. Потомъ всѣ вдругъ пріуныли и заскорбѣли, услышавши, что старецъ боленъ; все сдѣлалось мрачно и печально. Вскорѣ всѣмъ дана была повѣстка, чтобы всѣ были къ Литургіи. И всѣ слетѣлись, яко орлы, такъ что не могла вмѣстить церковь. Вотъ идетъ и старецъ, поддерживаемый двумя духовниками. Всѣ братія возрадовались, увидавши его святолѣпныя сѣдины, и всѣ поклонились ему до земли; онъ же прошелъ прямо въ алтарь, и во время причастія присту-

пилъ къ Божественнѣй трапезѣ, и причастился Св. Таинъ Тѣла и Крови Христовой. По Литургіи всталъ на свою каѳедру, и всѣмъ повелѣлъ подходить подъ благословеніе: со всѣми простился, и пошелъ въ келлію свою, и уже никого болѣе къ себѣ не принималъ. Чрезъ мало дней услыхали плачевную вѣсть, что скончался старецъ. Послышались плачъ и рыданіе братій, яко лишилися своего старца, отца и наставника. Послѣ трехъ дней похоронили его въ соборной церкви Вознесенія Господня, и остались сиротами. Потомъ по совѣту всей братіи избрали другаго начальника, единаго отъ учениковъ его, духовника Софронія, который постригъ меня въ мантію. Года черезъ два начали измѣняться отца Паисія общежительные уставы и правила, и отъ того сдѣлалось въ монастырѣ смущеніе, чрезъ что нашихъ русскихъ семьдесятъ человѣкъ ушли въ Россію; въ числѣ ихъ былъ знаменитый старецъ отецъ Ѳеодоръ, о которомъ я слышалъ, что онъ претерпѣлъ много скорбей, и скончался въ монастырѣ Александра Свирскаго.

14. Я же грѣшный пошелъ во св. Аѳонскую Гору, чая тамъ возрастить Божественное сѣмя, которое посѣялъ во мнѣ старецъ Паисій. И дойдя по морю благополучно, вселился тамъ въ пустынной келліи, на мѣстѣ, называемомъ Лакъ, и прожилъ тамъ почти два года; пропитывался отъ рукодѣлія, работалъ ложечки. Потомъ наступили смутныя времена, настали войны, пришли разбойники на Св. Гору, и начали творить много пакости. Я окаянный не могъ терпѣть, и паки по морю возвратился въ Молдавію, въ свою обитель.

15. Но вкусивъ пустыннаго, сладкаго паче меда, безмолвія, испросилъ себѣ келлію внѣ монастыря.

Отецъ Архимандритъ съ духовникомъ хотѣли меня хиротонисать во іеродіакона. Но я боялся принять сей санъ, дабы не отучиться мнѣ отъ умной и безмолвной молитвы; просилъ оставить меня на безмолвіи, но они усиливались меня принудить. Я, видя ихъ намѣреніе, отсѣкъ себѣ перстъ десныя руки, и отъ того часа оставили меня, и прозвали «безпалымъ.» И началъ я жить въ безмолвной келліи и проходить нѣкоторыя монастырскія послушанія, и часто посѣщалъ одного пустынножителя схимонаха Платона, ученика старца Паисія, и наслаждался съ нимъ духовными бесѣдами. И прожилъ въ той келліи пять лѣтъ. Но наскучила мнѣ молва, бываемая на послушаніи, и началъ во мнѣ угасать свѣтильникъ Божественнаго свѣта. Тогда началъ я просить Архимандрита, да отпуститъ и уволитъ меня въ глубочайшую пустыню,— въ Покровскій скитъ, къ отцу Платону. Онъ же отказалъ, говоря: «ежели мнѣ васъ такихъ молодыхъ отпускать въ пустыню, то не кому ходить и на послушаніе.»

16. Азъ же изъидохъ плачася, и началъ со скорбію помышляти: какое я собралъ богатство во св. Горѣ Аѳонской, — здѣсь все расточилъ! Пойду паки въ Св. Гору, и тамъ скончаю животъ мой. И пошелъ къ отцу Платону, и открылъ ему свой помыслъ. Онъ же сказалъ мнѣ: «Иди во Св. Гору, и еще поживи тамъ, да паки приходи сюда; и здѣсь уже тебя успокоютъ. И тогда будемъ жить вмѣстѣ, и похоронишь грѣшное мое тѣло; а хотя бы и желалъ остаться тамъ до смерти, но по неволѣ выйдешь.» Я поклонился ему, и пошелъ къ Архимандриту, и началъ его просить, да отпуститъ меня паки во св. Гору Аѳонскую,

и сказалъ ему, что теперь время утихло: а я и тогда оттуда вышелъ за смущеніе. Онъ же съ любовію отпустилъ меня. И я отправился въ путь паки по морю, чрезъ Константинополь; паки достигъ во Св. Гору Аѳонскую; паки вселился въ пустынную келлію; паки началъ ложечки работать, и безмолвіе проходить, и много радовался и веселился, яко паки сподобился достигнуть тихаго и небурнаго пристанища, св. Горы Аѳонскія.

17. Въ одинъ день проходя съ своимъ рукодѣліемъ мимо Иверскаго монастыря, сподобился я видѣть святѣйшаго Патріарха Григорія Константинопольскаго, который проживалъ тогда въ Иверскомъ монастырѣ на покоѣ, послѣ замученъ былъ турками, и погребенъ въ Россіи, въ градѣ Одессѣ. Когда я увидѣлъ его сѣдящаго у вратъ монастырскихъ съ двумя діаконами, сѣдинами украшеннаго, вострепетала душа моя, и возрадовалось сердце мое, и позналъ я, яко Патріархъ есть. И скоро скинулъ съ себя торбу, и бросился къ его ногамъ. Діаконы мнѣ сказали, что это Патріархъ. Онъ благословилъ меня; я поцѣловалъ руку его; а онъ меня въ голову поцѣловалъ, и сказалъ мнѣ: «что, отче, хощешь?» Я сказалъ ему: «хощу, да Ваше Святѣйшество возьметъ отъ моего худаго рукодѣлія.» Онъ приказалъ принести; я выбралъ десятокъ ложечекъ, и подалъ ему. Онъ же выбралъ только три, а прочія назадъ отдалъ. Я просилъ, дабы всѣ взялъ; онъ же сказалъ: «довольно во имя Святыя Троицы; что̀ еще желаешь?» Я сказалъ: «желаю, чтобы Ваше Святѣйшество прочитали мнѣ разрѣшительную молитву.» Онъ же повелъ меня въ свою келлію, надѣлъ на себя омофоръ, и прочиталъ молитву, и сказалъ: «и ты, отче,

моли Господа Бога за мя грѣшнаго.» Азъ же падохъ ему на нозѣ, и благодарихъ его. Онъ же благословилъ, и отпустилъ меня.

18. Прожилъ я три года во св. Горѣ, и паки настало смущеніе; паки умножились разбойники; паки всюду страхъ и трепетъ. Монастыри всѣ заперлись, на келліяхъ всюду скорбь и горе. Терпѣлъ полгода,— помышлялъ, что скоро пройдетъ; однако, часъ отъ часу было хуже, и я болѣе не стерпѣлъ, заплакалъ, и простился съ св. Горой Аѳонской. Оттуда отправился въ Царь-Градъ по морю. Въ Царь-Градѣ былъ у другаго Патріарха, который находился на престолѣ, и отъ него сподобился получить благословеніе, и онъ прочиталъ надо мною молитву. Изъ Царь-Града я отправился на кораблѣ, и много на Черномъ морѣ были обуреваемы, вмалѣ не потонули: цѣлый мѣсяцъ носило насъ по морю, и каждый почти часъ ожидали смерти, и пищи уже не имѣли. Потомъ занесло насъ въ Анатолію, и пристали къ одной горѣ, и благодарили Бога.

19. Здѣсь сказали мнѣ греки-корабельщики: «Отче, теперь, слава Богу, пристали къ Преподобному Григорію! Пойдемъ и поклонимся св. мощамъ его.» Я спросилъ: какого Григорія? Они сказали: «ученика св. Василія Новаго, которому были великія откровенія; онъ по смерти св. Василія удалился въ сію пустыню, и здѣсь скончалъ животъ свой, и здѣсь погребено тѣло его.» Я весьма обрадовался, и просилъ ихъ, да ведутъ меня къ нему. Они взяли ладану и масла, и меня съ собою посадили, и пріѣхали ко брегу, и пошли на гору, а потомъ въ пещеру великую. И шли пещерой далеко, и пришли якобы къ

церкви: посреди сдѣлана гробница, и виситъ одна лампада. Греки сказали мнѣ: здѣсь спасался святый Григорій, подъ сей гробницей погребено тѣло его. Потомъ налили въ лампаду масла и зажгли, и накадили ладаномъ, помолились и приложились ко гробу, и просили угодника Божія, чтобы управился путь нашъ благополучно; потомъ поѣхали на корабль, и Богъ далъ добрый вѣтеръ, и пристали къ одному селу; купивъ здѣсь себѣ пищи, паки отплыли, и въ скоромъ времени прибыли въ Молдавію.

20. И такъ паки возвратился я въ свою обитель, паки приняли меня съ любовію, и уволили въ безмолвный скитъ Покровскій, и вселился близу отца Платона, и сталъ его имѣть другомъ и совѣтникомъ; началъ во всемъ ему подражать, и отъ него пользоваться. Въ то время онъ уже переплылъ страстное море, и достигъ тишайшаго пристанища, сладчайшаго безмолвія. Монастырь Нямецъ не одинъ, но еще подъ собою имѣетъ другой монастырь, называемый Сѣкулъ, и много скитовъ, и во всѣ опредѣляются братія отъ монастыря Нямеца, и пища всѣмъ посылается отъ монастыря Нямеца, а одежду добываютъ сами, и всѣ занимаются разными рукодѣліями, и отдаютъ въ монастырь, и за то получаютъ потребное. Отецъ Платонъ во всю свою жизнь писалъ книги; а я работалъ ложечки. Вскорѣ я постригся въ великую схиму, и оставили меня въ совершенномъ спокойствіи и тишинѣ, и совершенно обезпечили всѣми тѣлесными потребами. И я благодарилъ Господа моего, яко сподобился такое спокойствіе получить.

21. И прожили въ такомъ житіи съ отцемъ Платономъ болѣе двадцати лѣтъ. Каждые пять дней си-

дѣли въ келліи за рукодѣліемъ, въ молчаніи и въ храненіи умной молитвы. Каждую субботу ходили въ соборную Церковь, и причащались святыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой. Такожде каждую недѣлю и великіе праздники ходили на всенощное бдѣніе. Пищу употребляли единожды въ день, простую и не мастящую; среду же и пятокъ постились. Каждый годъ на всю святую Четыредесятницу затворялись мы въ келліяхъ: заготовимъ себѣ сухарей и воды, запремъ окна и двери, и сидимъ едины со единымъ Богомъ до субботы Лазаревой. Только каждую субботу приходилъ духовникъ со святыми Тайнами и причащалъ насъ.

22. Послѣ двадцати лѣтъ отецъ Архимандритъ съ братіею упросили насъ, чтобы перешли поближе къ монастырю, ради пользы прочихъ братій. Хотя намъ и показалось тяжко разлучиться съ возлюбленною и тихою нашею пустынею, но была воля Божія. И паки дали намъ безмолвныя келліи внѣ монастыря. И начали жить по первому пустынному уставу. Мнѣ, слава Богу, было спокойно: а къ отцу Платону пошли всѣ братія, и не были двери у его келліи затворены; но отверсты всякому приходящему. И дана была премудрость, еже пользовати всякаго. И потекла изъ устъ его яко рѣка изобильная. И я часто посѣщалъ его, и не могъ никогда до сытости насладиться его бесѣдою. Егда же настала святая Четыредесятница, паки мы затворились; егда же пришла суббота Лазарева; тогда пошли въ соборъ на Литургію. Отецъ Платонъ шелъ впереди одинъ, а мы съ братіей позади. Въ сіе время сдѣлался отъ главы отца Платона до небесъ бѣлый столпъ. Мы всѣ это видѣли, и пали на землю. Егда же востали, отецъ Платонъ взошелъ уже во

врата монастырскія. Мы за нимъ пришли въ церковь, и поклонились ему до земли. Онъ же сказалъ: « Что̀ вы, братія, мнѣ кланяетесь? Это чудо Богъ показалъ не ради меня, но ради васъ. Видите, какъ Господь Богъ прославляетъ работающихъ Ему! Работайте Господу отъ всея души своея, и васъ Господь прославитъ, аще не въ семъ вѣцѣ, то въ будущемъ нескончаемомъ.» Отецъ Платонъ также всѣхъ училъ побѣждать страсти, проходить совершенное послушаніе и отсѣкать совершенно свою волю, быть смиреніемъ ниже всѣхъ, любовь имѣть ко всѣмъ нелицемѣрную; а наипаче, очищать внутренняго человѣка, и держать безпрестанную умную молитву. Такъ прожили десять лѣтъ. Потомъ покинулъ насъ отецъ Платонъ: преставился, и отъиде на вѣчную жизнь къ сладчайшему своему Господу Іисусу, Котораго отъ юности возлюбилъ, и съ Которымъ умомъ всегда бесѣдовалъ; уже тамо пошелъ зрѣти Его лицемъ къ лицу, а намъ сотворилъ велій плачъ, яко оставилъ насъ сирыхъ на семъ свѣтѣ, однихъ братися со страстями и со врагомъ діаволомъ. Потомъ похоронили его со слезами и съ рыданіемъ, и остался я единъ.

23. Послѣ отца Платона всѣ братія обратились ко мнѣ, съ своими скорбями и немощами: кто не доволенъ пищею, кто отягощенъ послушаніемъ, кто другимъ чѣмъ. А отъ чего это произошло? Отъ того, что изсякла любовь, и разорили общежитіе. Я началъ говорить начальникамъ, чтобы всѣхъ покоили, чтобы всѣхъ равно любили. Они же на словахъ во всемъ слушали, но не на дѣлѣ. Братія же плачутъ, всегда меня безпокоютъ, даже до конца разорили и безмолвіе мое. И началъ я помышлять, что̀ сотворю: аще

мнѣ жить здѣсь, то братію надобно до конца любить, и душу свою за нихъ положить; надобно пострадать, а исправить уже невозможно; аще удалиться: какъ бы Бога не прогнѣвать тѣмъ, что себѣ одному буду искать покоя, а братію оставлю скорбѣть безъ всякаго утѣшенія, а больше той любви нѣтъ, какъ положить душу свою за брата своего; а происходятъ скорби отъ того, что разорили общежитіе, а установить уже трудно; разорили скоро, возстановить много трудности.

24. Трижды пріѣзжалъ Митрополитъ Веніаминъ съ тѣмъ, чтобы устроить общежитіе, и меня къ себѣ призывалъ: но не могли ничего сдѣлать. Старшіе братія ни какъ не захотѣли. Я просилъ Митрополита, чтобы уволилъ меня изъ монастыря Нямеца въ монастырь Ворону, въ пустынную сію келлію великаго старца и пустынника Онуфрія, да и азъ тамо въ тишинѣ и въ безмолвіи препровожду остальные дни жизни моей, и тамо скончаю животъ мой. Нынѣ уже, Владыко, каждый спасая да спасетъ свою душу. Онъ заплакалъ и сказалъ мнѣ: «Хотѣлось, отче Іоанне, чтобы ты здѣсь пожилъ, и поддержалъ братію, утѣшалъ скорбящихъ, пользовалъ немощныхъ; но впрочемъ удерживать тебя боюсь, да не оскорблю тебя. Господь тебя благословитъ; иди, и молись и за мя грѣшнаго Веніамина. И я весьма желаю оставить свою каѳедру, и на покоѣ, въ тишинѣ и въ покаяніи, препроводить остальные дни жизни моей, и скончать животъ мой. Я болѣе сорока лѣтъ Митрополитомъ, управляю молдавскою каѳедрою, и много всякихъ искушеній со мною случалось: дѣла наши великія. Многажды не случалось князя, и я самъ управлялъ

всею Молдавіею. Кто поживетъ, и не согрѣшитъ противъ Бога и противъ ближняго? Давно имѣю желаніе оставить все, и плакаться грѣховъ моихъ; но обстоятельства не позволяютъ. Сколько лѣтъ строю соборъ, а окончить не могу! Хотѣлось бы мнѣ самому его освятить; но уже, видно, не сподоблюсь: ибо силы мои уже изнемогаютъ.» А я ему сказалъ: Владыко святый, уже собору намъ съ тобой не святить, а надобно болѣе позаботиться о внутреннемъ нашемъ соборѣ, чтобы его добрѣ устроить; а спокойствіе получишь только на малое время. И тако простились съ нимъ (*). Азъ же проводивши Митрополита, отправился въ монастырь Ворону, и принялъ меня Архимандритъ Рафаилъ съ любовію, и отпустилъ въ сію пустыню, и успокоилъ меня пищею. Спаси его, Господи! И живу уже здѣсь четвертый годъ, подобно какъ въ раю, во всякомъ спокойствіи и тишинѣ, единъ со единымъ Богомъ. И каждую субботу хожу въ монастырь, и причащаюсь святыхъ Таинъ, и паки стремлюсь въ сію пустыню.»

25. Послѣ сихъ словъ я палъ отцу Іоанну въ ноги, и со слезами началъ ему говорить: «отче святый! прости мя грѣшнаго; повѣдай мнѣ и ничтоже утаи отъ меня о таинствахъ твоего безмолвія: и какіе оно принесло тебѣ плоды, и какими Господь наградилъ

(*) Сей Митрополитъ Веніаминъ много сдѣлалъ благотворенія во святую Гору Аѳонскую, въ общежительный монастырь Есфигменъ, и въ немъ сталъ Ктиторомъ. Послѣ удалился на покой въ Карпатскія горы, въ монастырь Слатинъ, и тамъ преставился съ миромъ, въ 1847 году, уже послѣ отца Іоанна. А соборъ и до-днесь стоитъ не освященъ.

тебя дарами?» Онъ же весь наполнился слезъ, и сказалъ: «Что мя вопрошаеши, чадо, яже выше мене? Остави нынѣ о томъ вопрошати, но иди, съ Богомъ, во святую Аѳонскую Гору, и старайся очищать внутренняго человѣка молитвою; и егда уязвится сердце твое любовію Христовою, тогда самъ познаешь, коль есть добро быти съ Богомъ.» Но я слезно умолялъ, да повѣдаетъ мнѣ хотя мало нѣчто. И онъ со слезами сказалъ мнѣ: «Послушай меня грѣшнаго; исповѣмъ тайну; но пока я живъ, сохрани ее. Открою тебѣ часть моего богатства, да не скрыеши его, но егда будетъ время, то и инымъ подаси. Послушай: по приходѣ моемъ въ Нямецкій монастырь, услышавши отъ старца Паисія объ умной молитвѣ, началъ я испытовать старца Паисія: какъ ее начать, и какъ преуспѣвать въ ней? И началъ дѣломъ испытовать. И она столь мнѣ сладка показалась, что паче всего міра возлюбилъ ее: и оттого бѣгалъ братій, любилъ молчаніе, часто удалялся въ пустыню, бѣгалъ всѣхъ соблазновъ, а наипаче празднословія. Того ради путешествовалъ дважды въ Святую Гору, изнурялъ себя послушаніемъ, трудами, постомъ, поклонами и всенощнымъ стояніемъ, да стяжу умную безпрестанную молитву. Ея ради часто затворялся въ келліи, и всѣ силы мои истощевалъ ея ради; изнурялъ себя даже до изнеможенія. И когда препроводилъ такъ многія лѣта, по-малу начала она во мнѣ углубляться. Потомъ, когда жили мы въ скиту Покровскомъ, тогда посѣтилъ меня Господь за молитвы отца Платона. Осѣнила сердце мое неизреченная радость, и стала дѣйствовать молитва; и столь усладила меня, что и спать мнѣ не даетъ: усну въ сутки одинъ часъ, и то сидя;

и паки востаю, якобы никогда не спалъ; и хотя сплю: а сердце мое бдитъ. И начали отъ молитвы и плоды прозябать. Воистинну, чадо, *царствіе небесное внутрь насъ есть*. Родилась во мнѣ любовь ко всѣмъ неизреченная и слезы: аще хощу, — плачу безпрестанно. И столь сладостно мнѣ сдѣлалось Божественное Писаніе, а наипаче Евангеліе и Псалтирь, что не могу насладиться, и каждое слово приводитъ въ удивленіе и заставляетъ много плакать. О Боже! *безвѣстная и тайная премудрости Твоея явилъ ми еси.* Часто становлюсь съ-вечера читать Псалтирь или молитву Іисусову, и бываю въ восхищеніи, внѣ себя, не знаю гдѣ: аще въ тѣлѣ, аще внѣ тѣла, — не вѣмъ; Богъ вѣсть; только, когда прихожу въ себя, уже разсвѣтаетъ. Но и дадеся мнѣ *пакостникъ плоти, да* мнѣ *пакости дѣетъ, да не превозношуся.* Никакъ не могу быть съ народомъ, а наипаче съ мірянами; а съ женами не могу и говорить: уже болѣе сорока лѣтъ, какъ въ Молдавіи не бывала жена въ моей келліи; хотя и многія желали со мною побесѣдовать; но я отказывался тѣмъ, что немоществую. Еще много претерпѣлъ искушеній и оскорбленій отъ врага діавола; и до-нынѣ еще не отступаетъ. Еще тебѣ скажу: теперь уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ я удалился изъ Россіи, но не могу ея забыть; весьма ее люблю, а наипаче благочестивыхъ Россійскихъ Царей; и всегда въ молитвахъ за нихъ проливаю слезы, да сохранитъ Господь Богъ державу царствія ихъ во вѣкъ вѣка. Хотя и влазятъ въ Россію отъ запада лютые волки терзать Христово стадо, но Господь спасетъ и сохранитъ ее отъ нихъ. Еще скажу тебѣ, что любилъ и до-днесь люблю читать книги, а наипаче Евангеліе,

Псалтирь и Исаака Сирина, и Добротолюбіе, и прочихъ книгъ имѣю довольно, но всѣ лежатъ въ монастырѣ; денегъ же себѣ не стяжевалъ, ниже отъ кого взималъ, кромѣ книгъ. Теперь прости меня, что ты такъ много принудилъ меня глаголати. Пойдемъ въ монастырь, и я тамъ ночую, и васъ провожу заутра.» И пошли въ монастырь.

26. Сей старецъ Іоаннъ скончался послѣ насъ чрезъ четыре года. Росту онъ былъ средняго, власы на главѣ посѣдѣлые, бѣлые, брада не большая, бѣлая; и такъ былъ сухъ, что крови и мяса не примѣтно, кромѣ кожи и костей; лицемъ свѣтелъ и веселъ, и всегда очи его были наполнены слезъ, и никогда ничего не могъ говорить безъ слезъ. Слово его было тихое, мягкое и кроткое, трогательное, такъ что могъ всякаго заставить съ малыхъ словъ плакать; на ходьбѣ былъ легокъ; пищи употреблялъ мало, лакомства отнюдь никакого не имѣлъ; всѣхъ училъ и наставлялъ наипаче терпѣнію, послушанію, посту, смиренію и любви; нѣкоторыхъ—и созерцательному богомыслію, но не всѣхъ; а наипаче всѣмъ внушалъ, чтобы истово ограждали лице свое крестнымъ знаменіемъ. Табакъ же употреблять всѣмъ воспрещалъ: а кому дважды, или трижды внушалъ, и тотъ не покидалъ, того уже больше къ себѣ не принималъ. Еще много плакалъ и соболѣзновалъ о тѣхъ, которые не соблюдаютъ святыхъ постовъ, среды и пятка, и говорилъ: «тѣ люди, которые самопроизвольно не сохраняютъ святыхъ постовъ, живы тѣлесами, а душами померли; ибо навлекаютъ на себя клятву соборовъ и всѣхъ святыхъ отецъ.» И запрещалъ съ ними и дружбу имѣть. Сподобился я грѣшный послужить такому старцу почти

годъ. Каждую недѣлю носилъ ему пищу и вся потребная. Хотя и самъ онъ каждую субботу приходилъ въ монастырь, но никогда самъ ничего не бралъ: потому что онъ такъ быстро уходилъ, что какъ скоро причастится, то и бѣжитъ, пока братія еще въ церкви; въ трапезу же никогда не ходилъ, и не дожидался ея. Часто случалось мнѣ просиживать съ нимъ по дню, и наслаждаться его бесѣдою; и о многихъ спрашивалъ у него недоумительныхъ вещахъ, и получалъ отъ него разрѣшеніе, о чемъ скажу въ другомъ мѣстѣ; а теперь довольно есть.

27. Пришедши съ отцемъ Іоанномъ въ монастырь, ночевали, а поутру пошли мы съ товарищемъ, братомъ Никитою, къ Архимандриту, и получили отъ него паспорты и благословеніе. Онъ напослѣдокъ сказалъ намъ: « ежели тамъ не найдете спокойной жизни, то паки приходите ко мнѣ: я съ любовію пріиму.» Мы же благодарили его за привѣтствіе. Потомъ пошли въ церковь, помолились Господеви и Божіей Матери, и взяли сумочки свои, и отправились въ путь, Сентября 28 дня, 1839 года. Отцы пошли насъ провожать: отецъ Іоаннъ пустынникъ и духовникъ Антоній, и отецъ Макарій, который теперь въ скиту Геѳсиманія, и прочихъ болѣе двадцати отцевъ, и проводили насъ болѣе пяти верстъ, и всѣ мы горько плакали, простились, и разстались. Братія возвратились въ монастырь Ворону, а мы пошли во святую Аѳонскую Гору, радующіися и веселящіися. И пошли внизъ по рѣкѣ Серету. Переправившись на правую страну Серета, шли два дня, и пришли въ градъ Романъ, и тамъ переплыли рѣку Молдаву, впадающую въ Серетъ. И пройдя еще одинъ день, прибыли въ градъ Бакевъ, и

тамъ переправились чрезъ рѣку Быстрицу, впадающую въ Серетъ. Оттуда на третій день пришли въ градъ Фокшаны, и тамъ подписали намъ паспорты, и мы перешли границу, и вступили во Влахійское княжество. Градъ Фокшаны—вполовину молдавскаго владѣнія, а вполовину влахійскаго.

28. Отъ Фокшанъ на два дня ходу, во Влахійскомъ княжествѣ, въ Карпатскихъ горахъ, есть великій русскій общежительный монастырь Мерлополяны, гдѣ жилъ великій старецъ Василій, старецъ старца Паисія Величковскаго. Сказывали намъ, что монастырь великъ и богатъ, и братій въ немъ довольно, а женамъ входу нѣтъ; и живутъ больше малороссіане. Но мы въ него не заходили: боялись, дабы не захватила зима; и пошли прямо къ рѣкѣ Дунаю.

29. Отъ Фокшанъ шли три дня, и пришли въ градъ Браиловъ, стоящій на берегу Дуная, и тамъ замедлили два дня. Въ Браиловѣ живетъ много русскаго народу, купцовъ и жителей: портовой градъ Влахійскаго княжества, великъ и прекрасенъ. И намъ тамъ во многихъ мѣстахъ подписывали паспорты. Потомъ отворили намъ врата, и выпустили насъ въ карантинъ на турецкую страну, и мы съ турками въ легкой лодкѣ переправились чрезъ великую рѣку Дунай въ турецкую державу.

30. Переплывъ Дунай, пришли въ градъ Мачинъ. Отъ Браилова до Мачина три часа (15 верстъ). И тамъ турки подписали намъ паспорты прямо во святую Аѳонскую Гору, сухимъ путемъ: по морю мы не имѣли съ чѣмъ плыть. Здѣсь мы увидѣли ужасное зрѣлище: какое здѣшніе христіане несутъ тяжкое иго турецкое, какое терпитъ притѣсненіе Христова Цер-

ковь! Пріидите, вси христолюбцы, восплачитеся и возрыдайте, и пролейте источники слезъ: како невѣста Христова изгнана изъ града, стоитъ едина въ пустынѣ, поругана и оборвана, еще на-половину и обнаженна: церковь стоитъ внѣ града, на подобіе анбара, сдѣлана изъ досокъ, вымазана глиной, покрыта камышемъ, и одна страна раскрыта; нѣтъ ни креста, ни колоколовъ; и о семъ мы горько плакали. Во градѣ же христіане весьма добрые и страннопріимные; весьма были рады, что мы пришли къ нимъ дѣлить ихъ скорби и иго турецкое. Начали мы ихъ спрашивать: «почему въ такомъ бѣдномъ состояніи находится у нихъ святая церковь, и стоитъ внѣ града?» Они со слезами намъ отвѣчали: «И то, слава Богу, что есть; и ту караулимъ: того и глядимъ, что турки сожгутъ; въ прочихъ мѣстахъ и такой нѣтъ. Здѣсь турки — злые: у насъ одинъ купецъ хотѣлъ покрыть церковь, а его повѣсили; а въ Бабадагѣ и церковь сожгли. Заступиться же за насъ некому: Султанъ далеко; а здѣсь паша что̀ хочетъ, то и дѣлаетъ; владыка грекъ, въ наши дѣла не входитъ, и насъ не защищаетъ. И мы весьма тяжкое несемъ иго турецкое. Вотъ сами посмотрите на наши бѣдствія!» Впрочемъ упокоили насъ пищею и питіемъ такъ, что еще насъ нигдѣ такъ не угостили, ни въ Молдавіи, ни во Влахіи, — хотя сами живутъ и подъ игомъ турецкимъ.

31. Сіи христіане, называемые Ромыни, одежду носятъ болгарскую, а говорятъ языкомъ влахійскимъ. Мы ихъ распросили о пути во святую Аѳонскую Гору, и они намъ разсказали: «Отсюда два пути во Святую Гору: одинъ путь горами, хотя и поближе,

но на немъ больше сёла турецкія; хотя пищею и будете довольны, но вамъ будетъ непріятно, да и говорить по-турецки не знаете; а другой путь вверхъ по брегу Дуная до самаго Рущука, съ христіанами нашими, ромынями; здѣсь для васъ лучше: и языкъ вы знаете, и вамъ будетъ удобно, и пищею будете довольны. А отъ Рущука пойдутъ болгары, тоже вашъ языкъ, почти до самой Святой Горы. А тамъ немного греками пойдете.» Мы поблагодарили ихъ за страннолюбіе и за наставленіе; и пожелали имъ терпѣнія носить тяжкое иго турецкое, и также, чтобы Господь поскорѣй ихъ отъ него освободилъ; они сказали: «аминь.» Мы же, простившись, пошли изъ града, а они насъ проводили за заставу, и показали намъ путь.

32. Послѣ трехъ часовъ ходу, близко къ вечеру, пришли мы въ русское село, называемое Камень, къ Некрасовцамъ; и они насъ обласкали, какъ своихъ земляковъ. Они — настоящаго нашего русскаго языка и всѣхъ обычаевъ. Посреди села у нихъ часовня; на ней кресты и колокола. Ибо они имѣютъ отъ турковъ уваженіе; потому что служатъ въ казакахъ, и поднимаютъ на русскихъ руки; за то ихъ и любятъ. Мы спросили ихъ: «можно ли ночевать у нихъ?» Они сказали: «въ какой домъ вамъ угодно, всѣ съ любовію пріимемъ; а ежели угодно, то идите въ скитъ къ нашимъ монахамъ, и они рады будутъ вамъ.» Мы пошли къ монахамъ, и они приняли насъ ласково, и упокоили пищею и питіемъ. Потомъ начали входить въ преніе о вѣрѣ. Мы хотя и не желали того, но потомъ начали обличать ихъ заблужденіе и неправильныхъ ихъ бѣглыхъ поповъ, и ложную ихъ кле-

вету на Святую Восточную Церковь. Между прочимъ, при нашемъ преніи, которое здѣсь сокращаю, мы имъ говорили слѣдующее: « Что вы клевещете и поношаете Святую Соборную Апостольскую Христову Церковь Православную, якобы она перемѣнила книги и нарушила правила святыхъ Отецъ? Какъ она можетъ что̀ перемѣнить, когда ею самъ Господь Богъ управляетъ? Ежели Самъ Онъ ее основалъ и утвердилъ, Самъ о ней сказалъ: *на семъ камени созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей:* то какъ можетъ человѣкъ что̀ въ ней измѣнить? Самъ Богъ ее сохраняетъ, и Духъ Святый въ ней распоряжаетъ. Разверзите свои умныя очи, и судите безпристрастно, сами посмотрите на Греческую Церковь: она и донынѣ содержитъ и употребляетъ самыя древнія свои книги, самые подлинники, писанные самими святыми Отцами; иныя—съ нихъ списанныя, кожаныя и бумажныя, а хотя есть и печатныя, но всѣ едины съ другими сходственныя, безъ всякихъ переводовъ и поправокъ; и по которымъ древніе святые отцы служили, по тѣмъ самымъ книгамъ греки и до-днесь служатъ. И не имѣютъ между собою ни распри, ни раздоровъ; и книгамъ ихъ не было никогда никакой поправки издревле и до-сего времени, что̀ явно доказываетъ любимый вами Россійскій Патріархъ Іосифъ въ свидѣтельствованной имъ и печатанной при немъ *книгѣ о вѣрѣ,* въ которой пишется такъ: « да заградятся всякая уста глаголющихъ неправду на смиренныхъ грековъ, аще и въ неволѣ живутъ, аще и туркамъ дань даютъ, да право имѣютъ благочестіе содержати.» Гл. 2. Еще ниже въ той-же книгѣ, Гл. 25, глаголется тако: обаче же, помощію Господнею, въ

восточнѣй Церкви, четырехъ верховнѣйшихъ Пастырей, по подобію четырехъ Евангелистовъ, имѣемъ.» И паки: «истинную и безсмертную имѣюще надъ собою Главу Христа Спаса нашего Бога.» И паки: «но рекутъ ли, яко Патріарси со всѣмъ духовенствомъ турскому (царю) дань даютъ? и то есть правда, нечему тому дивитися аще и даютъ, да волю имутъ свое благочестіе содержати.» И паки въ тойже книгѣ пишется: «И тако мы Церкви Константинопольстѣй и Патріархомъ престоловъ восточныхъ полезныхъ ради правыя вѣры, и для спасенія душевнаго, и благословенія временнаго прибѣгаемъ. Ктому же съ повинностей правъ въ главѣ или въ раздѣлѣ предъидущемъ помяненныхъ слушаемъ: Александрійскаго, Антіохійскаго, Іерусалимскаго и Великой Россіи, яко единовѣрныхъ Константинопольскому Архіереовъ почитаемъ и пріимаемъ: къ нимъ бо належатъ оны Христовы словеса: слушаяй васъ, Мене слушаетъ, а отметаяйся васъ, Мене отметается, отметаяйся же Мене, отметается и Пославшаго Мя. Лук. зач. 51. И истинно есть: кто слушаетъ Патріарховъ, и отъ нихъ освящаемыхъ и посылаемыхъ, тотъ Христа слушаетъ; а кто ихъ отметается, тотъ самого Христа Бога отметается.» Вотъ святѣйшій Патріархъ Московскій Іосифъ явно обличилъ вашу ложную клевету на смиренныхъ грековъ, явно обличилъ ваше заблужденіе, и вразумляетъ, что не только вы отметнулись Святой Соборной Апостольской Христовой Греческой Церкви и Святѣйшихъ четырехъ Восточныхъ Патріарховъ, но уже и самого Христа Бога отметнулись. Вотъ вы съ своими кривыми толками куда забрели, что уже, по Евангелію, и Христа отметнулись! Вы говорите, что

вѣруете во Христа? Это—правда: но *и бѣси вѣруютъ, и трепещутъ* святаго имени Его, и они вопіютъ: *Іисусе Сыне Божій, что пришелъ прежде времени мучити насъ?* Такожде и жиды вѣруютъ въ Бога — Отца, и содержатъ законъ Моисеовъ, и читаютъ Псалтирь и Пророковъ, а Сына Божія распяли, на свою погибель, и Господь сказалъ имъ: *се оставляется домъ вашъ пустъ.* Лук. 13, 25. Такъ и вы, хотя и во Христа вѣруете, Св. Писаніе и другія книги читаете, и Богу молитесь, но Святой Соборной Апостольской Христовой Церкви противитесь, и отметаетесь ея Пастырей—святѣйшихъ Патріарховъ, Митрополитовъ, Архіепископовъ и Епископовъ; чрезъ то вы и отъ Бога отметаетесь: ибо самъ Господь имъ сказалъ: *слушаяй васъ, Мене слушаетъ: и отметаяйся васъ, Мене отметается: отметаяйся же Мене, отметается Пославшаго Мя.* Лук. 10, 16. И паки: *пріимите Духъ Святъ: имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ: и имже держите, держатся.* Іоан. 20, 23. И паки: *елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси: и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ.* Матѳ. 18, 18. Вотъ вы, любезные, чего отторглись, и какой благодати лишились! Кто не восплачетъ о вашей горькой погибели? А благословенная Россія, какъ прежде была, такъ и до сего времени пребываетъ во всякомъ согласіи и единомысліи съ Греческою Восточною Церковію и со святѣйшими Восточными Патріархами, и почитаетъ ихъ верховнѣйшими Пастырями. А хотя нѣкоторыя сдѣлала перемѣны въ русскихъ книгахъ, но то она исправила погрѣшности нововзошедшія отъ неискусныхъ переводчиковъ и отъ небреженія или

невѣжества переписчиковъ, и ничтоже прибавила, ниже убавила, но только сдѣлала все вѣрно и согласно съ греческими древними подлинниками. Это всякій можетъ самъ изслѣдовать, кто умѣетъ читать греческія книги. Напрасно вы величаетесь, и называете себя сынами и послѣдователями святѣйшаго Патріарха Московскаго Іосифа: ежели бы вы были его дѣти и послѣдователи, то бы вы во всемъ слушались и повиновались святѣйшимъ вселенскимъ Патріархамъ. Ибо Іосифъ хотя и самъ былъ Патріархъ, но имѣлъ всякое уваженіе къ восточнымъ Патріархамъ, и великую имѣлъ къ нимъ сердечную любовь и повиновеніе; хотя и имѣлъ нѣкоторыя противъ нихъ погрѣшности, но то по невѣдѣнію: ежели бы онъ зналъ, то бы исправился немедленно. И онъ имѣлъ сумнѣніе, нѐ погрѣшаетъ ли въ чемъ противъ вселенскихъ Патріарховъ; чего ради послалъ нарочитаго посла, Свято-Троицкой-Сергіевой Лавры келаря Арсенія Суханова, узнать всѣ греческіе чины и обряды, который и изслѣдовалъ все по-тонкости: былъ во святой Горѣ Аѳонской, и имѣлъ духовные разговоры со святыми отцами аѳонскими; былъ у вселенскихъ Патріарховъ, и съ ними имѣлъ разговоръ. Тогда Сухановъ явственно позналъ всѣ нововзошедшія въ Россіи погрѣшности противъ грековъ: двуперстное сложеніе, двоеніе *аллилуіа*, и прочія вещи, чего онъ по всей Греціи не видалъ, даже и не слыхалъ; отцы и Патріархи всѣ ему единогласно говорили: «что̀ у насъ видишь, какіе чины и обряды, это мы содержимъ все, отдревле преданное намъ отъ святыхъ Апостолъ и отъ святыхъ Отецъ, седьми Вселенскихъ Соборовъ, неизмѣнно и непоколебимо.» И съ тѣмъ Сухановъ

возвратился въ Россію: но уже едва въ живыхъ Патріарха Іосифа засталъ. А ежели бы вскорѣ не скончался Патріархъ Іосифъ, то бы онъ самъ погрѣшности противъ восточныхъ Патріарховъ исправилъ. Итакъ, вы не Іосифа Патріарха чада, и не его послѣдователи, но ехиднина порожденія и послѣдователи протопопа Аввакума и Никиты попа, и ученики своего вождя Некрасова.» Это мы говорили при всей братіи, и многіе изъ нихъ умилились, плакали, и познавали свое заблужденіе.

33. Но настоятель ихъ, монахъ Іакинѳъ, и прочіе ему подобные возбѣсились, яко звѣри лютые; своихъ нѣкоторыхъ выслали вонъ, а оставшіеся обступили насъ, и готовы были растерзать; и мы находились въ опасности жизни, а время уже поздно, вечеръ. Мы начали упрашивать; они же еще злѣе вооружились. Мы уже приготовились къ смерти. Однако, Господь Богъ насъ защитилъ: одному изъ нихъ монаху Анастасію, который прежде намъ былъ знаемъ, тоже онъ изъ Молдавіи, положилъ Богъ благое на сердце, и онъ насъ отъ нихъ взялъ, и обоихъ увелъ къ себѣ въ келлію, и сказалъ намъ: «теперь не бойтесь; ежели меня прежде убьютъ, то и васъ.» Однако, мы всю ночь не спали, боялись, и не полагались много на Анастасія, потому что и онъ такой-же раскольникъ. Однако, слава Богу, препроводили ночь благополучно; и только начало свѣтать, мы встали, поблагодарили отца Анастасія, и просили, чтобы показалъ намъ путь; онъ проводилъ насъ на большую дорогу, и мы, простившись съ нимъ, пошли въ путь свой. И много благодарили Господа Бога, что сохра-

нилъ насъ живыми отъ злыхъ раскольниковъ некрасовцовъ.

34. Потомъ пришли въ христіанское село къ ромынямъ, и здѣсь насъ упокоили пищею и питіемъ. Отправившись въ путь, шли девять дней вверхъ по брегу рѣки Дуная, чрезъ частыя села христіанскія. Только много намъ наскучило, что во всякомъ селѣ мы должны были являться къ чербажію турчанину, хозяину села, и показывать свои паспорты. У нихъ столь строго, что никто не можетъ страннаго принять въ домъ, безъ позволенія чербажіяго. Народъ же христіане столь добрый и страннолюбивый, что во всемъ моемъ странствіи не случилось еще видѣть таковыхъ: мы отъ самаго Мачина по всему Дунаю до города Рущука шли девять дней, и какъ у родныхъ въ гостяхъ гостили, въ перебой каждый насъ къ себѣ желалъ, и не знали чѣмъ насъ угощать. И пастыри ихъ, христолюбивые и благочестивые священники, часто насъ отъ своихъ овецъ уводили къ себѣ, и угощали насъ неизреченно; ноги и руки наши омывали: но страннолюбивыя овцы ихъ слезами омывали ноги ихъ, и просили, чтобы насъ отъ нихъ не уводили; а хотя нѣкоторыя и сдавались на ихъ прошенія, но только потому, что ихъ предупреждали, что они сами бѣдны, а страннаго надобно упокоить, что мы съ пути утрудились, и надобно насъ пищею утѣшить, а у нихъ не чѣмъ. Однакоже, овцы увѣряли пастырей, что онѣ могутъ насъ упокоить; и пастыри насъ у нихъ оставляли, и сами съ нами оставались, и насъ благими словами утѣшали, а чего у хозяина не доставало, за тѣмъ они въ свои домы посылали, и насъ упокояли, и на путь насъ всѣмъ снабжали.

Спаси ихъ Господи! И въ которомъ дому пребываемъ, тамъ и праздникъ совершается. О, благословенна страна сія, и блажени людіе живущіе въ ней!

35. Страна сія благая, плодородная и хлѣбородная, кипящая всякимъ преизобиліемъ, воистинну рай Божій, напаяема рѣкою Дунаемъ и малыми рѣчками, источниками, изъ горъ и лѣсовъ текущими, изобильна рыбою и всякими фруктовыми деревьями, садами и виноградомъ, хлѣбомъ и лѣсомъ, и сѣнными покосами, и скотоводствомъ, и пчеловодствомъ; и зимы здѣсь почти не бываетъ. Въ лѣсахъ болѣе половины—древа фруктовыя, какъ-то: груша, яблонь, вишня, черешня, разные орѣхи, кизиль и дикій виноградъ. Сколько добра страна и страннолюбивы христіане; столько бѣденъ и раззоренъ въ ней народъ, такъ что мало мнѣ случалось видѣть такой бѣдности во всемъ моемъ странствіи.

36. Въ девять дней мы видѣли только три церкви, и то столь бѣдныя, что и описать не можно; по наружности трудно съ хлѣвомъ распознать; всему причина — злая рука турецкая; во внутренности, почти ни одной иконы нѣтъ писанной, а только бумажныя; объ иконостасѣ и говорить нечего; облаченіе изъ простаго холста. По этому всякъ можетъ самъ догадаться, что̀ тамъ есть. Священниковъ же во всякой деревнѣ по-одному и по-два. Мы многихъ спрашивали: почему такъ—страна сія благая, а люди очень бѣдны?

37. Они же всегда очи свои наполняли слезъ, и съ великими воздыханіями намъ разсказывали слѣдующее: « Воистинну страна сія изобильная и благая, но грѣхъ ради нашихъ великихъ всегда насъ Господь

посѣщаетъ и наказываетъ: издревле страна наша стоитъ на границѣ, и частыя здѣсь бываютъ войны: лѣтъ чрезъ десять, уже много чрезъ двадцать. Только немного поправимся, скота заведемъ, и сады свои расплодимъ,—паки востанетъ война; тогда кто можетъ, бѣжитъ въ Валахію, а которыхъ турки захватятъ, увезутъ съ собой во внутрь страны; скотъ нашъ поѣдятъ, домы наши пожгутъ, сады наши запустошатъ. По прошествіи войны, кто живы, паки возвращаемся на свои жилища, паки на развалинахъ копаемъ себѣ землянки, паки заводимся хозяйствомъ. Судите же, когда мы можемъ поправиться? Еще бываетъ и другая скорбь, паче первой: послѣ каждой войны открывается чума, которая уже и самихъ насъ начнетъ пожинать; тогда мы паки оставляемъ все, и бѣжимъ, кто куда можетъ, и кроемся по горамъ и по лѣсамъ, и боимся другъ друга, братъ брата, и бѣгаемъ одинъ отъ другаго. И этотъ гнѣвъ Божій часто сію страну посѣщаетъ. Да и турки здѣсь раздраженные, очень злые, яко звѣріе, всегда насъ притѣсняютъ и раззоряютъ: церкви наши часто жгутъ; какое найдутъ сребро, похищаютъ; иконы часто колютъ; а пожаловаться некому: Паша не принимаетъ, Царь-Градъ далеко, а мы раззоренные. Такъ и терпимъ скорби, и дожидаемся отъ Бога милости, когда Россія пріидетъ къ намъ, и освободитъ отъ тяжкаго ига турецкаго.» Мы же, выслушавши сіе, много о нихъ сожалѣли.

38. На седьмой день вошли въ Силистрію, по древнему Охрида, гдѣ жилъ Архіепископъ Ѳеофилактъ, болгарскій писатель «Благовѣстника.» Когда вошли въ городъ, намъ христіане сказали, что во градѣ не

благополучно, чума. Мы пошли прямо къ пашѣ, прописали паспорты, и скоро изъ града вышли, ничего не купили; и направили насъ, чтобы мы не шли чрезъ селенія, ибо въ нѣкоторыхъ не благополучно, а чтобы шли по займищу; хотя и есть переброды, но не глубокіе. Такъ мы и пошли. И много на займищѣ ѣли дикаго винограду. Къ вечеру пришли въ село христіанское, и спросили: благополучно ли въ ихъ селѣ? Намъ отвѣчали: « благополучно »; и приняли насъ ночевать, и упокоили насъ по прежнему страннолюбію, и утромъ надовольствовавши на путь, сказали намъ, что по брегу селъ нѣтъ до самаго Туртукая. И мы пошли въ путь. Только съ самаго утра пошелъ снѣгъ и дождь, а мы шли по самому заплеску Дуная. Глина и грязь по колѣна. Мы хотѣли идти повыше, но заблудились: много ходили по лѣсу, уже и поплакали; снѣгъ и дождь пробилъ насъ сквозь, а на ногахъ сандаліи распались; едва паки нашли Дунай. Пошли по заплеску, и пришли въ Туртукай уже къ вечеру. Прежде пошли къ туркамъ, и показали паспорты. Потомъ пошли искать ночлегу, но никто не принимаетъ, а посылаютъ къ священнику. Пошли; но его дома нѣтъ; и гостинницы нѣтъ. Что̀ будемъ дѣлать? Вс́ѣ мокры, всѣ грязны. Потомъ пошли на торжище, начали спрашивать: « есть ли во градѣ добрый человѣкъ?» Намъ сказали, чтобы шли къ священнику; мы же отвѣчали, что его дома нѣтъ.

39. Вскорѣ одинъ купецъ сказалъ намъ: « пойдемъ ко мнѣ ночевать; только немного подождите.» Потомъ повелъ насъ къ себѣ. И пришедши въ домъ, посадилъ насъ, позвалъ свою супругу, и сказалъ: « вотъ я гостей привелъ.» Она отвѣтила: « слава Богу.» И

начали насъ разувать. Мы сказали, что сами разуемся. Онъ же намъ сказалъ: « вы озябли, и руки ваши охолодѣли; теперь уже не вы себѣ хозяева; когда я привелъ васъ въ свой домъ, то я хозяинъ. » Мы же испросили прощеніе. И они насъ разули. Потомъ принесли воды, и ноги наши обмыли: жена подавала, а самъ обмывалъ. Жена принесла намъ по новымъ чулкамъ, и мы надѣли, чтобы не простудиться. Потомъ принесли для насъ одежду, и приказали намъ нашу скинуть до-нага, а ихъ одежду надѣть, и дали намъ теплые на ватѣ халаты. Потомъ ввели насъ въ теплую горницу, и угостили насъ купеческимъ угощеніемъ, и любезно съ нами разговаривали молдавскимъ языкомъ. Спаси ихъ Господи! Вотъ—Авраамъ и Сарра; но Авраамъ съ Саррою были стары, уже научились страннолюбію; сіи же рабы Христовы, Петръ и Евфросинія, были весьма млады, только еще по двадцати лѣтъ, и два года въ супружествѣ, и имѣли единаго сына. Вечеромъ поставили намъ трапезу, преизобильную всякими брашны и питіемъ, и сами съ нами утѣшались и веселились. Но еще тѣмъ не окончилось ихъ страннолюбіе: на свою постелю и на пуховики спать насъ положили; мы и не хотѣли, но они оба поклонились намъ до земли, и со слезами насъ просили, да не погнушаемся ихъ ложемъ. Мы же любви ради ихъ, помолившися, легли и уснули. По-утру паки наготовили намъ всякой пищи. Мы же воставши помолились Господу Богу; потомъ принесли намъ нашу одежду, вымыту и высушену; мы же ихъ одежду отдали, а свою паки надѣли; и сандаліи тоже были починены и вымазаны. Скоро представили намъ трапезу подобную вечерней. Потомъ мы пошли въ путь;

они же всѣмъ насъ напутствовали, хлѣбомъ и виномъ и виноградомъ; еще дали намъ по рублю денегъ. Мы же благодарили за ихъ страннолюбіе. Хозяинъ проводилъ насъ за городъ, и показалъ намъ путь, да не заходимъ въ села: ибо тамъ чума. И много насъ привѣствовалъ: когда паки случится быть въ Туртукаѣ, да не проходимъ мимо дому его. Мы же простившись, пошли въ путь свой прямо лугами, всѣ села оставили въ лѣвой рукѣ. Къ вечеру пришли въ нѣкое село, и ночевали у одного христолюбца.

40. На другой день къ обѣду вошли въ городъ Рущукъ; христіане насъ привѣтствовали, и тамъ вкусили мы хлѣба, и подписали намъ паспорты. Христіане сказали намъ, что до св. Горы Аѳонской отъ Рущука осьмнадцать дней ходу, и переписали намъ всѣ села. По выходѣ изъ града, поворотили отъ Дуная влѣво, во-внутрь Болгаріи, и шли три дня всё болгарами, всё по горамъ. На четвертый день рано приблизились къ столичному болгарскому граду Тернову; но въ него не заходили, и миновавъ его, шли чрезъ болгарскія сёла, великія, подобныя градамъ: тысящи по три и по двѣ домовъ, постройка каменная; церкви великія каменныя, только безъ крестовъ и безъ куполовъ, внутри много украшены иконами и паникадилами, и множествомъ лампадъ; кругомъ церквей ограды каменныя высокія, на-подобіе монастырскихъ, не такъ какъ на Дунаѣ. И сёла ихъ не разорены, и народъ богатый, аще и въ неволѣ живутъ, аще и тяжкое иго турецкое носятъ, аще и болѣе стѣснены и отягощены игомъ турецкимъ, нежели греки: ибо греки имѣютъ у себя защиту — духовное на-

чальство: Патріарха, Митрополитовъ, Архіепископовъ и Епископовъ.

41. А бѣдные болгары не только отягощены отъ тяжкаго ига турецкаго, но и отъ грековъ страждутъ не много меньше. Ибо во градахъ, гдѣ есть Архіереи, которые бываютъ изъ грековъ, не позволяютъ болгарамъ по-славянски ни пѣть, ни читать, ни дѣтей учить: впрочемъ, въ селахъ не смотрятъ на Архіереевъ, но по-славянски по россійскимъ книгамъ поютъ и читаютъ. Болгарское нарѣчіе ближе къ славянскому, нежели великороссійское.

42. Болгарскій народъ всякой похвалы и чести достоинъ: страннолюбивъ и милостивъ, много усерденъ ко св. Церкви, много любитъ благолѣпіе храмовъ Божіихъ, и весьма усерденъ ко св. мѣстамъ—ко св. Горѣ Аѳонской и ко св. граду Іерусалиму, такъ что превосходитъ всѣ роды христіанскіе, какъ то: грековъ, сиріанъ, грузиновъ, сербовъ, влаховъ, молдаванъ и даже русскихъ. И никакого роду больше не бываетъ на поклоненіи, какъ болгаровъ, и никакіе роды не приносятъ столько пожертвованій, какъ болгары. Всю св. Гору Аѳонскую содержатъ почти одни болгары. И столь усердны ко иноческому чину, что принять инока въ домъ почитаютъ за счастіе; и никакого роду больше не поступаетъ въ монашество, какъ болгаровъ. Аѳонская Гора наполнена болгарами; и по Болгаріи множество монастырей, наполнены всѣ монахами изъ болгаръ. Воистину, благая страна болгарская, и блаженъ въ ней народъ живущій! Болгары весьма трудолюбивы, такъ что воздѣланы у нихъ всѣ земли: хлѣбопашество, садоводство и даже шелководство у нихъ процвѣтаютъ. Народъ торговый, обко-

дительный и ласковый; и много имѣетъ расположенія къ Россіи, потому что одного племени и языку и обычаевъ. Много ихъ смирило и отяготило турецкое иго; а если бы этотъ родъ былъ свободный, еще бы былъ онъ превосходнѣе. У церквей ихъ звоновъ не имѣется; по городамъ и въ доску не ударяютъ, а церкви всегда полны людей. Въ церкви чинно стоятъ, подобно монахамъ; а женъ въ церкви ни одной не видать: жены всѣ стоятъ на хорахъ; а гдѣ хоръ нѣтъ, тамъ лѣвая страна отгорожена рѣшеткой, и жены стоятъ тамъ благочинно. Этотъ благой обычай наблюдается и по всей Греціи, отъ Константинополя и до самаго Іерусалима. Болгарскія жены покрываютъ главы по древнему россійскому обычаю.

Оставивъ градъ Терновъ въ лѣвой рукѣ, въ десяти верстахъ, мы взошли на одну гору, и открылись намъ великія горы Балканскія, покрытыя облаками. И шли мы два дня, только и знали, что спускались съ горы, да поднимались на гору; шли все чрезъ частыя сёла; ночевали и обѣдали у страннолюбивыхъ людей и у ихъ христолюбивыхъ пастырей. Когда мы проходили по улицамъ, то не только не просили себѣ пищи, но почти изъ каждаго дому выходили жены, и останавливали насъ, и спрашивали: «куда идемъ?» И мы сказывали, что во Св. Гору. И онѣ просили насъ: когда пріидемъ во Св. Гору, помянуть ихъ въ своихъ молитвахъ; и всѣмъ награждали, — хлѣбомъ, сыромъ, полотномъ. И просили насъ, чтобы мы не пили на пути воды, дабы не повредили здравіе, и наливали наши подорожныя тыквицы виномъ. И мы, что̀ могли взять, брали, и благодарили за ихъ страннолюбіе.

43. На шестой день ходу отъ Дуная, пришли подъ самый Балканъ, въ глубокую и великую долину, въ великое село Габрово, подобное великому граду: имѣетъ семь базаровъ при одной церкви. На башнѣ бьютъ колокольные часы на все село, чему мы много удивлялись; климатъ весьма холодный; садовъ виноградныхъ и другихъ нѣтъ. Мы пришли рано утромъ, и подкрѣпились пищею. Ибо великъ намъ и труденъ предлежалъ путь: весь день приходилось переходить высокіе Балканы, а на пути изъ Болгаріи во Ѳракію, тридцать пять верстъ, никакого жительства нѣтъ. Здѣсь попались намъ два спутника болгары. Призвавъ Бога въ помощь, пошли мы въ путь, и начали подниматься на главный и великій Балканъ, по острому камню,—шли двадцать пять верстъ, и часто отдыхали. И взошедши на самый верхъ хребта, остановились. День былъ ясный, воздухъ прозрачный. И мы посмотрѣли на всѣ четыре страны; и аще бы имѣли дальновидящія очи, то много бы могли видѣть и осмотрѣть свѣту. Посмотрѣли мы назадъ, на сѣверовостокъ: видно всю дунайскую долину и даже Влахію и Молдавію. Позади Влахіи виднѣлись Карпатскія горы. Къ востоку тянется хребетъ. Къ юговостоку Ѳракія, великая равнина до самаго Чернаго моря. Къ югу великая равнина Ѳракія до Адріанополя и до Константинополя, и до самаго Мраморнаго моря. Къ югозападу равнина Ѳракія до Архипелага; къ западу долина Ѳракія до самой Македоніи, и видно великій Балканъ, называемый Доспадъ. Къ сѣверозападу тянется хребетъ его. Къ сѣверу великое раздолье до самой Венгріи. Сей Балканъ тянется изъ Сербіи до самаго Чернаго моря, раздѣляетъ Болгарію

и Ѳракію. Прежде было это мѣсто почти непроходимо: съ великимъ трудомъ переходили пѣшіе и верховые; а нынѣ безъ всякаго труда ѣздятъ на колесахъ. Русскіе воины все расчистили и разработали во время войны 1828 года, и перевезли тогда всю военную артиллерію. Богъ велѣлъ и намъ перейдти по этому пути. На-верху климатъ весьма холоденъ, какъ среди зимы. Часто, сказываютъ, среди лѣта гора бываетъ покрыта снѣгами. Однако, слава Богу, тогда не было. Потомъ стали мы спускаться внизъ, но уже не дорогой, которая шла извилинами, а мы прямо катились, придерживаясь за камни и за траву: было не безъ страху: дорогой бы надо было спускаться три часа, а мы спустились очень скоро, почти въ одинъ часъ, прямо въ болгарское село Шипкой.

44. Это уже во Ѳракіи. Здѣсь мы ночевали у одного христолюбца. Былъ тогда праздникъ св. мученика Димитрія, и мы ходили въ церковь. Чинъ и порядокъ въ церкви монастырскій, какъ и въ прежнихъ селахъ; читаютъ по русскимъ книгамъ, поютъ напѣвомъ болгарскимъ. Отсюда мы рано отправились въ путь. Ибо Литургія бываетъ тамъ рано, немедленно послѣ утрени. Много въ этомъ Шипковѣ селѣ дѣлаютъ розоваго масла: кругомъ села много насаждено розы, т. е. шиповнику, потому и названо село Шипкой. Мы весь день шли все по ровнымъ и хлѣбороднымъ полямъ. По правую сторону, какъ стѣна, до облакъ тянулся Балканъ; а по лѣвую страну чистыя и ровныя поля, усыпаны частыми селами и садами болгарскими и турецкими. И прошли мы три села турецкія, а христіанскаго ни одного. Къ вечеру пришли въ великое болгарское село Калоферъ, гдѣ приняли насъ съ лю-

бовію, и упокоили пищею и питіемъ. Сіе село Калоферъ, славное по всей Болгаріи, велико и многолюдно, подобно великому граду; и богатое въ немъ купечество, имѣютъ торговлю съ Европою; множество въ немъ разныхъ фабрикъ и заводовъ, и много изъ него выходитъ шелку и снурковъ, и работаютъ все водой. Посреди села протекаетъ порядочная рѣчка, которая каналами разведена по всему селу, въ каждый почти домъ, и въ каждомъ почти дому фабрика. Водой прядутъ, и ткутъ, и плетутъ, чему мы много удивлялись. Много въ немъ церквей, и два монастыря: по край села стоитъ монастырь женскій, славный по всей Турціи, и много богатъ, болѣе тысящи монахинь. А мужескій стоитъ въ горахъ, въ пустынѣ. Во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ читаютъ по россійскимъ книгамъ, поютъ напѣвомъ болгарскимъ. И весьма много насъ просили христолюбцы, чтобы мы у нихъ погостили хотя недѣлю, что они весьма русскихъ любятъ, и никогда русскаго не видали во своемъ селѣ, и чтобы сходили въ ихъ монастыри, и собрали милостыню. Но мы боялись, чтобы не захватила насъ зима: ибо время было поздно, уже 26 Октября. Потомъ благодарили за ихъ расположеніе и за привѣтствіе. По-утру вставши пошли въ путь, и шли ровными полями, чрезъ болгарскія и турецкія сёла, ночевали и обѣдали у болгаровъ. Въ лѣвой рукѣ, недалеко, въ двадцати верстахъ, остался древній градъ Филибе, Филиппополь, гдѣ много потрудились св. Апостолы Павелъ и Варнава. Шли мы два дня, и много претерпѣли отъ проливнаго дождя.

45. Потомъ пришли во градъ Базаръ-Чукъ—татарскій, въ субботу, поздно вечеромъ, и спросили: гдѣ

стоитъ христіанская церковь. Болгары сказали, что внутри града церкви нѣтъ, а церковь внѣ града, на полѣ. Мы просили, чтобы насъ довели до церкви. И они насъ провели чрезъ весь градъ, и привели къ церкви въ гостинницу, и тамъ насъ приняли и упокоили пищею. По-утру пошли въ церковь, и слушали утреню, безъ расходу и Литургію. Всю утреню читали и пѣли по-гречески. На Литургіи ничтоже пѣли, токмо *херувимскую* и *достойно;* прочее же, по древнему обычаю, каждый про себя отвѣчалъ на слова священника или діакона. Потому что христіане всѣ болгары, ничего не понимаютъ по-гречески. Послѣ Литургіи далъ намъ староста церковный по блюду, да испросимъ отъ христіанъ милостыню на путь; и дали намъ каждый по силѣ своей, и собрали милостыню довольну. Спаси ихъ Господи! Градъ весьма великъ; тридцать турецкихъ мечетей. Большая половина града христіане; церковь одна, и та изъ града изгнана, стоитъ едина въ пустынѣ, поругана и оборвана, и нѣтъ никого, кто бы ее заступилъ, только и назираетъ ее Женихъ небесный: Онъ сохраняетъ и защищаетъ ее отъ безбожныхъ турокъ. Возлюбленныя же чада ея оставляютъ градъ и свои домы, и всю молву и суету во градѣ бываемую, и бѣгутъ всѣ къ возлюбленной своей матери въ пустыню, якоже къ тихому и небурному пристанищу, возсылать свои молитвы къ Небесному своему Отцу. И столь много сошлось христіанъ, что была не одна тысяща, а церковь столь мала, что едва ли вмѣститъ сто человѣкъ. Въ ней только почти алтарь и клиросà; люди стоятъ почти всѣ подъ открытымъ небомъ, внутри ограды. Хотя и застроили христіане новую каменную церковь,

столь великую, что будетъ семь престоловъ въ рядъ, и сдѣлали уже выше оконъ, и на нее любуются и радуются; но турки не даютъ довершить. Вотъ, что̀ дѣлаетъ злая рука турецкая! При этой церкви живутъ двадцать пять священниковъ и пятнадцать діаконовъ, и Епископъ; но тогда его не случилось: уѣхалъ въ Филиппополь. По Литургіи упокоили насъ пищею и питіемъ. По трапезѣ мы ходили на базаръ, и купили по двѣ пары сандалій: ибо слышали, что наступаетъ жестокъ путь и великія горы. Во градѣ христіане много насъ привѣтствовали и напутствовали. Спаси ихъ Господи! Великіе страннолюбцы болгары! Потомѣ паки пришли мы въ гостинницу, и разспросили путь. Почти со всѣхъ сторонъ, кругомъ Базаръ-Чука, стоятъ высокія Балканы выше облакъ: по правую страну — Габровской Балканъ, чрезъ который мы прежде переходили, а въ лѣвой — Балканъ Доспадъ, чрезъ который намъ путь лежитъ, и на который намъ подниматься. Потомъ мы отправились въ путь, и прошли одно село турецкое и два болгарскихъ; къ вечеру пришли въ село Быстрицу, подобное граду; стоитъ подъ самымѣ Балканомъ; и христолюбцы болгары приняли насъ, и упокоили пищею и питіемъ. Въ селѣ Быстрицѣ двѣ церкви великія каменныя: въ одной читаютъ по-славянски по россійскимъ книгамъ, а въ другой по-гречески; а жители всѣ болгары. Въ этомъ селѣ была чума, но мы не знали, и намъ уже послѣ сказали въ другомъ селѣ; насъ Господь помиловалъ.

46. По-утру воставши пошли мы въ путь; и проводили насъ за село, и показали намъ путь на Балканъ. И мы взлѣзали на гору по жесткому и трудному пути

цѣлый день; уже къ-вечеру взошли на гору, и тамъ поле ровное было засѣяно хлѣбомъ. Почва земли песковатая, лѣсъ сосновый, еловый и березовый, и климатъ весьма холодный. Мы удивлялись, что страна сія во всемъ подобна Россіи. Уже кончилась Ѳракія, началась Македонія. Къ-вечеру пришли въ село Батакъ, и принялъ насъ священникъ въ свой домъ, и упокоилъ насъ съ любовію, и разспрашивалъ насъ о разныхъ обстоятельствахъ, а болѣе о Россіи и о россійскомъ благочестіи. Потомъ сказалъ намъ: «теперь, отцы, я васъ не отпущу до тѣхъ поръ, пока не попадутся попутчики; здѣсь путь весьма опасный: два дня ходу, нѣтъ никакого жительства, кромѣ одного хана, то есть постоялаго двора; всё лѣса и горы, и пустыня дикая, наполненная разбойниками арнаутами, и много убиваютъ; сего лѣта убили двухъ монаховъ.» Мы поблагодарили его, и, по вечери, отдохнули. Поутру мы ходили въ церковь, и читали въ ней утреню и часы. Церковь великая каменная, обнесена кругомъ каменной высокой оградой; внутри иконостасъ прекрасный, и много иконъ самой высокой греческой работы, всякой похвалы достойной, такъ что мало я такихъ видалъ во всемъ моемъ странствіи; писаны однимъ монахомъ святогорскимъ; книгъ весь кругъ церковный московской печати, и порядочная ризница, и много лампадъ, и пять паникадилъ хрустальныхъ. Мы полюбовались, и благодарили священника за его усердное попеченіе. Въ селѣ Батакѣ всего триста домовъ: всѣ деревянные, срубленные изъ бревенъ и на моху, покрыты тесомъ и драницами, много и двухъэтажныхъ; не можно и подумать, что то село болгарское, но совершенно великороссійское. Садовъ

никакихъ нѣтъ, по причинѣ холоднаго климата. Священникъ кормилъ насъ однимъ хлѣбомъ ячменнымъ. Мы просили у него хлѣба, либо пшеничнаго либо ржанаго, а онъ намъ сказалъ: «У меня другаго хлѣба нѣтъ, кромѣ ячменнаго; нѣтъ и во всемъ нашемъ селѣ: у насъ другой хлѣбъ не родится, кромѣ ячменнаго, а достать другаго трудно: вы видѣли, какая гора, что и самимъ трудно взойдти. Да и не нуженъ онъ намъ: мы родились при этомъ хлѣбѣ; намъ кажется лучше его и нѣтъ.» Мы же съ нуждой ѣли. Жены же страннолюбицы много намъ наносили хлѣба для пути, потому что въ два дня негдѣ будетъ взять. Мы же что̀ могли взяли, а лишній оставили священнику. Отъ этого села недалеко въ виду еще другое болгарское село: прежде были христіане, но турки ихъ обасурманили, за что много объ нихъ сожалѣютъ христіане; а говорятъ и до-нынѣ по-болгарски.

47. Мы подождали два дня: попутчиковъ никого нѣтъ, и не стали болѣе дожидаться, а положились на Господа Бога, и начали у священника просить благословенія въ путь. Онъ много насъ отговаривалъ, а потомъ благословилъ, и утромъ рано проводилъ насъ верстъ пять, и разсказалъ намъ путь. Мы еще верстъ пять всходили на гору, а потомъ шли съ горы на гору, темнымъ лѣсомъ; путь узкій, трудно и верхомъ проѣхать; по пути камень острый, лѣсъ больше еловый и пихтовый и сосновый. Мы же шли, поспѣшая. На полпути попался намъ на встрѣчу обозъ турковъ съ товарами, всѣ вооруженные, и насъ остановили, и начали спрашивать по-болгарски: откуда и куда идемъ? Мы сказали, что изъ Молдавіи, идемъ во святую Аѳонскую Гору. Они спросили: «Какъ вы не

боитесь въ сей дикой пустынѣ идти двое безъ всякаго оружія? Здѣсь много разбойниковъ. Насъ сто человѣкъ съ оружіемъ, да и то боимся.» А мы имъ отвѣтили: «Вы надежду имѣете на оружіе, а мы на Бога. Чего намъ бояться разбойниковъ и смерти? Уже мы давно отреклись міра и умерли; ежели и убьютъ насъ, то препроводятъ насъ на вѣчное блаженство къ Царю нашему Небесному, Іисусу Христу; а взять у насъ нечего; потому мы ничего не боимся.» Они же много намъ удивлялись, и главами своими качали.

48. Мы пошли далѣе, уповая на Господа Бога. И когда отошли отъ обоза верстъ пять, и вышли на долину, на чистое мѣсто: со стороны вышли къ намъ на дорогу четыре человѣка вооруженные ружьями, съ саблями, съ пистолетами и съ кинжалами; очи ихъ наполнены крови; остановили насъ, и начали намъ говорить кротко по-турецки. Мы сказали, что по-турецки не знаемъ. Они спросили: «какъ же вы знаете?» Мы сказали, что по-молдавски и по-болгарски. Они стали говорить и спрашивать по-болгарски: «откуда и куда идемъ?» Мы сказали: «изъ Молдавіи во святую Аѳонскую Гору.» Они спросили насъ: «Какъ вы не боитесь, одни идете? Здѣсь много разбойниковъ, они васъ убьютъ.» Мы же имъ отвѣтили: «ежели Богъ велитъ имъ, то убьютъ, а взять у насъ нечего: денегъ не имѣемъ, а одежда раздранная; а хотя и убьютъ, то къ Богу насъ пошлютъ.» Они же заговорили между собою по-турецки, и пошли въ сторону, а намъ сказали: «идите съ Богомъ.» Мы недалеко отошли, и они паки закричали намъ: «стойте!» Мы остановились. Они паки подошли къ намъ, и дали намъ по одному леву, т. е. по двадцати коп., и ска-

зали: «за наше здравіе на хану (или на постояломъ дворѣ) выпейте вина, а про насъ не говорите, что видѣли.» И еще спросили насъ: «далеко ли попался намъ обозъ?» Мы сказали, что теперь уже далеко, есть въ двухъ часахъ. Они же больше ничего не сказали, и отошли отъ насъ. Мы пошли радуяся, и много благодарили Господа Бога, яко укротилъ сердце злыхъ разбойниковъ: не только что не обидѣли чѣмъ, но еще и соблаготворили. Воистинну, всяка душа человѣча въ руцѣ Божіей есть. Надѣющійся на Господа, яко гора Сіонъ, не подвижется. Уже къ вечеру пришли въ ханъ, и удивляяся на насъ гостинникъ съ прочими спрашивалъ: «какъ вы прошли безъ всякаго вреда?» Мы сказали имъ, что не только насъ не обидѣли разбойники, но и наградили еще; они же смѣялись. По-утру, воставши, паки шли горами, но не такъ лѣсными, и то только до половины дня. Потомъ пошли всё подъ гору, но не очень крутую; къ-вечеру сошли внизъ, и пришли въ село Сатавчу на гостинницу, и гостинникъ принялъ насъ ласково, и упокоилъ насъ пищею; но мы не спали; ибо еще не самый былъ вечеръ. Сказали намъ, что сёла здѣсь частыя, и здѣсь мирно; и мы пошли въ другое село ночевать. Прошли два села: сёла—болгарскія, а вѣру держатъ турецкую, и говорятъ по-болгарски; ибо потурчены неволею. И уже поздно вечеромъ пришли въ болгарское христіанское село Петреличъ; здѣсь приняли насъ на гостинницу, и упокоили пищею и питіемъ.

49. Отсюда въ правой рукѣ, въ сторону, полтора дни ходу, великій монастырь, Лавра преподобнаго отца Іоанна Рыльскаго, гдѣ онъ спасался. Тамъ и донесь почиваютъ нетлѣнныя его мощи на вскрытіи.

Братіи — болѣе трехъ сотъ монаховъ, всѣ — чистые болгары. Службу церковную читаютъ и поютъ по русскимъ книгамъ; монастырь весьма богатъ, но не общежительный. Намъ хотѣлось въ немъ побывать, но намъ отсовѣтовали: потому что очень труденъ путь и великія горы и лѣса; безъ провожатаго не можно найдти его; ибо стоитъ въ самой внутренной и непроходимой пустынѣ. По-утру, воставши, пошли мы въ путь во Святую Гору. Страна сія благая, горы отлогія, и небольшіе лѣса, и много воды, рѣчекъ и источниковъ, и вся воздѣлана хлѣбопашествомъ и виноградными садами, и частыя сёла болгарскія христіанскія, изрѣдка есть и турецкія.

50. Мы спрашивали о пути въ монастырь святаго Іоанна Предтечи. Въ единомъ селѣ намъ сказали, что на-право на гору большой путь прямо во градъ Серезъ, а на-лѣво по долинѣ — въ монастырь. Мы пошли по долинѣ, и ни одного села не видали до самаго монастыря; всё оставались по сторонамъ. Ночевали на полѣ въ гостинницѣ. По-утру пошли всё на гору, почти до половины дня. На верху горы воздухъ весьма холодный, и мѣсто ровное засѣяно озимою рожью. Дорога плохая, трудно и узнать: потому что тамъ мало кто проходитъ. Мы весьма боялись, не сбились ли съ дороги, а спросить некого; но Господь намъ былъ вождь и святый Іоаннъ Предтеча: прямо попали на дорогу, и поспѣшали къ обѣду въ монастырь. И шли уже подъ крутую гору ущеліемъ: по правую руку ровъ глубокъ, внизу бѣжитъ большая рѣка быстро, и шумитъ по камнямъ вода, а по лѣвую руку гора, какъ стѣна стоитъ. Потомъ сошли на долину, гдѣ рѣка, и стали переходить по каменному мосту.

Посмотрѣли подъ мостъ: „подъ нимъ воды нѣтъ ни капли, и мы много удивлялись, почему такъ, вверху бѣжитъ много воды, и такая быстрина, а здѣсь нѣтъ ни капли? Куда же дѣвалась вода? Сему много чудились. И паки шли всё внизъ. Уже по правую руку была гора, а по лѣвую сухая долина. Мы же на пути много удивлялись, что выше бѣжитъ рѣка, а ниже сухо. Потомъ, уже часа два съ полудня, сошли подъ самыя горы по вышереченной долинѣ. Пошли сады виноградные; между виноградомъ растутъ древа, которыхъ мы еще отъ роду не видали, и много мы на нихъ чудились, и стали догадываться и познавать, что это масличныя и смоковныя. Прежде мы полагали, что это башни или столбы стоятъ; а когда подошли, то увидѣли, что это древа; но не могли узнать, какъ называются, пока намъ не сказали, что это прекрасные кипарисы. Тогда мы возрадовались, и между собою говорили, что, стало быть, не далеко и море, когда такія невиданныя нами растутъ древа, и перемѣнилась страна и климатъ. Потомъ вошли въ село христіанское, но не Болгарское, а Коцовлашское; съ трудомъ могли спросить про монастырь, и намъ показали его, хотя и недалеко, но высоко на горѣ. Взошедши на гору, пришли мы къ вратамъ монастыря. Монастырь стоитъ на полугорѣ и надъ великою пропастью, какъ ласточкино гнѣздо. Между горъ и монастыря пролегаетъ узкій путь. Во вратахъ сидитъ вратникъ инокъ, сѣдинами украшенный. Мы сотворили по три поклона иконѣ святаго Іоанна Предтечи, на вратахъ стоящей, потомъ поклонились и вратарю, и испросили отъ него благословеніе; онъ же сказалъ: « Богъ васъ благословитъ; что̀ хощете отъ мене?»

Мы же, услышавши болгарскую бесѣду, обрадовались, и отвѣтили ему, что желаемъ взойдти въ монастырь. Онъ спросилъ: «откуда и куда идемъ?» Мы сказали о себѣ. Онъ сказалъ: «подождите здѣсь; а я пойду, спрошу игумена.» Мы сѣли. Онъ скоро пришелъ, и ввелъ насъ въ монастырь прямо на гостинницу, гдѣ представили намъ трапезу, среднюю, но хлѣбъ предложили ячменный. Мы ѣли и насытились, потому что проголодались; и вина принесли до изобилія. Потомъ, до вечерни, мало уснули. Когда пришло время вечерни, начали ударять въ било, сирѣчь въ доску, и пошли всѣ братія въ церковь; пошли и мы. Когда же вошли во-внутрь,—стали въ придѣлѣ, въ правой сторонѣ: тамъ стояли всѣ монахи чинно и кротко, болѣе ста. И подошелъ къ намъ одинъ монахъ, и сказалъ, чтобы мы шли въ великую церковь. Мы послушали, и вошли; и тамъ стоятъ всѣ послушники и мірскіе, монаховъ же ни единаго. Я весьма похвалилъ сей чинъ и порядокъ: всѣ иноки стоятъ одни, со смиреніемъ и со страхомъ наклонивъ главы, въ тишинѣ и безмолвіи, безъ всякаго смущенія и соблазна, и никому между собою стоять не позволяютъ, ни мірскому, ни послушнику; а женамъ въ монастырь и входу нѣтъ; на клиросахъ человѣкъ по пятнадцати, больше послушники, только по три монаха. Канонаршили и пѣли весьма чинно, греческимъ языкомъ, такожде и читали. Мы простояли всю вечерню, но ничего не поняли. Церковь прекрасная, вся расписана иконнымъ стѣннымъ писаніемъ греческой работы, и множество иконъ и лампадъ, и вся церковь прекрасно убрана. Почиваютъ подъ спудомъ трое святыхъ мощей: всѣ Архіереи, ктиторы святой обители сея, въ этой обители

на покоѣ препроводившіе остальную жизнь свою. Еще стоитъ чудотворная икона святаго Іоанна Предтечи. Послѣ вечерни водили насъ всюду. Въ монастырѣ столько воды, что всюду журчитъ и брянчитъ, и всюду бѣжитъ вода; имѣются двѣ мельницы и двѣ толчеи.

51. Потомъ подвели насъ къ водѣ, точащейся изъ камени, и сказали: « Сія вода святая, данная святымъ Іоанномъ Предтечею, еще когда монастыря не было. Потому и выстроенъ во имя его монастырь сей.» Мы спросили: « а откуда сія большая вода?» Намъ отвѣчали: « И сія вода имъ же, святымъ Іоанномъ Предтечею, дана, но послѣ. Видѣли вы вверху бѣжавшую рѣчку, а послѣ изсохшую?» Мы сказали: « мы тому много чудились, что вверху вода, а внизу сухо.» Показывавшіе начали намъ разсказывать слѣдующее: « Та самая вода идетъ въ монастырь нашъ, которую провелъ самъ Іоаннъ Предтеча. Послушайте, по какому случаю: когда выстроили сію обитель, и умножилось братіи болѣе двухсотъ, случилась засуха. Воды прежней стало для братіи мало, и воду носили изъ-подъ горы, изъ рѣчки. Это очень наскучило, и хотѣли всѣ расходиться по другимъ монастырямъ, хотя игуменъ и отговаривалъ. Потомъ во снѣ игумену явился святый Іоаннъ Предтеча, и сказалъ: « скажи братіи: пусть сотворятъ мнѣ всенощное бдѣніе, и дамъ имъ воду до изобилія.» Игуменъ воставши повѣдалъ братіи, и совершили бдѣніе и литію; но ничтоже бысть. Братія оскорбились на игумена, и сказали ему: « Откуда возьмется вода? Отъ сухаго камени что-ли?» Игуменъ отвѣчалъ имъ: « Что вы маловѣры? Не отъ твердаго ли и сухаго камени извелъ Моѵсей Израилю воды въ пустыни? И намъ Господь Богъ

изведетъ воду изъ камени молитвами святаго Іоанна Предтечи. Сотворимъ еще бдѣніе, и увидимъ благодать Божію.» Сотворили второе бдѣніе и литію, и ничтоже бысть. Тогда братія еще болѣе засѣтовали на игумена, и пошли каждый въ свою келлію, да возьмутъ всякъ свою одежду, и да изъидутъ изъ монастыря. Игуменъ же со слезами увѣщавалъ, да послушаютъ его еще единожды, и сотворятъ еще третіе бдѣніе; и говорилъ: «аще не дастъ Богъ воды, то азъ первый изъиду изъ монастыря, а вы за мной; и пойдетъ каждый, кто куда знаетъ.» Послушали его братія, и сотворили третіе бдѣніе и литію. И когда возвращались и стали подходить къ вратамъ монастырскимъ: услышали всѣ подземный гулъ. И потомъ, вдругъ изъ горы на дорогу бросилась вода съ шумомъ, братіямъ подъ ноги. Братія всѣ испугались, и побѣжали кто назадъ, а кто впередъ. Потомъ много радовались, и благодарили Господа Бога и святаго Іоанна Предтечу, яко далъ воды до изобилія. Скорбѣли же о томъ, что не могутъ ея устроить, потому что не имѣютъ пенязей. Того-же дня къ вечеру пришелъ къ вратамъ монастырскимъ пастырь овчій, и началъ просить у вратаря хлѣба и вина. Вратарь пошелъ, чтобы принесть, чего просилъ пастырь. Но когда возвратился, то никого не нашелъ, а только пастырь оставилъ во вратахъ свою сумку. Вратарь всюду его искалъ, но не обрѣлъ. Когда наступилъ вечеръ, онъ заперъ врата, а сумку пастыреву отнесъ игумену, и сказалъ вся, яже о пастырѣ. Игуменъ дивился, развязалъ сумку, и увидѣлъ ее полну злата; и всѣ удивились. Нощію же явился игумену святый Іоаннъ Предтеча, и сказалъ: «сіи деньги азъ прислалъ тебѣ,

да устроиши воду.» По-утру игуменъ, вставши, повѣдалъ братіи, и всѣ возрадовались, и прославили Господа Бога, и благодарили святаго Іоанна Предтечу и Крестителя Господня, и устроили воду, яже пребываетъ и до сего дня, какъ сами видите.»

52. Потомъ повѣли насъ въ библіотеку, и показали намъ множество кожаныхъ и бумажныхъ рукописныхъ славянскихъ книгъ, болѣе тысячи; лежатъ безъ всякаго бреженія, о чемъ много мы соболѣзновали и сожалѣли; уже многія повредились. Мы спросили: «почему такъ безъ всякаго присмотру находится библіотека?» Намъ отвѣчали: «А на что эти книги намъ? Читать мы ихъ не знаемъ. Хотя и всѣ братія — болгары, но читать по-славянски ни одинъ не разумѣетъ; потому что мы всѣ изъ Македоніи. А у насъ по всей Мадеконіи, по градамъ и по селамъ, нигдѣ не читаютъ по-болгарски, а вездѣ по-гречески. Хотя и всѣ—болгары живутъ, хотя и ничего по-гречески не понимаютъ, ни міряне, ни священники, но такъ заведено издревле, и уже привыкли: потому что съ юности учимся читать и пѣть по-гречески. А сія библіотека жёртвована болгарскими и сербскими царями. Тогда по всей Ѳракіи и Македоніи читали и пѣли по-болгарски, а нынѣ только въ селѣ Патакѣ и въ монастырѣ Преп. Іоанна Рыльскаго.» Потомъ привели насъ паки на гостинницу, и много съ нами разговаривали, и просили насъ, чтобы мы у нихъ погостили и отдохнули отъ путнаго труда, ибо теперь уже святая Аѳонская Гора недалеко, только осталось четыре дня ходу. Потомъ представили намъ трапезу добрую, но хлѣбъ предложили паки ячменный. Мы же много тому удивлялись, и боялись, думая: ежели здѣсь, среди

міру—монастырь, да и то ячменный хлѣбъ даютъ; то уже въ Аѳонѣ долженъ быть пополамъ съ мякиной. Однако, мы спросили: «почему вы насъ угощаете ячменнымъ хлѣбомъ?» Намъ отвѣчали: «Простите насъ, отцы: мы другаго не имѣемъ, а который сами ѣдимъ, тѣмъ и васъ угощаемъ. Такое установленіе имѣемъ отъ ктиторовъ обители сея: аще кто хощетъ жить въ монастырѣ семъ, другаго хлѣба да не ястъ, кромѣ ячменнаго. Еще, у насъ женамъ входъ запрещенъ: хотя и близко градъ, только два часа ходу, а село почти рядомъ, но жена ни едина не бывала во вратахъ монастырскихъ, а только проходятъ мимо вратъ, молятся иконѣ, на вратахъ стоящей.» Еще мы спросили о водѣ, сколько времени она идетъ отъ того мѣста, гдѣ пошла въ землю, и до монастыря? Намъ сказали: «Прямо по долинѣ, гдѣ текла прежде, только два часа и меньше; а теперь доходитъ въ двадцать четыре часа; это мы узнаемъ потому, что, когда пройдетъ дождь и возмутитъ воду, то мы запасаемъ чистой воды; а чрезъ двадцать четыре часа, послѣ дождя, проходитъ и къ намъ мутная вода. Еще повыше монастыря есть пещера, столь великая и пространная, что ходимъ со свѣщами шесть часовъ, но изслѣдовать всю не можемъ. Тамъ находимъ и воду сію.» И иная многая намъ разсказывали. Спаси ихъ, Господи!—весьма страннолюбивы.

53. Еще намъ разсказывали о своемъ градѣ Ҫерезѣ, что весьма великъ и богатъ. «Внутри града двадцать четыре церкви православныхъ. Есть Митрополитъ и Епископъ. Иногда здѣшнихъ Митрополитовъ избираютъ во вселенскіе Патріархи Константинопольскіе. Власть во градѣ почти христіанская; хотя и есть

турки, но весьма мало, почти одинъ Паша. Купечество тамъ весьма милостивое, много жертвуетъ во святую Аѳонскую Гору; весьма степенное: ни въ какія пустыя замѣшательства не входитъ, а со смиреніемъ иго турецкое носитъ. Во время 1818 и 1821 годовъ почти вся Турція замѣшалась и пострадала; но градъ Серезъ остался вѣренъ Султану, и ни едина душа не пострадала и не пропала. Хотя и были у Султана въ сумнѣніи, и содержалось сто сорокъ человѣкъ подъ стражею сорокъ дней, но послѣ всѣхъ выпустили. И теперь очень у Султана въ уваженіи, и дана во градѣ полная власть христіанамъ: и творятъ по граду крестные ходы безъ всякаго препятствія. Богослуженіе отправляютъ на греческомъ языкѣ. Люди живутъ больше трехъ родовъ: Греки, Болгары, а болѣе Коцовлахи, всѣ православные христіане. Есть не много и турокъ. А жидовъ и нѣмцевъ не принимаютъ во градъ и жить, развѣ только пріѣзжаютъ на ярмарку. Наполненъ же градъ монашескимъ чиномъ, а наипаче монахинями: множество женскихъ обителей, скитовъ и богадѣленъ и келлій, такъ что по улицамъ не увидишь столько мірскихъ, сколько черноризцевъ и черноризицъ; въ церквахъ чинъ и порядокъ наблюдаютъ весь монастырскій, какъ во Святой Горѣ Аѳонской. И во всемъ градѣ нѣтъ ни жида, ни еретика, ни раскольника; только—мало турокъ.» Мы же сіе слышавши, весьма радовались, и прославили Бога, что еще есть на свѣтѣ такіе благочестивые города̀. Много и въ Аѳонской Горѣ о немъ говорятъ добраго. Потомъ благодарили за ихъ бесѣду, и они разошлись. По-утру послѣ утрени отправились мы въ путь. Отцы же, страннолюбивые, насъ напутствовали, проводили,

и не совѣтовали намъ заходить во градъ; и говорили: улицъ множество, узкія и кривыя; много будете блуждать, и много васъ будутъ останавливать и любопытствовать, и вы заночуете; а на утро Недѣля: паки васъ не отпустятъ. Вы идите позади града.» Простившись, мы пошли въ путь. Потомъ пришли ко граду Серезу. Отъ монастыря до града десять верстъ. Но мы во-внутрь не пошли, а пошли позади города. Градъ остался въ правой рукѣ, но не много его захватили, и пообѣдали; хлѣба намъ дали бѣлаго пшеничнаго, вина добраго, густаго, сладкаго, подобнаго меду; во всю дорогу таковаго не пили. Мы спросили: «по-чемъ такое продается на базарѣ?» Намъ сказали, что по десяти паръ (т. е. по пяти коп.) око (т. е. три фунта вѣсу), и мы много удивились, что очень дешево. Пообѣдавши, пошли въ путь. И шли шесть часовъ, т. е. тридцать верстъ, чрезъ долину, по ровному мѣсту. Къ вечеру подошли къ горамъ. И взошли въ село христіанское Негриту; и приняли насъ ласково, но уже не болгары, а греки: по-болгарски мало что знаютъ говорить, и упокоили насъ пищею и питіемъ.

54. Здѣсь сказали намъ печальную вѣсть, что до св. Горы три заставы, и берутъ турки за бороды: на двухъ по двадцати пяти левовъ съ человѣка, т. е. по пяти руб. съ бороды, а на третьей по двѣнадцати съ половиною левовъ, т. е. по два руб. пятидесяти коп.; всего надобно намъ двоимъ отдать сто двадцать пять левовъ, или двадцать пять рублей. И объяла насъ великая скорбь, что мы столько не имѣемъ и денегъ; да и напрасно поганымъ туркамъ отдать не хочется; и начали разспрашивать: не можно ли заставы

какъ обойдти? Намъ сказали: «Можно обойдти, да не вамъ, потому что вы дорогъ не знаете, не умѣете ни говорить, ни спросить, а по-болгарски здѣсь никто не знаетъ. Но ежели хощете знать дорогу, то, какъ изъ нашего села выйдете, возьмите въ лѣвую руку, а послѣ держитесь правой.» Мы здѣсь ночевали; по-утру была Недѣля: греки всѣ пошли въ церковь, и мы зашли, не много помолились. Церковь каменная, великая и прекрасная, и множество иконъ и паникадилъ. Мы же, призвавши Бога на помощь, скоро пошли въ путь, и поворотили съ большой дороги вълѣво. И много въ тотъ день блуждали по горамъ и по лѣсамъ. Однако, слава Богу, въ половинѣ дня попали въ деревню. Хотя и ни одного слова ни мы не понимали у жителей, ни они у насъ: но христіане намъ хлѣба и вина дали, и показали намъ путь. Мы же къ вечеру вышли на большую дорогу. Слава Богу! одну заставу обошли. Попался по пути обозъ; мы шли съ нимъ до поздняго вечера, и стали подходить къ другой заставѣ, о чемъ намъ извощики сказали. Мы же паки пошли въ сторону, гдѣ темной ночью много блуждали по лѣсамъ. И ночью одну рѣчку четырежды перебродили выше пояса; а вода быстрая и холодная. Потомъ попали на дорогу, да не на свою. Около полуночи пришли въ село, и увидавши въ одномъ домѣ огонь, попросились ночевать, и насъ приняли съ любовію; это была гостинница; и упокоили насъ пищею и питіемъ. Гостинникъ не много умѣлъ говорить по-болгарски, и хорошо съ нами разговаривалъ,—истинный христіанинъ, — спаси его Господи! И сказалъ намъ: «Въ нашемъ селѣ есть стража и застава; но я рано васъ провожу, и покажу путь по

другой деревнѣ: тамъ уже больше заставъ не будетъ. А вы сюда зашли въ сторону и даже назадъ; наше село стоитъ на берегу моря.» Потомъ мы уснули спокойно; ибо весьма въ тотъ день устали: ушли шестьдесятъ верстъ, да еще много блуждали; весь день бѣжали безъ памяти, страха ради турецкаго. Поутру рано гостинникъ проводилъ насъ прямо чрезъ рѣчку, и показалъ намъ путь въ деревню. И пришедши въ деревню, не нашли ни одного, кто знаетъ по-болгарски; и показали намъ путь на гору, и мы взошли на гору, и путь потеряли, такъ что никакого не стало. И блуждали по горамъ и по непроходимымъ лѣсамъ безъ всякихъ дорогъ (лѣсъ—все каштановый) далѣе полудня. Хотя хлѣбъ и имѣемъ, да воды нѣтъ. Потомъ сошли паки въ долину, и тамъ попали на дорогу, и воды нашли много; и мы подкрѣпились хлѣбомъ и водою, и пошли паки къ морю, и возлѣ моря нашли деревню, но во всей деревнѣ не нашли ни одного, кто бы зналъ по-болгарски. Мы стали спрашивать дорогу на Низворъ, и намъ паки показали на гору. О, сколько намъ было тогда грустно и скорбно!

55. Потомъ пошли въ путь; а вечеръ уже не далеко; и мы шли на гору два часа, уже и поплакали и устали, ибо много мы въ сіи два дня перелазили горъ и вертеповъ, и плутали по лѣсамъ; и отъ болѣзни сердца своего восплакали, и воскликнули: «О, св. Гора Аѳонская! Далеко ли ты отъ насъ обрѣтаешься? И когда ты нашимъ очесамъ откроешься? И когда мы тебя увидимъ, и насладимся твоея красоты? О, св. Гора Аѳонская! Покажи намъ свою поднебесную высоту, и обвесели насъ скорбящихъ, и утѣшь насъ плачущихъ, обрадуй насъ болящихъ! Уже ноги наши пріу-

стали, и тѣло наше заболѣло, и души наши пріуныли, и сандаліи наши поносились. О, св. Гора Аѳонская! Когда будетъ то время, что мы на тебя будемъ смотрѣть? И когда пріидетъ то время, что мы по тебѣ будемъ ходить, и наслаждаться твоею красотою?» — Но хотя мы и пріустали, но поспѣшали, сколько могли, чтобы пораньше, за-свѣтло, подняться на гору. И поднявшись, взошли на самый хребетъ. И вдругъ открылось намъ новое и радостное зрѣлище: мы увидали конецъ своему пути. Кругомъ виднѣлось море: по правую страну море, и по лѣвую море, и прямо впереди море.—Конецъ своему пути видимъ, а тихаго своего пристанища, св. Горы Аѳонскія, не видимъ! О семъ много соболѣзновали. Потомъ спустились версты двѣ внизъ, и пришли въ село Низворъ. Одна жена гречанка подала намъ цѣлый теплый пшеничный хлѣбъ, за что мы ее благодарили. Въ селѣ Низворѣ двѣ церкви и Епископъ. Мы же взошли на гостинницу, гдѣ приняли насъ съ любовію. Гостинникъ—молодой и ласковый, и знаетъ по-болгарски. Мы его начали спрашивать: « Гдѣ св. Гора Аѳонская? Покажи намъ ее, да утѣшимъ мы свою скорбь.»

56. Онъ вывелъ насъ на крыльцо, и показалъ намъ многовождел ѣнное наше пристанище, и сказалъ намъ, показывая рукою: « Вотъ Св. Гора. Но теперь верха ея не видно, покрытъ облаками; онъ осенью и зимою мало когда открывается, но всегда покрытъ облаками, а лѣтомъ часто его видно. А это — его перешеекъ.» Мы спросили: « а сколько будетъ до перешейку, и сколько до Аѳону?» Онъ же сказалъ: « ежели скоро пойдете, то завтра къ вечеру дойдете до перешейка; а до верху Аѳона пять дней ходу.» Мы же не повѣ-

ряли, и сказали: «можетъ ли это быть? до перешейку не болѣе одного часа, а до Аѳону одинъ день?» Онъ же сказалъ: « когда пойдете, тогда узнаете.»

57. Тогда мы восплакали, и пали на землю, и поклонились Св. Горѣ, глаголюще: « Покланяемся тебѣ, святоименитая Гора Аѳонская, Богородиченъ святый доме! Покланяемся и твоей игуменіи и назирательницѣ Пресвятой Владычицѣ, Пречистѣй Дѣвѣ Богородицѣ! Покланяемся твоимъ гражданамъ и жителямъ, великому ополченію Царицы Небесной, — св. отцамъ аѳонскимъ! Покланяемся твоимъ св. лаврамъ, монастырямъ, киновіямъ, скитамъ и келліямъ! Покланяемся твоимъ камешкамъ, кровію и слезами и пòтомъ омоченнымъ св. отцами аѳонскими! О, блаженны очи наши, видящія тя, св. Горо Аѳонская! И благословенъ день сей, въ оньже сподобихомся тебе увидѣти. *Сей день, егоже сотвори Господь: возрадуемся и возвеселимся въ онь. Сей воистину святый и всепраздненственный день,* въ оньже увидахомъ тя, св. Горо Аѳонская. Днесь мы видимъ отъ скорбей нашихъ утѣшеніе, отъ печалій премѣненіе, дальняго и жестокаго и многотруднаго пути окончаніе! » — Потомъ вечеромъ упокоили насъ пищею и питіемъ; и сами, гостинникъ съ женою, съ нами возвеселилися. Спаси ихъ Господи! И греки весьма страннолюбивы, привѣтливы и уважительны. Потомъ мы спали спокойно; по-утру рано встали, и пошли въ путь. Гостинникъ далъ намъ хлѣба на путь, и мы шли радуяся, и единъ другаго предваряя. А путь все подъ гору, и мы бѣжали: яко елени бѣгутъ ко источникамъ воднымъ, такъ мы бѣжали къ св. Горѣ Аѳонской; всю свою немощь и всю усталость оставили назади, въ Балканскихъ горахъ и

въ македонскихъ лѣсахъ. И *обновися, яко орля, юность наша.* Позабыли всѣ скорби и болѣзни, и непроходимыя горы и лѣса, страхи и ужасы отъ турокъ и разбойниковъ. Вся мимо идоша, нынѣ вся нова быша. Нынѣ радость и веселіе. Нынѣ видимъ многовожделѣнное и давно возлюбленное наше сокровище, которое видѣть съ юныхъ лѣтъ неограниченное имѣли желаніе, – видимъ св. Гору Аѳонскую. Было сладостно и радостно только слышать о Св. Горѣ, и видѣть ея изображенія на стѣнахъ: какъ же намъ было днесь не радоваться и не веселиться, когда устремили мы свои очи прямо на св. Гору Аѳонскую, и видимъ ее уже не въ гаданіяхъ, якоже прежде, но лицемъ къ лицу? Хотя и тщилися къ вечеру до ней достигнуть, но не получили той радости; и помышляли, когда наши ноги по ней пойдутъ, когда наши грѣшныя руки будутъ ее осязать, когда наши скверныя уста будутъ лобызать ее святыню. Въ такихъ мысляхъ сошли мы къ самому морю, и шли подлѣ моря по заплеску. Около полудня пришли на источникъ, сладкую и холодную воду точащій. Здѣсь вкусили хлѣба; и паки пошли въ путь. И уже близко вечера пришли въ село Ерисово, или Гирсово; греки приглашали насъ ночевать, и говорили, что ихъ уже послѣднее село до Св. Горы, а до монастыря Хилендаря далеко, девять часовъ ходу, т. е. 45 верстъ. Мы же спросили: «а что, не можемъ ли ночевать на пути?» Они сказали: «можете: есть монастырскіе метохи, т. е. хутора.» Мы не медля пошли въ путь далѣе.

58. Отъ села Гирсова отшедши верстъ пять, подошли къ перешейку. Перешеекъ отъ моря до моря съ-полверсты. Здѣсь прежде была каменная стѣна:

башня еще и до-днесь стоятъ; но стѣна разрушилась. Мы же, подошедши, пали на землю, и обливаясь слезами говорили: « Пріими насъ, Владычице; пріими, Пресвятая и Пречистая Дѣво Богородице; пріими насъ, Небесная Царице, въ Свой святый жребій: пріими насъ, обремененныхъ грѣхами; пріими подъ Свое покровительство! О Владычице, пріими насъ отъ суетнаго и многомятежнаго міра и отъ его прелестей! Пріими, Владычице, въ Свое тихое пристанище; пріими насъ, заблудшихъ овецъ, въ Свою небеси подобную ограду! Причисли и присоедини насъ къ Своему избранному стаду! О Владычице, не возгнушайся насъ грѣшныхъ рабовъ Твоихъ, и не отрини насъ скверныхъ, но Сама насъ очисти и освяти, и благослови насъ путешествовать по святому Твоему жребію грѣшными нашими ногами! Пріими, Владычице, и наставь насъ найдти пастыря, отца духовнаго, который бы насъ руководствовалъ ко спасенію по незаблудному пути, ведущему въ царствіе небесное! О Владычице, покажи намъ и мѣсто, гдѣ имамы спастися! Сподоби насъ, Владычице, во святомъ Твоемъ жребіи препроводить въ покаяніи остальные дни жизни нашея, и скончать животъ нашъ, а по смерти сподоби получить намъ вѣчное блаженство! Аминь.»

Тако помолившись, со страхомъ и трепетомъ вступили въ жребій Божіей Матери. Шли одинъ часъ, и пришли къ метоху, т. е. хутору, и стали проситься ночевать. Тамъ же всѣ греки: языка нашего не понимаютъ, а показываютъ впередъ, что тамъ есть болгары. Мы пошли далѣе, и еще шли одинъ часъ. И отъ самаго перешейку шли все по ровному мѣсту,

полями и лѣсами: лѣсъ—болѣе кедровый и сосновый, и дикія масличныя древа.

59. Потомъ начали подходить къ самой Св. Горѣ. Подъ горою великій садъ масличныхъ древъ, и много братій и работниковъ собираютъ масличныя ягоды. Мы сказали: «помози вамъ, Боже, отцы св. и братія!» Они отвѣтили: «спаси васъ Господь!» Мы же возрадовались, услышавъ и познавъ, что они болгары. Мы спросили: «какого монастыря?» Они отвѣтили: «Хилендаря.» Мы попросились ночевать, и они насъ съ любовію приняли, и въ вечеру сотворили насъ участниками своей трапезы, и упокоили насъ пищею, хлѣбомъ и виномъ. О, коль сладка и пріятна и весела была намъ сія трапеза! Потому что уже утѣшалися не съ мірскими, какъ прежде. но со святыми отцами, съ жителями св. Горы Аѳонскія. И они любезно съ нами разговаривали и разспрашивали насъ: «Какъ мы прошли такой дальній и трудный путь? Какъ переходили великія горы Балканскія, и не претерпѣли ли какой обиды отъ турокъ и отъ разбойниковъ?» Мы имъ все разсказали, и они весьма о насъ сожалѣли, и утѣшали насъ, говоря: «теперь, слава Богу, вотъ св. Гора Аѳонская: всѣ кончились ваши страхи и скорби и ужасы; за-утро рано вступите на Св. Гору, и въ нашъ монастырь прійдете ночевать.» Мы же отъ радости проливали источники слезъ, видя аѳонскихъ братій, совершенную любовь имущихъ, и неограниченное ихъ страннолюбіе и странопріятіе: еще мнѣ во всю жизнь свою не случалось видѣть таковую любовь имущихъ людей. И часто мы возводили очи свои на Св. Гору, помышляя, что сидимъ мы въ самомъ ея преддверіи, у самой ея подошвы, какъ Марія у ногъ

Христовыхъ. И благодарили Царицу Небесную за Ея неограниченныя къ намъ милости, что сподобила насъ достигнуть до св. Горы Аѳонской; и часто восклицали: «Благодаримъ Тя, наша Владычице! Благодаримъ Тя, Пречистая Дѣво Богородице, за Твои неизреченныя къ намъ благодѣянія, яко сподобила насъ вступить въ святой Свой жребій! И съ какою любовію и привѣтствіемъ Ты встрѣтила насъ и приняла въ преддверіи! Еще только стали входить во врата, а уже и встрѣтила Ты насъ своею милостію. О Царица Небесная! Какъ Ты сама милостива къ роду человѣческому: такихъ имѣешь и рабовъ Своихъ, жителей и обитателей Своего жребія.» Потомъ легли спать, и отцы снабдили насъ своей одеждою, чтобы мы не простудились: ибо тогда уже были ночи холодныя, было 7-е число Ноября. По-утру отцы дали намъ на путь хлѣба и вина въ тыквицы, маслинъ и смоквинъ и изюму; день тотъ былъ среда и праздникъ св. Архистратига Михаила и прочихъ небесныхъ Силъ. На прощаньи отцы просили насъ, чтобы въ ихъ монастырь зашли ночевать. Мы же благодарили за ихъ любовь. Здѣсь хлѣбъ ѣли мы бѣлый пшеничный, вкусный, какого всю дорогу не ѣли. Здѣсь не такъ, какъ въ Македонія, гдѣ ѣдятъ ячменный хлѣбъ. Вотъ какъ Царица Небесная чадъ Своихъ и работниковъ утѣшаетъ, и Своихъ воиновъ успокояетъ!

60. Простившись и вышедши, мы вступили уже якобы въ самыя двери Св. Горы, и воспѣли: «Милосердія двери отверзи намъ, благословенная Богородице! Надѣющіися на Тя да не погибнемъ, но да избавимся тобою отъ бѣдъ! Ты бо еси спасеніе рода христіанскаго.» Вступили на Гору; и пошли по са-

мому острому камню, и было весьма круто. И мы каждый ступень омочали слезами отъ радости, и припѣвали разные стихи, радости нашей приличные: «возведохомъ очи наши въ горы, отнюдуже пріидетъ помощь наша: помощь наша отъ Господа, сотворшаго небо и землю.» И паки: «на горы, душе, воздвигнемся: гряди тамо, отнюдуже помощь идетъ.» Всходили на гору съ-полчаса, и взошли на самый хребетъ. День тогда былъ ясный.

61. И открылась намъ восточная страна св. Горы Аѳонскія: множество горъ и холмовъ и великихъ удолій; покрыты всѣ темными лѣсами. Изъ-за горъ выше всѣхъ холмовъ показываетъ свою обнаженную главу самъ Аѳонъ. Но до него было еще далеко, болѣе ста верстъ. У Аѳона самый верхъ голый и острый; самъ онъ стоитъ выше всѣхъ горъ и холмовъ, какъ отецъ выше дѣтей своихъ. И мы ему поклонились, какъ отцу всея Горы Аѳонскія. Монастырей же и скитовъ ни одного не видимъ: они всѣ спрятались подъ крылышки своей матери; стоятъ между горъ въ удоліяхъ, въ тихихъ и безмолвныхъ мѣстахъ. Мы же шли радуясь и веселясь. Якоже агнцы на травѣ пасущися играютъ: тако мы, по св. Горѣ Аѳонской идуще, веселихомся. По лѣвую страну насъ было море, по правую страну св. Гора, и впереди насъ св. Гора, и позади насъ св. Гора. Оставайся теперь ты, міръ, со всѣми своими прелестами и со всѣми превратными и непостоянными своими красотами. Уже не боимся теперь твоихъ буйныхъ вѣтровъ; не боимся твоихъ великихъ волнъ, имиже ты прельщаешь и уловляешь, разбиваешь и потопляешь рабовъ Божіихъ, хотящихъ спастися. Уже мы теперь въ тихомъ

и небурномъ пристанищѣ. Уже не боимся теперь Балканскихъ горъ. Не боимся теперь поганыхъ турокъ и разбойниковъ. О Господи! За что̀ прежде всего воздадимъ Тебѣ благодареніе? Яко многихъ и великихъ исполнилъ еси насъ благъ, и великія и неизреченныя Свои милости изліялъ еси на насъ. Благодаримъ Тя, Господи, яко избавилъ еси насъ отъ душепагубнаго раскола, и присоединилъ насъ грѣшныхъ ко Своей Св. Церкви. Благодаримъ Тя, Господи, яко сподобилъ еси насъ перейдти такой дальній путь безъ великихъ скорбей и напастей. Благодаримъ Тя, Господи, яко сохранилъ еси насъ невредженныхъ отъ поганыхъ турокъ и разбойниковъ. Благодаримъ Тя, Господи, яко сподобилъ еси насъ достигнуть въ сіе тихое пристанище, во жребій возлюбленной Твоей Матери, Дѣвы Маріи, нашея Владычицы, Богородицы. Теперь сподоби насъ, Господи, въ семъ тихомъ пристанищѣ провести остальные дни жизни нашея, и въ покаяніи скончать животъ нашъ! Теперь, Господи, препоручи насъ на сохраненіе и на распоряженіе возлюбленной Твоей Матери!» И тако идохомъ по святой Горѣ, радостныя слезы испущающе, и благодарственные гласы возсылающе. И шли мы все съ горы на гору: по обѣимъ странамъ великіе лѣса, больше сосновые и кедровые; попадались много деревъ прекраснаго платану, но мы не знали, какъ называется, а только удивлялись его красотѣ и его прекрасному листвію. По дорогѣ все камень. По сторонамъ много было разныхъ цвѣтовъ, и много цвѣло древъ, какъ въ Молдавіи весной, и много на древахъ плодовъ было, но мы не знали, какъ ихъ звать, и боялись ихъ вкушать. Это была камарня, красная и бѣлая.

62. Въ половинѣ дня пришли къ фонтану, добрую и холодную воду точащему. Подлѣ фонтана стоитъ крестъ. Мы, помолившися, сказали: «прежде всего встрѣтилъ насъ крестъ: видно, намъ въ Св. Горѣ надобно понести крестъ иноческаго житія.» Потомъ пообѣдали и мало опочили, и паки пошли въ путь, но жилищъ монашескихъ никакихъ не видали, а только одни лѣса и горы и камни. Потомъ начали со скорбію помышлять о томъ, что̀ намъ говорили въ Молдавіи, что безъ денегъ не пріимутъ и ночевать, а не только жить. А мы что̀ будемъ дѣлать? У насъ у двоихъ осталось только пятьдесятъ левовъ, или десять рублей: насъ и ночевать не пустятъ; и восплакали: «О Владычице наша, Пресвятая Богородице! На Тя надѣющеся, пріидохомъ во Св. Гору, а не на деньги; и не на человѣка, но на Тебя, Царице Небесная, надѣемся, и Тобою хвалимся, Твои бо есмы раби: да не постыдимся.» Былъ уже не далеко̀ вечеръ; взошли мы на одну небольшую гору, и вдругъ открылось намъ много келлій и скитовъ, а къ морю на скалѣ стоитъ небольшой монастырь. Мы возрадовались, что уже наступаютъ жилища святогорскія и монашескія обиталища, и помышляли, что это самый монастырь Хиландарь. И увидали, что идутъ поперегъ дороги два монаха. И они, увидавши насъ, подождали. Мы, подошедши къ нимъ, поклонились, и они насъ спросили: «откуда и какого роду?» Мы сказали: «роду русскаго, а проживали въ Молдавіи.» Одинъ изъ нихъ сказалъ: «я и самъ русскій, орловской губерніи», и много съ нами разговаривалъ, а послѣ сказалъ: «ежели вамъ угодно, то пріиму въ ученики.» Мы же отвѣтили: «Спаси васъ Господи! Посмотримъ, какъ бу-

детъ угодно Божіей Матери.» Еще мы спросили: «а гдѣ монастырь Хилендарь, и далеко ли до него?» И они показали его внутри горъ по долинѣ, и сказали, что до него полчаса ходу. Мы же спросили: «а сей что̀ за монастырь на брегу моря стоитъ?» Они сказали: «сей монастырь Вознесенскій, называемый Старый; въ немъ братіи живетъ не много; принадлежитъ къ монастырю Хилендарю.» Мы же, поклонившись имъ, пошли къ монастырю Хилендарю; шли и говорили: «Слава Богу! первая встрѣча добрая: уже въ ученики зовутъ, а денегъ не спрашиваютъ!»

63. И шли мы по ровному мѣсту, по мягкой землѣ; дорога широкая и колесная, какой мы отъ самой Молдавіи не видали: пескомъ, какъ нарочно, усыпана. Хотя въ Аѳонѣ и нѣтъ обычая ѣздить на колесахъ, но въ Хилендарѣ позволяетъ мѣсто до моря, до пристани. По сторонамъ трава зеленая, цвѣтами покрытая; лѣсъ прекрасный, дубовый и лавровый, какъ нарочно насажденный, и частые садочки: виноградные, масличные и смоковничные, и воздухъ прохладный. И мы идемъ, какъ въ раю, радуемся и веселимся, и удивляемся красотѣ мѣста, а сколь есть прекрасна св. Гора Аѳонская! По правую руку бѣжитъ небольшая рѣчка съ холодной водою. И какъ стали мы выходить изъ лѣсу, открылось намъ множество кипарисовъ прекрасныхъ, какъ роща. Позади кипарисовъ стоитъ спрятавшаяся въ самой тишинѣ и безмолвіи св. великая Лавра, пречестная обитель Хилендарская. И когда она намъ открылась вся, то мы не могли далѣе идти: стояли изумѣваясь и много удивляясь, и плача сами себѣ говорили: «Что̀ мы видимъ? не мечтаніе ли? не привидѣніе ли? не во снѣ ли

намъ показывается, чего мы не чаяли, нижѐ помышляли? Неужели таковы аѳонскіе монастыри? Неужели таковы святогорскія обители?» Былъ я въ Кіевѣ, былъ я въ Москвѣ, былъ я въ Саровской пустыни, былъ я въ Молдавіи и въ Буковинѣ: но ни гдѣ таковыхъ монастырей не видалъ.

64. Не много отошли, и се внезапу, по лѣвую страну дороги, увидали новую и преславную вещь: стоитъ сама Игуменія св. обители Хилендарскія, Пресвятая Владычица наша, Пречистая Дѣва, Богородица; стоитъ чудотворная ея икона Троеручица, самый точный списокъ съ подлинной, отъ древнихъ лѣтъ здѣсь поставленный. Предъ нею стоитъ подсвѣчникъ со свѣщею, и горитъ неугасаемая лампада. Мы, увидавши ее, бросились къ ней, и пали предъ нею на землю, восплакали, и со слезами возопили: «О Пресвятая наша Владычице, Пречистая Дѣво, Богородице, прости насъ грѣшныхъ! О Небесная Царице, благослови насъ недостойныхъ рабовъ Твоихъ! О Владычице! или Ты вышла встрѣчать насъ? О Владычице! или Ты вышла изъ Своей обители обласкать насъ странниковъ, не имѣющихъ гдѣ главы подклонити? О Небесная Царице! или вышла утѣшить насъ скорбящихъ? О Владычице! Только успѣли мы увидать Твою святую обитель, еще не успѣли ее довольно разсмотрѣть, а Ты уже сама насъ встрѣчаешь! О Царице Небесная и Назирательница св. Горы Аѳонскія! Ты еси сама въ ней Госпожа и Игуменія. Пріими насъ, Госпоже, заблудшихъ овецъ во Свою ограду. Пріими насъ, Госпоже, странниковъ, не имѣющихъ гдѣ главы подклонити, во Твою святую обитель. О Госпоже! не возгнушайся насъ грѣшныхъ. Якоже возлюбленный

Твой Сынъ и Богъ нашъ сказалъ: *грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ:* тако и Ты, о Владычице! пріими насъ отъ суетнаго міра къ Тебѣ пришедшихъ. Пріими, Владычице, насъ обремененныхъ грѣхами и немощныхъ. Пріими насъ, Небесная Царице, во Свой святый жребій, данный Тебѣ отъ Сына и Бога Твоего. Пріими насъ подъ Свое покровительство. Покрой насъ, Владычице, честнымъ Своимъ омофоромъ, и причисли насъ къ избранному стаду Твоему; присовокупи насъ къ великому Своему ополченію. О Всемилостивая Владычице! сподоби насъ обрѣсти отца духовнаго и наставника и путеводителя къ вѣчному блаженству. О Владычице! покажи намъ и мѣсто, гдѣ имѣемъ спастися. О Владычице! сама буди о насъ попечительница, сама буди намъ помощница и заступница; сама буди намъ наставница и учительница, наставляя и научая насъ на полезное. Сама бо Ты, Владычице, Своими пречистыми устами произнесла таковое обѣщаніе о св. Горѣ Аѳонской: «Сей Мой жребій, данный отъ Сына и Бога Моего Мнѣ; и не имамъ его оставити даже до скончанія вѣка. И иже въ немъ будутъ препровождать жизнь свою, Сама буду имѣть о нихъ попеченіе и промышлять о всемъ имъ нужномъ къ житію, Сама буду имъ врачъ и питатель, научать и вразумлять ихъ на благое, и отвращать отъ неполезныхъ. А кто соблюдетъ заповѣди Сына Моего, и здѣсь скончаетъ животъ свой,—Сама предстану у Сына и Бога Моего, и испрошу оставленія грѣховъ ихъ.» Таковое-же Ты., Владычице, дала обѣщаніе и св. Петру Аѳонскому. Таковое Твое обѣщаніе и мы услышавши, грѣшніи, пріидохомъ отъ далекія страны во св. Гору Аѳонскую, — въ Твой

святый жребій, подъ Твое, Владычице, покровительство; пріими и насъ подъ Свое попеченіе, да и на насъ исполнится Твое обѣщаніе. Сподоби же насъ, Владычице, препроводить остальные дни жизни нашея во святомъ Твоемъ жребіи, во св. Горѣ Аѳонской, и въ покаяніи скончать животъ свой. А по смерти нашей, якоже обѣщалась у Сына и Бога Своего просить оставленія грѣховъ нашихъ, сподоби намъ получить вѣчное блаженство. Аминь.» И тако помолившись встали, и лобызали св. икону. И паки къ ней говорили: «Иди съ нами, Владычице, невидимо, и пріими насъ во Твою святую обитель, и упокой насъ странниковъ, и отъ пути утружденныхъ. Сама бо Ты, Владычице, здѣсь Игуменія и Начальница. Къ Тебѣ бо пріидохомъ прежде поклонитися, и отъ Тебя прежде получить благословеніе на прожитіе во Твоемъ святомъ жребіи, Горѣ Аѳонской.

65. Потомъ шли мы къ монастырю, между кипарисовъ; и когда вышли изъ кипарисовъ, открылся намъ монастырь весь явственно. И мы много чудились и удивлялись великолѣпію и красотѣ монастыря. Не чудно бы было намъ, ежели бы мы увидали такой огромный и прекрасный монастырь въ Молдавіи или въ Россіи, подъ христіанскою Державою: но то чудно, что болѣе четырехъ сотъ лѣтъ Аѳонская Гора находится подъ тяжкимъ игомъ турецкимъ, что по всей Турціи, по селамъ и по градамъ, всѣ церкви и монастыри разорены, а хотя и есть вновь выстроенные, но и то безъ куполовъ и безъ крестовъ, безъ колоколенъ и безъ звоновъ, на-подобіе домовъ; но здѣсь видимъ не такъ, а въ полномъ христіанскомъ благо-

лѣпіи. Монастырь обнесенъ весь не оградою, но корпусами келлій въ четыре и пять этажей: въ нижнихъ двухъ этажахъ только во-внутрь монастыря поделаны окна, а въ верхнихъ— на обѣ стороны; стѣны усыпаны множествомъ оконъ съ крыльцами, галлереями и балконами; всѣ раскрашены красками, такожде и окна, и между оконъ выкрашено. Извнутри же монастыря надъ корпусами возвышается много куполовъ, покрытыхъ оловомъ, съ главами и крестами; такожде и колокольня съ колоколами и съ крестомъ, и двѣ высокія пирги, т. е. башни. Всѣхъ церквей въ монастырѣ болѣе двадцати: двѣ посреди монастыря, а прочія въ корпусахъ. Кто такому великолѣпію можетъ не почудиться? Днесь увидѣли мы исполненнымъ Божіей Матери обѣщаніе о св. Горѣ Аѳонской: «сію гору Азъ избрала изо всея вселенныя въ жилище Себѣ; Сама буду здѣсь пребывати и сохранятн; сей Мой жребій; и не имамъ его оставити до скончанія вѣка.» Здѣсь мы видимъ словесъ сихъ событіе: св. Гора Аѳонская одна въ Турціи осталась въ древней полной своей красотѣ невредима, и процвѣтаетъ, яко кринъ посредѣ тернія; и яко свѣтильникъ стоитъ на свѣщникѣ, и въ темной храминѣ всѣхъ освѣщаетъ. И якоже солнце на небеси сіяетъ и своими лучами весь міръ освѣщаетъ и согрѣваетъ: такожe и св. Гора Аѳонская, аще и въ турецкомъ царствѣ, аще и въ неволѣ пребываетъ, аще и подъ тяжкимъ игомъ турецкимъ находится, но сіяетъ своимъ древнимъ благочестіемъ и просвѣщаетъ вселенную, красуется своею красотою; и не боится турецкой власти и никакого человѣческаго страхованія, потому что имѣетъ надъ собою назирательницу саму

Небесную Царицу, Которая ее спасаетъ и избавляетъ отъ всякихъ бѣдъ и напастей.

66. Идя далѣе и Божію Матерь прославляя, мы подошли къ самымъ вратамъ монастырскимъ. Врата и обѣ ихъ страны, и выше вратъ, все расписано иконнымъ писаніемъ, праздниками и разными чудесами Пресвятыя Богородицы. Надъ самыми вратами стоитъ великая икона Богородицы; предъ нею виситъ большой фонарь съ лампадой горящею. Подлѣ вратъ на скамьяхъ сидѣли до десяти монаховъ, сѣдинами украшенныхъ. Мы, предъ иконою сотворивши три поклона, отцамъ поклонились, и они насъ привѣтствовали, и спросили: « отъ какой страны, братія, пришли къ намъ?» Мы же отвѣтили: « отъ далекой страны, отцы святіи, отъ земли молдавской.» Они еще вопросили: « Зачѣмъ потрудилися пройдти такой дальній путь: только поклониться, или и пожить?» Мы же отвѣтили: « и поклониться, отцы святіи, и препровождать остальную жизнь свою, аще угодно будетъ Божіей Матери.» Они сказали: « благое ваше намѣреніе; здѣсь Царица Небесная всѣхъ съ любовію принимаетъ.» Потомъ подошелъ къ намъ вратарь, и спросилъ насъ: « чего здѣсь желаете?» Мы отвѣтили, что желаемъ въ монастырь ночевать. Онъ же сказалъ: « подождите здѣсь, пойду спрошу епитропа.» Потому вратарь пошелъ къ епитропу, что здѣсь игумена нѣтъ, а Игуменія—сама Пресвятая Богородица. А епитропъ избирается только на одинъ годъ. Мы сѣли въ бесѣдкѣ, подъ балдахиномъ, гдѣ всегда странніе отдыхаютъ. И тутъ бѣжитъ изъ фонтана холодная вода: мы хотѣли напиться; но отцы намъ не велѣли, и сказали: « не пейте; вода

сія для здоровья вредна; сейчасъ пойдете въ монастырь, и тамъ дадутъ вина.»

67. Потомъ вышелъ вратарь, и повелъ насъ въ монастырь. И мы пошли во врата со страхомъ и радостію. Прошли двое вратъ желѣзныхъ, и пришли на дворъ, но еще не въ монастырь: тутъ были хлѣбные магазины, конюшни, плевницы и работническія кельи. Вся вокругъ постройка каменная, четырехъэтажная. Потомъ еще прошли врата желѣзныя, третьи, и взошли внутрь монастыря. И возведохомъ окрестъ очи наши, и увидали не монастырь, а царскій дворецъ, или райскія чертоги. Монастырь пятиугольный: четыре страны четырехъэтажныя, а пятая въ пять этажей. Всѣ стѣны усыпаны окнами и галлереями, и во всѣхъ этажахъ подъ окнами стелется и вьется кроватный виноградъ. По монастырю много растетъ кипарисовъ, лимонныхъ и апельсинныхъ древъ съ плодами. Посреди монастыря стоятъ двѣ церкви: одна великій соборъ седьмивратный, въ память Введенія Пресвятыя Богородицы, а другая небольшая. Вратарь привелъ насъ въ трапезу, и приказалъ насъ покормить. Трапеза вся расписана иконнымъ писаніемъ; но отъ древности весьма потемнѣла. Въ ней стоитъ до тридцати столовъ, всѣ мраморные и полукруглые, и каѳедра для чтенія, чему мы весьма удивлялись. Потомъ представили намъ трапезу постную и хлѣбъ бѣлый пшеничный, и вина вдоволь; трапезарь сидѣлъ подлѣ насъ и потчивалъ, любезно съ нами разговаривалъ, и много насъ разспрашивалъ. Мы же ядохомъ, и благодарихомъ Божію Матерь, что такъ ласково насъ приняли и угощаютъ.

68. По трапезѣ, трапезарь проводилъ насъ на го-

стинницу, привелъ въ третій этажъ, и препоручилъ насъ гостиннику. Гостинникъ же ввелъ насъ въ гостинницу, не въ такую, какъ въ Россіи и Молдавіи, но въ великій залъ, со многими окнами, весь раскрашенный разными красками. Полъ устланъ прекрасными преиспещренными коврами; около стѣнъ тюфяки и подушки изъ разной матеріи. Мы боялись идти своими пыльными съ пути ногами. Гостинникъ же сказалъ намъ: «идите, не бойтеся: они для того и постланы, чтобы по нимъ ходить.» Мы же со страхомъ пошли, и сѣли на тюфяки: намъ стыдно было ходить въ обуви по такимъ дорогимъ коврамъ, и мы разулись. Потомъ принесли намъ на подносѣ угощенія, разныхъ напитковъ и сладкаго варенія и кофею. Мы же что могли выпили, а за прочее благодарили. Братія гостинничные сами ходятъ въ чулкахъ однихъ, а башмаки скидаютъ у порога. И весьма они намъ рады были, какъ родные братія или родители, и всѣ съ нами сѣли и любезно разговаривали, и насъ утѣшали. Въ монастырѣ Хилендарѣ всѣ братія славянскаго языку, болгары и сербы, грековъ же ни единаго. Мы же сидѣли веселящеся, и отъ радости многи слезы проливали, и единъ другому говорили: «знать, любезный братъ, мы пришли не въ Аѳонскую Гору и не къ земнымъ человѣкамъ, но вѣрно, мы пришли въ горній Іерусалимъ, въ райскія чертоги, къ самой Царицѣ Небесной и къ самимъ небеснымъ Ангеламъ.» Потомъ ударили къ вечерни. Я сказалъ своему брату: «пойдемъ въ церковь: тамъ еще что-нибудь увидимъ неизреченное.» Онъ же мнѣ отвѣтилъ: «не пойду: весьма усталъ, и ноги болятъ.» Я ему сказалъ: «и у меня ноги болятъ, и усталъ; но терпѣнія нѣтъ,

чтобы не сходить, и не поклониться Божіей Матери, и не посмотрѣть церковь.»

69. И пошелъ я одинъ; и пришедши къ паперти, поднялся на нѣсколько ступеней, и положилъ три поклона, и обозрѣлъ кругомъ. Вся паперть поддерживается многими мраморными цѣльными столбами. Вся церковная стѣна и верхъ расписаны иконнымъ стѣннымъ писаніемъ высокой греческой работы; изображены разныя Евангельскія событія. Потомъ вошелъ во-внутрь въ великую церковь, но тамъ еще не церковь, а притворъ внутренній. Полъ изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, и свѣтится, яко стекло; и множество оконъ, и отъ того весьма свѣтелъ; имѣетъ пять куполовъ, и виситъ пять паникадилъ. Поддерживается четырьмя мраморными столбами, весь расписанъ иконнымъ писаніемъ, и иконъ множество. Въ него трое вратъ со двора, и трое изъ него во-внутрь, въ великую церковь, всѣ задернуты шелковыми занавѣсами, и много лампадъ; стѣны уставлены вокругъ монашескими мѣстами (формами). Потомъ мнѣ отцы сказали, чтобы я вошелъ во-внутрь. Я пошелъ со страхомъ въ боковыя сѣверныя двери; и поднялся еще на три ступени выше, и вошелъ въ храмъ, подобный первому, но и тамъ еще не церковь, а внутренній притворъ. Въ немъ три купола, и виситъ три паникадила; поддерживается онъ двумя столбами мраморными; въ него двое вратъ снаружи, и трое вратъ во внутренній великій храмъ; всѣ задернуты завѣсами; весь расписанъ иконнымъ писаніемъ, и полъ разномраморный, и вокругъ уставленъ монашескими мѣстами, и весьма свѣтелъ. Здѣсь читали девятый часъ. Я окаянный, яко странецъ, стоялъ въ углѣ со страхомъ и трепетомъ,

и помышлялъ въ себѣ: что̀ сіе вижду? на семъ ли свѣтѣ, или во снѣ?

70. Потомъ подошелъ ко мнѣ одинъ монахъ, и повелъ меня еще во-внутрь, и еще на три ступени поднялись. И взошли сѣверными дверьми въ великій настоящій храмъ, и поставилъ меня въ монашеское мѣсто, лицемъ противъ иконостаса. Братія же, кончивши девятый часъ, отдернули всѣ занавѣсы, и взошли въ великую церковь, и каждый творилъ Игуменіи по три поклона земныхъ, и лобызалъ ее, а потомъ обратившись на востокъ, творилъ по два поклона въ-поясъ, и лобызалъ икону на аналоѣ, и паки творилъ единъ поклонъ. И потомъ каждый отходилъ на свою страну, творилъ братіи поклоненіе, и становился на своемъ мѣстѣ, съ навѣшеннымъ на очи клобукомъ и наклоненною главою, и стоялъ каждый въ своемъ мѣстѣ со смиреніемъ. И тако наполнились обѣ страны клиросовъ и вся церковь братіею. Потомъ вышелъ іеромонахъ въ соборной мантіи и клобукѣ, положилъ три поклона земныхъ Игуменіи, взялъ отъ Нея благословеніе, подошелъ къ царскимъ вратамъ, и, скинувъ клобукъ съ камилавки, надѣлъ на себя епитрахиль, которая висѣла подлѣ царскихъ вратъ; потомъ сотворилъ три поклона, и обратясь поклонился Игуменіи, и потомъ возгласилъ: *Благословенъ Богъ нашъ*, по-славянски. Самъ епитропъ началъ читать вечерню кротко, тихо и не борзясь. Потомъ діаконъ младый сказывалъ ектенію сладкогласно. Каѳисму читали кротко, не борзясь: на каждой «*славѣ*», на «*аллилуіа*» творили по три поклона всѣ ра̀вно. Чтеніе и благочиніе приводило меня въ удивленіе; все правятъ со страхомъ и трепетомъ, благочинно, все по-ряду, единъ

другаго пережидають. Когда пришло время «*Господи воззвахъ*», тогда вышелъ канонархъ въ соборной мантіи, и положивши три поклона Игуменіи, сталъ лицемъ къ клиросу, руцѣ имѣя согбенны къ персямъ, лице почти все покрыто клобукомъ, и сказалъ *гласъ*, и поклонился до земли. На клиросѣ начали пѣть «*Господи, воззвахъ къ Тебѣ*,» и проч. протяженнымъ и умиленнымъ гласомъ, греческимъ напѣвомъ, весьма сладкогласно, всѣ три псалма на гласъ, по стихамъ. Діаконъ же въ то время кадилъ. На кадилѣ на цѣпочкахъ прицѣплены бубенчики, и брацаютъ весьма звонко. Діаконъ кадилъ иконы, каждую троекратнымъ кажденіемъ, Игуменію же трижды по-трижды, а всю братію каждаго двукратнымъ крестообразно кажденіемъ, и каждому дѣлалъ низкое поклоненіе, и кадилъ не борзясь, но тихо и кротко; такожде и братія каждый ему покланялся, и привлекалъ къ себѣ рукою ѳиміамъ. Стихиры всѣ пѣли съ канонархомъ; канонархъ ходилъ съ книгою, съ клироса на клиросъ, въ однихъ чулкахъ, для сбереженія драгоцѣннаго пола, и низко покланялся. Когда же сказалъ *славу:* тогда среди церкви остановился, и сдѣлалъ къ царскимъ вратамъ поклонъ. *Славникъ* пѣли на распѣвъ протяжно. «*Свѣте тихій*» читалъ самъ епитропъ, «*прокименъ*» вышелъ сказывать канонархъ. Сотворивши три поклона къ царскимъ вратамъ, скинулъ клобукъ съ камилавки, и сказалъ «*гласъ первый, прокименъ*, со *стихами*.» Потомъ, сотворивши единъ поклонъ къ царскимъ вратамъ, надѣлъ клобукъ на камилавку, сотворилъ по земному поклону на клиросы, и пошелъ на свое мѣсто. «*Сподоби Господи*» читалъ епитропъ. *Стиховны* пѣли не на сходѣ, а по клиросамъ съ канонархомъ. Когда

начали пѣть *стиховны*, тогда епитропъ подошелъ къ Игуменіи, сотворилъ два поклона земныхъ, и приложился къ Ней, и паки сдѣлалъ одинъ поклонъ; потомъ подходилъ ко всѣмъ мѣстнымъ иконамъ, предъ каждою творилъ по два поясныхъ поклона, и лобызалъ икону, и паки—единъ поклонъ; потомъ и на аналоѣ такожде лобызалъ икону. Потомъ вышелъ на средину церкви, и обратясь къ царскимъ вратамъ, сотворилъ два поклона въ-поясъ, а третій въ-землю; и потомъ поклонился на клиросы, и сталъ на своемъ мѣстѣ, а за нимъ и всѣ братія пошли по чину: и что̀ онъ творилъ, то-же и всѣ.

71. Послѣ всѣхъ пошелъ и я окаянный и грѣшный со страхомъ и трепетомъ. Подошелъ и увидѣлъ Ее, Царицу Небесную, чудотворную Ея икону, Троеручицу, стоящую на игуменскомъ мѣстѣ, лицемъ на востокъ къ алтарю. Стоитъ вся украшенная сребромъ и златомъ и драгимъ каменіемъ. Предъ нею горитъ много лампадъ, и стоитъ подсвѣчникъ со свѣщами. Я палъ предъ нею на землю, аки саму живую Ее увидѣлъ, и возопилъ къ Ней со слезами тако: « Се здѣсь Ты находишься, Владычице! Се здѣсь Ты пребываешь, Пречистая Дѣво Богородице! Здѣсь ты избрала Себѣ мѣсто быть Игуменіею. Сюда ты пришла Владычице, оставивши славный градъ Дамаскъ. Оставила ты, Владычице, и святый градъ Іерусалимъ; оставила ты, Владычице, и Лавру Саввы Освященнаго, оставила Палестину, и пришла, Владычице, въ Свой святый жребій, и вселилася въ сію пустыню аѳонскую, и взяла на Себя сіе послушаніе, еже быти здѣсь Игуменіею надъ здѣ живущею братіею, еже наставляти ихъ на путь спасенія, и охраняти отъ всѣхъ врагъ

видимыхъ и невидимыхъ. Ты, Владычице, пришла еси отъ юга къ сѣверу во Свой жребій; мы же пріидохомъ отъ сѣвера къ югу въ Твой святый жребій, къ Тебѣ, Госпоже Владычице, подъ Твое покровительство и подъ Твое защищеніе. Ты, Владычице, сама обѣщала еси грядущаго къ Тебѣ не изгоняти вонъ, но всѣхъ съ любовію пріимати, и на путь спасенія наставляти, и о всѣхъ имѣти попеченіе. Пріими и мене, Владычице, во Свой святый жребій, подъ Свое покровительство; наставь и мене, Владычице, на путь спасенія. И наставь мене, Владычице, обрѣсти пастыря, отца духовнаго, во иноческомъ житіи искуснаго. И сподоби мене, Госпоже Владычице, въ семъ тихомъ пристанищѣ препроводить остальные дни жизни моея, и въ покаяніи скончать животъ мой.» И тако помолившись Пречистой Богородицѣ, прикоснулся скверными моими устами къ чудотворному Ея и святому образу. И потомъ, по обычаю, приложился ко всѣмъ иконамъ.

72. Потомъ взялъ меня одинъ монахъ, привелъ за правый клиросъ, и показалъ мнѣ гробъ, гдѣ почивало муроточивое тѣло Преподобнаго Отца Симеона, царя Сербскаго, родителя Святителю Саввѣ, Сербскому Чудотворцу, основателя и ктитора обители Хилендарской. Муроточивое же его тѣло сыномъ его Саввою увезено въ Сербію. Я поклонился его чудотворному гробу, и помолился тако: «Преподобне отче Симеоне, съ возлюбленнымъ своимъ сыномъ Саввою, Святителемъ Сербскимъ, молите Бога о мнѣ грѣшномъ! Блаженъ ты, отче Симеоне, послушавый возлюбленнаго своего сына Саввы, оставивый свое земное царство, да наслѣдиши небесное. Блаженъ ты,

отче Симеоне, премѣнивый царскую порфиру на иноческую мантію. Блаженъ ты, отче Симеоне, премѣнивый царскую корону на монашескій клобукъ. Блаженъ ты, отче Симеоне, премѣнивый царскую багряницу на великую ангельскую схиму. Блаженъ ты, отче Симеоне, премѣнивый царскую державу на монашескія четки. И блаженъ сынъ твой Савва, иже отъ юности своея поработалъ и послужилъ истинному Господу Богу своему.» Потомъ лобызалъ гробъ его и святую икону его, лежащую на гробѣ. Надъ гробомъ его стоитъ Богородичная икона, изображенная мусіею, принесенная имъ самимъ изъ Сербіи, изъ царскаго его дому.

73. О, воистинну благословенна была для меня та вечерня! Первую такую во всю жизнь мою сподобилъ меня Господь отстоять. Воистинну, *во храмѣ стоя, на небеси* мнился стояти, въ ужасѣ и радости! Куда ни воззрю: всюду все приводитъ меня въ удивленіе. Воззрю на высоту: ужасаетъ меня и удивляетъ иконное стѣнное писаніе высокой греческой работы, болѣе пятисотъ лѣтъ существующее, и ничѣмъ не повредившееся, и все исписано разными Божественными и Евангельскими событіями и притчами. Воззрю немного къ высотѣ: удивляетъ меня хорусъ со многими свѣщами и со многими иконами и съ пятью паникадилами, чего еще я прежде никогда и нигдѣ не видалъ. Воззрю на землю: удивляетъ меня драгоцѣнный и разноцвѣтный мраморный полъ; испещренъ разными цвѣтами, и свѣтится яко хрусталь. Воззрю прямо на иконостасъ: удивляютъ меня чудотворныя и прочія мѣстныя иконы, отъ древнихъ лѣтъ невредимыя, аки сейчасъ написанныя. И кто не почудится и не

удивится иконописцамъ и высокой ихъ работѣ и прочности? Иконы стоятъ шестьсотъ лѣтъ и болѣе, и не старѣютъ, но паче юнѣютъ. Удивляетъ и рѣзьба иконостаса, столь высокой работы, что всякаго зрящаго на него изумляетъ; удивляетъ и блестящееся на немъ злато. Воззрю на подсвѣчники: удивляюсь величинѣ ихъ и работѣ. Едва пять человѣкъ могутъ одинъ подвигнуть съ мѣста; сдѣланы изъ чистой мѣди, и блестятъ подобно вызлащеннымъ; не кованные, но литые. На нихъ стоятъ свѣщи желтаго воску необыкновенной величины, аршинъ пять вышины. Удивляетъ и множество лампадъ: предъ всякою иконою по три лампады съ елеемъ; внизу всякой иконы привѣшена пелена. Воззрю на клиросы: удивляетъ меня шестиугольный аналой, дорогою костію перламутровою убранный. Воззрю на столбы: удивляюсь ихъ толстотѣ и драгому каменію и чистотѣ работы. Посмотрю по всему храму: удивляюсь и радуюсь множеству монашествующихъ; всѣ со страхомъ стоятъ, и истово крестное знаменіе творятъ, и низко кланяются. На вечерни «*нынѣ отпущаеши*» читалъ самъ епитропъ. По отпустѣ вечерни, пришли всѣ братія въ послѣдній притворъ, задернули всѣ завѣсы, и читали тамъ повечеріе. На повечеріи были два канона: Богородицѣ и Святому; не читали, но пѣли съ канонархомъ. Младый іеродіаконъ канонаршилъ весьма сладкогласно, и ходилъ со страны на страну, и низко покланялся. Я спросилъ: «какого роду сей іеродіаконъ, не русскій ли?» Мнѣ сказали, что сербинъ. Когда начали пѣть седьмую пѣснь, тогда пришелъ пономарь, держа въ рукѣ ручную кадильницу, не на цѣпяхъ, а съ рукоятію, и взявши у седмичнаго іеромонаха благословеніе,

началъ кадить прежде иконы, а потомъ и всю братію: каждаго кадилъ крестообразно, и каждому творилъ низкое поклоненіе, а рукоять кадильницы держалъ въ пеленѣ. По отпускѣ повечерія, взявши всѣ отъ седмичнаго благословеніе, пошли каждый въ свою келлію; вышелъ и я.

74. Потомъ показали мнѣ отцы лозу виноградную, исшедшую изъ-подъ стѣны церковной, изъ гроба Преподобнаго Симеона, царя Сербскаго. Она велика и многоплодна и удивительна. Когда я пришелъ въ гостинницу, вопросилъ меня братъ мой спутникъ: «что въ церкви видѣлъ удивительнаго?» Я же ему отвѣтилъ: «Гдѣ я былъ, не знаю, на земли, или на небеси; что я видѣлъ или слышалъ, того прежде никогда очима моима не видалъ, ниже слышалъ ушима моима, ниже когда взыде на сердце мое, ниже могу что тебѣ сказать; а когда самъ увидишь, тогда и познаешь. А только скажу тебѣ, любезный братъ: блажени наши ноги, сюда дошедшія, и блажени наши очи, сіе видѣвшія; блажени есмы и мы, не послушавшіе человѣковъ, насъ разстроивавшихъ и отговаривавшихъ.» И много мы радовались и веселились. Когда насталъ вечеръ, еще пришли въ гостинницу къ намъ ночевать странніе отцы аѳонскіе. Гостинникъ засвѣтилъ намъ свѣчу; принесли столъ, и поставили посредѣ, и принесли пищи и вина, и начали всѣхъ сажать за столъ, и насъ такожде; мы же сказали: «спаси васъ Господи! мы не хощемъ: недавно поѣли въ трапезѣ.» А они намъ сказали: «мы того не знаемъ, что вы кушали или нѣтъ; а у насъ садитесь; сколько вамъ угодно, столько и покушайте; мы къ тому приставлены, чтобы всѣхъ угощать.» Мы же, видя ихъ

страннолюбіе, сѣли, и вкушали пищи и питія во славу Божію. Была трапеза изобильная и многоястственная, и мы вкушали, прославляя Божію Матерь и восхваляя страннолюбивыхъ отцевъ аѳонскихъ. Послѣ ужина отперли шкафъ, и выдали всѣмъ по мягкой подушкѣ и по теплому стеганому на ватѣ одѣялу, и зажгли на всю нощь свѣтильникъ, и на очагѣ расклали великій огнь, дабы было тепло, и потомъ сказали: «теперь почивайте съ Богомъ.» Мы же, помолившись, спали спокойно. Въ первомъ часу по полуночи, по-гречески въ седьмомъ часу ночи, заблаговѣстили на утреню. Мы встали. Гостинникъ же пришелъ, и сказалъ намъ: «вы, отцы, спите: вы съ пути утрудились.» Мы же сказали, что мы уже отдохнули.

75. Потомъ мы пошли въ церковь, и взошедши стали въ послѣднемъ притворѣ; въ среднемъ же читали полунощницу; врата всѣ занавѣшены завѣсами. И одинъ монахъ подошелъ къ намъ, и ввелъ насъ во внутреннюю великую церковь, гдѣ стоялъ я вечерню, и поставилъ насъ въ *формы*. По окончаніи полунощницы пѣли протяжно тропари «*помилуй насъ, Господи, помилуй насъ*» и проч. Когда начали пѣть «*милосердія двери*»; тогда на всѣхъ дверяхъ завѣсы отдернули, и всѣ братія взошли въ великую церковь, по обычаю, какъ на вечерни. Потомъ начали утреню. И читалъ два псалма чтецъ на гласъ, весьма умиленно и протяженно, дондеже іерей покадилъ весь храмъ и всю братію. *Шестопсалміе* читалъ самъ епитропъ протяженно со вниманіемъ. И всѣ братія изъ мѣстъ своихъ вышли, и стояли со страхомъ и трепетомъ. «*Богъ Господь, и явися намъ*» пѣли протяжно, и тропарь такожде. Каѳизмы читали на правомъ клиросѣ,

не борзясь, внятно; на «*аллилуіа*» творили по три поклона, и всѣ равно и низко покланялись, какъ рукою достать до земли. По каѳисмѣ, *сѣдальны* пѣли съ канонархомъ; потомъ посредѣ церкви читали житіе святаго изъ четіи-минеи. По второй и по третьей каѳисмахъ *сѣдальны* пѣли съ канонархомъ. Псаломъ «*помилуй мя Боже*» читалъ самъ епитропъ. Когда приспѣло время каноновъ, *каноны* не читать стали, но всѣ въ октоихѣ и въ минеи начали пѣть по клиросамъ съ канонархомъ. Этотъ чинъ и благой обычай весьма мнѣ полюбился, я еще первый разъ сподобился сіе увидѣть и услышать. По шестой пѣсни читали *прологъ*. На девятой пѣсни пономарь, взявши благословеніе у Игуменіи, ударилъ въ желѣзное било, и пришедши зажегъ мѣстную свѣщу предъ иконою Богородицы. Когда возгласилъ іерей «*Богородицу и Матерь Свѣта въ пѣснехъ возвеличимъ*»: тогда всѣ братія вышли изъ *формъ,* и каждый скинулъ клобукъ съ камилавки. Во Святой Горѣ камилавокъ никогда не снимаютъ, кромѣ Литургіи. Потомъ начали пѣть «*честнѣйшую херувимъ*» кротко, протяжнымъ гласомъ, на каждый стихъ творя поклоненіе весьма низкое. Іерей же кадилъ святыя иконы троекратнымъ кажденіемъ, всю же братію двукратнымъ, крестообразно. «*Хвалите Господа съ небесъ*», всѣ три псалма, по стихамъ пѣли по клиросамъ, скоро, по одному человѣку. «*Слава въ вышнихъ Богу*» читалъ самъ епитропъ. Стиховны пѣли по клиросамъ съ канонархомъ. Когда начали пѣть стиховны, тогда епитропъ и всѣ братія подходили къ Игуменіи и къ прочимъ иконамъ, по обычаю, какъ на вечерни. Потомъ и мы пошли, и лобызали иконы. Потомъ читали *первый часъ*

и отпускъ. Въ храмѣ трое часовъ, и часто звонятъ. Потомъ мы пошли на гостинницу, и мало почили.

76. Потомъ пошли къ ранней Литургіи. Литургія была въ церкви между келлій въ корпусахъ. Церковь хотя и не велика, но прекрасная и свѣтлая, и вся расписана иконнымъ стѣннымъ писаніемъ; иконостасъ вызлащенный. Храмъ во имя Свят. Николая: тогда день былъ четвертокъ. Служеніе Литургіи было кроткое и тихое. Служилъ іеромонахъ съ іеродіакономъ. *Часы* читали не борзясь. На шестомъ часѣ въ алтарѣ ударили трижды въ кампанъ; тогда всѣ братія скинули клобуки и съ камилавками, и наклонили всѣ главы свои, и поминали каждый своихъ сродниковъ и благодѣтелей. Іерей же на проскомидіи вынималъ за нихъ частицы. Потомъ послѣ часовъ, когда вышелъ діаконъ начинать Литургію, и положилъ три поклона; тогда и всѣ братія скинули клобуки съ камилавками. И каждый творилъ три поклона, и наклонили главы низко, и читалъ каждый про себя «*Царю Небесный*», до конца, съ воздыханіемъ. Потомъ возгласилъ діаконъ: *благослови, Владыко*. И на каждый *возгласъ* творили поклоны. Псалмы всѣ пѣли на клиросахъ по стихамъ; *Блаженны*, — съ канонархомъ. «*Святый Боже*» пѣли протяженно, умиленнымъ гласомъ; *прокименъ* сказывалъ чтецъ въ камилавкѣ, но безъ клобука, а предъ чтеніемъ Апостола скинулъ и камилавку. На *Евангеліи* всѣ стояли въ камилавкахъ безъ клобуковъ. *Херувимскую* пѣли тихо, протяженно, безъ повторенія. На *выходѣ* скинули и камилавки, и наклонили всѣ главы, и поминали своихъ родныхъ. Когда діаконъ возгласилъ «*возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы*»: тогда всѣ братія творили

по три поклона. «*Вѣрую*» не пѣли, но читалъ самъ епитропъ со благоговѣніемъ; стояли всѣ въ камилавкахъ безъ клобуковъ. Когда іерей возгласилъ «*Твоя отъ Твоихъ*» и проч., — «*Тебе поемъ, Тебе благословимъ*» не пѣли, но единъ скоро пропѣлъ. И всѣ скинули клобуки съ камилавками, и наклонили свои главы, и призывали Духа Святаго, и было въ храмѣ безмолвіе. И каждый молился съ воздыханіемъ и со слезами. «*Достойно есть*» пѣли громогласно, безъ камилавокъ. «*Отче нашъ*» не пѣли, но читалъ самъ епитропъ. *Причастенъ* пѣли протяженно, безъ повторенія. На явленіи Даровъ скидали клобуки съ камилавками, и творили земные поклоны. По литургіи іерей раздавалъ антидоръ, и прикладывались всѣ ко всѣмъ иконамъ, и пили святую воду.

77. Потомъ мы вышли, и пришли въ гостинницу; и сдѣлали намъ угощеніе. Пришелъ одинъ іеромонахъ, и приглашалъ насъ оставаться у нихъ въ обители на жительствѣ, сказывая, что они русскихъ весьма любятъ, и желаютъ ихъ къ себѣ въ сожительство, что и службу церковную читаютъ и поютъ по славянскимъ, по русскимъ книгамъ, что и русской братіи нѣсколько человѣкъ есть. Мы сказали: «мы денегъ не имѣемъ: можетъ быть, вы не пріимете безъ денегъ.» Онъ же сказалъ: «мы не денегъ вашихъ желаемъ, но васъ самихъ: здѣсь всѣхъ Царица Небесная пропитываетъ и одѣваетъ.» Мы ему сказали: «спаси васъ Господи, за вашу любовь и привѣтствіе! но только теперь остаться не можемъ, а пойдемъ и повидаемъ свою русскую братію, и сыщемъ себѣ духовнаго отца; тогда гдѣ онъ благословитъ, тамъ и жить будемъ.» Онъ же еще сказалъ намъ: «хотя одну

недѣлю у насъ погостите.» Мы же отвѣтили: «спаси васъ Господи! теперь не можемъ, потому что весьма желаемъ свою русскую братію повидать, а послѣ просимъ не оставить насъ:» онъ сказалъ: «приходите, приходите: мы всегда русскимъ рады.» Потомъ мы собрались въ путь; онъ же привелъ насъ въ трапезу, и далъ намъ хлѣба, сыру и вина, сколько мы хотѣли; и проводилъ насъ за врата, и много насъ привѣтствовалъ и благословилъ, и мы пошли въ путь свой. Сей монастырь Хилендарь всѣмъ прекрасенъ и достаточенъ: постройкой и украшеніемъ, святынею и церковнымъ чиноположеніемъ, только недостаетъ одного, что не имѣютъ общежитія. Вышедъ изъ монастыря, шли мы обратно тому, гдѣ шли вечеромъ.

78. Паки пришли къ чудотворной иконѣ Богородицы, что̀ стоитъ на пути. Паки пали предъ нею, и помолившися говорили: «Якобы, Владычице, вышла Ты проводить насъ изъ Своей святой обители? О, благодаримъ Тя, Владычице, за Твое страннопріятіе, за Твою несказанную любовь, за Твое угощеніе, за Твое утѣшеніе и за Твои, Владычице, неизреченныя милости, оказанныя намъ грѣшнымъ въ Твоей святой обители. Теперь еще просимъ Тя, о Владычице, проводи насъ во-внутрь святаго Своего жребія, и покажи намъ мѣсто, гдѣ имамы спастися, и сподоби насъ, о Владычице, найдти отца духовнаго, въ иночествѣ искуснаго, и Тебѣ благоугоднаго!» Потомъ мы лобызали икону. Сія икона поставлена по такому случаю, какъ сказывали намъ въ монастырѣ: «Когда святый Савва Сербскій привезъ изъ Іерусалима чудотворную икону пресвятыя Богородицы, Троеручицу, и когда несли ее отъ моря въ монастырь: тогда она

на семъ мѣстѣ остановилась, и не могли подвигнуть съ мѣста до тѣхъ поръ, пока списали съ нея списокъ. Тогда настоящая пошла въ монастырь, а списокъ оставили на мѣстѣ семъ, гдѣ до-днесь стоитъ, и неугасаемая предъ ней лампада горитъ. Захотѣла Владычица всѣхъ приходящихъ отъ суетнаго міра встрѣчать, и во Свою обитель препровождать, и паки изъ обители во-внутрь во Святую Гору препровождать.» Потомъ мы пошли далѣе въ путь, и близъ моря заблудились, но помощію Богородицы скоро направились на дорогу.

79. Отшедши отъ Хилендаря одинъ часъ, т. е. пять верстъ, въ лѣвой рукѣ увидѣли другой монастырь, стоящій на самомъ брегу моря, между высокими горами, постройкою подобный первому, только поменьше. Мы удивлялись, что такъ близко стоятъ одинъ къ другому, и какъ велики зданія святогорскихъ монастырей. Монастырь стоитъ отъ дороги въ сторонѣ саженей пятьдесятъ. И мы, помолившись иконѣ Вознесенія Господня надъ вратами, и не заходивши въ монастырь, пошли мимо. Подлѣ дороги стояла монастырская кузница. Изъ кузницы вышелъ монахъ, остановилъ насъ, и началъ насъ по-гречески спрашивать. Мы сказали, что по-гречески не знаемъ. Онъ же вопросилъ насъ по-русски: «какого вы роду, и какъ знаете говорить?» Мы же отвѣтили, что мы роду русскаго; знаемъ по-русски, по-болгарски и по-молдавски. Онъ же сказалъ: «я и самъ русскій, но живу въ этой обители тридцать лѣтъ.» И спросилъ насъ: откуда идемъ? съ какимъ намѣреніемъ сюда пришли? гдѣ ночевали? Мы же вся яже о себѣ разсказали. Тогда онъ сказалъ намъ: « Какъ же вы раз-

рушаете Святой Аѳонской Горы обычай, что хощете нашу святую обитель пройдти мимо? Теперь уже время обѣдать, а хотя бы и не это время, то надобно подойдти ко вратамъ, положить три поклона, и взять за благословеніе хлѣба на дорогу, наипаче вамъ: потому что вы мимо нашей обители проходите въ первый разъ; вы должны зайдти въ Божій храмъ, и поклониться святымъ иконамъ, и зайдти въ трапезу покушать, что̀ намъ Царица Небесная послала. Наипаче для насъ русскихъ сія обитель достоуважаема, потому что она породила и произрастила монашествомъ всѣхъ россійскихъ монаховъ начальника, Преподобнаго отца Антонія Кіево-Печерскаго.» Мы поклонились, и сказали: «прости насъ, отче святый: мы не знаемъ здѣшнихъ обычаевъ, да еще и боимся, чтобы не отяготить кого.» Онъ же самъ повелъ насъ въ монастырь, и пришли къ вратамъ. Надъ вратами стоитъ великая и пречудная икона Вознесенія Господня, и предъ нею виситъ фонарь съ лампадою неугасаемою. Мы же, сотворивши три поклона, прошли сквозѣ двое вратъ желѣзныхъ, и вошли во-внутрь монастыря, и обозрѣли кругомъ. И здѣсь, подобно Хилендарю, вокругъ корпуса̀ келлій въ четыре и пять этажей; монастырь меньше Хилендаря, и весьма древенъ и ветхъ. Церквей четыре: соборъ посредѣ, а три въ корпусахъ; и много растетъ древъ апельсинныхъ и лимонныхъ. Взошли въ церковь: храмъ великъ и прекрасенъ, но меньше Хилендарскаго; весьма свѣтелъ, вновь выстроенъ; тогда только расписывали иконнымъ стѣннымъ писаніемъ; полъ разномраморный; и весь храмъ убранъ и украшенъ паникадилами, лампадами и подсвѣчниками, по обычаю аѳонскому. Мы же поклонив-

шись и приложившись ко святымъ иконамъ, и полюбовавшись на красоту храма, вышли. Провожатый привелъ насъ въ трапезу; трапеза расписана, но ветха и почернѣла. Столы всѣ мраморные; на нихъ уже приготовлена была пища и питіе: сей монастырь общежительный, и всѣ братія ходятъ въ трапезу; но еще не было время обѣду. И посадилъ насъ на заднемъ столѣ, и упокоилъ насъ пищею и питіемъ, общежительною трапезою, до изобилія. Потомъ мы спросили: « отче святый, какъ ваша обитель называется?» Онъ же сказалъ: « сей монастырь называется *Есфигменъ,* а по просту — *Сименъ.*» Выстроенъ съ-начала царицею Пульхеріею въ воспоминаніе Вознесенія Господня. Сія святая обитель породила монашествомъ и произрастила духовною жизнію многихъ великихъ и знаменитыхъ мужей: Михаила и Аѳанасія Аѳонскаго, и святаго Аѳанасія Патріарха Константинопольскаго. Въ сей обители жилъ и постриженъ Преп. Антоній Кіево-Печерскій. Въ сей обители былъ игуменомъ Святитель и Чудотворецъ Григорій Палама, Митрополитъ Солунскій. Изъ сея обители произошли многіе мученики и исповѣдники, которые пострадали отъ иконоборцевъ и отъ турокъ, и которымъ празднества совершаетъ токмо сія обитель (*). Мы еще спросили: «отче святый, какъ ваше имя?» Онъ же рече: «грѣшный Веніаминъ нарицаюся;» и паки рече: «Въ этой святой обители всѣмъ вашимъ молдаванамъ пристанище; много здѣсь и братій изъ молдаванъ. Въ

(*) Сія обитель породила и произрастила монашествомъ Святѣйшаго Патріарха Константинопольскаго вселенскаго Анѳима, который пребываетъ на престолѣ и по сіе время, т. е. по 1848 годъ.

сію святую обитель много пожертвовалъ вашъ молдавскій Митрополитъ Веніаминъ, и записанъ здѣсь въ ктиторы; ежели вамъ угодно, то погостите у насъ, сколько вамъ заблагоразсудится, и посмотрите на нашу общежительную жизнь; и ежели покажется, то оставайтесь и на жительство; только правило все отправляютъ на греческомъ языкѣ.» Мы же сказали: «спаси васъ Господи! мы пойдемъ къ своей русской братіи.» И благодарили за его любовь. Потомъ надавалъ намъ хлѣба мягкаго бѣлаго и сыру, хотя мы и не хотѣли брать, потому что у насъ много изъ Хилендаря. Онъ же принудилъ взять хотя не много. И потомъ показалъ намъ путь, и сказалъ: «до монастыря Ватопеду три часа ходу, т. е. пятнадцать верстъ; тамъ и ночуйте: ибо далѣе уже близко монастырей нѣтъ.» Простившись, мы пошли въ путь свой, и шли верстъ пять все на гору.

80. Когда мы взошли на горы, открылась намъ святая, славная, великая Лавра, обитель *Ватопедская,* яко градъ великъ и прекрасенъ, со множествомъ башенъ и куполовъ; но была еще далеко. Мы же шли все лѣсомъ, но не большимъ; путь все извилинами, дѣланный, вымощенъ камнемъ, но узкій, только проѣхать верхомъ; и уже недалеко вечера стали подходить къ Ватопедской Лаврѣ; и много насъ приводило во удивленіе, что она несравненно больше и прекраснѣе Хилендаря: насчитали только однихъ великихъ тринадцать башенъ; еще вокругъ его внѣ ограды много каменной постройки. Къ самому монастырю поднялись немного на гору. Около вратъ сдѣлана великая площадь, выстланная гладкимъ тесанымъ камнемъ, кругомъ обнесенная невысокою каменною огра-

дою, и кругомъ подѣланы сѣдалища, или лавки; врата всѣ расписаны иконами. Надъ вратами стоитъ великая икона Пресвятыя Богородицы отъ древнихъ временъ, въ самомъ большомъ видѣ, аки живая; всякаго поражаетъ своимъ взоромъ, и приводитъ во умиленіе; и столь явственна и свѣтла, что можно издалека видѣть, и встрѣчаетъ своими веселыми очами всякаго. Предъ нею висятъ три фонаря съ лампадами неугасаемыми, окружена кругомъ небесными силами. Мы же Царицѣ Небесной помолившись, много на нее любовались, и добротѣ писанія удивлялись; и держитъ Она во объятіяхъ Своихъ Превѣчнаго Младенца, Господа Іисуса Христа. Подошедши къ вратарю, стали мы проситься въ монастырь ночевать. Но вратарь по-болгарски и по-молдавски ничего не понимаетъ; и мы ему не могли ничего объяснить; а до вечера еще есть часа два. Онъ подумалъ, что мы святогорцы, и знаемъ всѣ аѳонскія жилища. Одежда же на насъ была святогорская: потому что въ Молдавіи, въ монастырѣ Воронѣ, все монашество носитъ аѳонское одѣяніе; вратарь потому и не позналъ, что мы странніе, а разговору нашего не понялъ. И потому онъ вынесъ намъ сыру и хлѣба, и указалъ впередъ дорогу.

81. Мы пошли, хотя и не съ охотой. Шли все на гору цѣлый часъ, и взошли въ великій темный каштановый лѣсъ, мало гдѣ открывается небо; стало уже темно, а идемъ, сами не знаемъ куда. И попался намъ навстрѣчу монахъ на конѣ верхомъ, съ провожатымъ, и остановилъ насъ, и началъ спрашивать по-гречески. Мы сказали, что по-гречески не знаемъ, а знаемъ по-болгарски. Онъ же сказалъ: «я самъ, болгаринъ.» Потомъ спросилъ насъ: «откуда путе-

шествуете?» Мы отвѣтили, что изъ Молдавіи. Онъ же паки сказалъ: «Почему же вы не ночевали въ Ватопедѣ? Теперь здѣсь на пути монастырей нѣтъ, до самой Кареи, а все темный лѣсъ; а хотя по сторонамъ и много келлій и скитовъ, но вы ихъ не найдете, ибо дорогъ здѣсь много.» Мы же сказали: «Что̀ будемъ дѣлать? Мы и просились, но вратарь насъ не принялъ.» Онъ же паки сказалъ: «Вратарь языку вашего не понялъ: онъ подумалъ, что вы здѣшніе, а здѣшній святогорецъ вездѣ можетъ ночевать; по сторонамъ вездѣ келліи и скиты. Вы воротитесь со мной въ монастырь Ватопедъ; или же идите въ скитъ Богородицы; тамъ живутъ болгары; они васъ съ любовію пріимутъ; только не знаю, попадете ли въ него: ибо уже вечеръ близко. Вы не идите большимъ путемъ, а держитесь все влѣво; а лучше воротитесь со мной; ибо мнѣ васъ жалко: вы заблудитесь.» Мы же сказали: «спаси васъ Господи, отче! но мы возвращаться не будемъ, а пойдемъ въ скитъ Богородицы.» И такъ поблагодаривши, пошли въ путь свой. И шли лѣсомъ великимъ, каштановымъ и дубовымъ, такъ что сквозѣ ихъ и въ день солнца не видать; деревья толстыя, потому что никогда не были срубаемы. И много мы удивлялись аѳонской непроходимой прекрасной пустынѣ.

82. Немного поблуждали; однако, слава̀ Богу, попали въ *скитъ Богородицы,* только уже поздно, и врата скитскіе уже были заперты. Помолившись предъ иконою Успенія Богородицы, надъ вратами стоящею, мы не стали отцевъ безпокоить; стояла внѣ ограды пустая келлія, и мы взошли въ нее, и поужинали: хлѣба, сыру и вина у насъ было довольно, дня на

три. Потомъ спали на сѣнѣ весьма спокойно. Въ самую полунощь ударили въ скиту на полунощное церковное пѣніе, а потомъ и на утреннее. Мы же весьма скорбѣли, что не сподобимся быть вкупѣ съ братіею въ церкви на пѣніи. По-утру, когда разсвѣло, мы вышли изъ келліи; увидѣвши насъ, скитскіе отцы подбѣжали къ намъ, и стали насъ спрашивать: «гдѣ вы, отцы, ночевали?» Мы сказали: «пришли поздно, уже врата заперты; мы не стали васъ безпокоить, а хлѣбъ у насъ былъ; и мы ночевали въ сей келліи спокойно.» Они же много о насъ скорбѣли и плакали, узнавши что мы странніе, и не знаемъ дорогъ. И вышелъ игуменъ самъ, и много о насъ соболѣзновалъ, и говорилъ: «Какъ вы тутъ ночевали: теперь ночи холодныя, да еще и безъ всякаго утѣшенія, и безъ упокоенія? И почему вы не постучали во врата? Мы поздно ложимся.» Потомъ взялъ насъ на гостинницу, и угостилъ самъ игуменъ, какъ лучше быть нельзя, и просилъ насъ, чтобы у нихъ погостили хотя одну седмицу, и отдохнули отъ пути. Мы же сказали, что пойдемъ въ русскій скитъ Иліи Пророка. Они же дали намъ теплаго пшеничнаго хлѣба, и показали намъ скитъ Иліи Пророка: видѣть—недалеко, а ходу цѣлый часъ, т. е. пять верстъ. И показали намъ путь, и мы пошли все темнымъ лѣсомъ.

83. Потомъ пришли въ *скитъ Иліи Пророка*, но уже Литургіи не застали. Вратарь принялъ насъ съ любовію, и только взошли во-внутрь, встрѣтилъ насъ самъ Архимандритъ, отецъ Акакій. И спросилъ насъ: «откуда пришли, и какого роду?» Мы сказали. Онъ же, узнавши, что мы изъ Молдавіи и русскіе, весьма обрадовался, потому что онъ самъ нѣсколько лѣтъ

проживалъ въ Молдавіи въ Нямецкомъ монастырѣ; и привелъ насъ на гостинницу, и самъ насъ угощалъ, и любезно съ нами разговаривалъ, и разспрашивалъ о молдавскихъ отцахъ, и потомъ приказалъ гостиннику покоить насъ цѣлую седмицу, пока распорядимся дѣлами. Гостинникъ и братія—малороссіане, весьма страннолюбивые и привѣтливые, всѣ любезно съ нами разговаривали, какъ родные и сродники, и мы ихъ разспрашивали объ аѳонскихъ обстоятельствахъ, о иноческой жизни, о русскихъ великихъ старцахъ и о русскихъ духовникахъ.

84. Они намъ разсказывали слѣдующее: «Здѣсь во святой Горѣ русской братіи довольно: болѣе пятидесяти великороссіанъ, и болѣе ста малороссіанъ, а болгаровъ и сербовъ болѣе тысячи, а всей братіи во Аѳонѣ болѣе пяти тысячъ. Великихъ старцевъ довольно, болѣе изъ грековъ и болгаровъ; есть и изъ русскихъ, но немного. Духовниковъ русскихъ довольно. Но русскіе здѣсь не имѣютъ настоящаго пристанища, а живутъ больше по келліямъ и по колибамъ, и въ пустыняхъ. Мы малороссіане, по крайней мѣрѣ, имѣемъ сей скитъ, а великороссіане и того не имѣютъ.» Мы спросили: «изъ русскихъ духовниковъ есть ли такой, чтобы былъ очень высокой жизни?» Они сказали: «что всѣ не плохой жизни, но нѣкоторые есть и получше: а впрочемъ, Богъ ихъ знаетъ, который изъ нихъ лучше.» И такъ всѣ разошлись. Гостинникъ предложилъ намъ трапезу изобильную, затворилъ двери, и самъ съ нами сѣлъ, и началъ намъ разсказывать безпристрастно со слезами, какъ разрушили любовь между собою малороссіане (гуцолы) съ великороссіанами, и сдѣлали болгарамъ и грекамъ смѣхъ,

а діаволу радость, духовнымъ же великимъ старцамъ неутѣшный плачъ. Прежде жили всѣ вмѣстѣ, малороссіане и великороссіане, въ этомъ скиту общежительно, въ любви и согласіи; но врагъ діаволъ позавидовалъ, и вооружилъ однихъ на другихъ, и востали наши малороссіане на великороссіанъ. Но какъ нашихъ больше, то и изгнали изъ скиту бѣдныхъ великороссіанъ. Однако, хотя ихъ было и меньше, но игуменъ ихъ, отецъ Павелъ, и теперь бѣдный живетъ съ братіей на квартирѣ, на Кареѣ, и много я о нихъ соболѣзную.

85. А что вы спрашивали братію о духовникахъ, то я вамъ скажу, какъ предъ Богомъ, что есть изъ великороссіанъ одинъ духовникъ іеросхимонахъ *Арсеній*, великій и удивительный старецъ, уважаемый отъ всѣхъ грековъ и болгаровъ. Онъ живетъ въ Св. Горѣ болѣе двадцати лѣтъ съ однимъ ученикомъ. А живетъ въ глубочайшей пустынѣ, не имѣющій никакого утѣшенія, подъ Иверскимъ монастыремъ, на келліи св. Іоанна Златоустаго. Уже воистинну сказать, что старецъ: есть чего послушать; уже кто его послушаетъ, не ошибется. Онъ всѣмъ великороссіанамъ духовникъ, и многимъ малороссіанамъ и болгарамъ, а наипаче всѣмъ іеромонахамъ и духовникамъ духовникъ. Братія наши потому вамъ не сказали о немъ, что имѣютъ на великороссіанъ неудовольствіе. А спросите всѣхъ болгаровъ и грековъ: всѣ скажутъ такъ, какъ я говорю.» Мы благодарили за его бесѣду. Ибо мы за тѣмъ и пришли во св. Гору Аѳонскую, чтобы найдти такого великаго старца, который бы управить могъ насъ по незаблудному пути въ вѣчное блаженство. И весьма мы сего гостинника, монаха Акакія, полю-

били за то, что онъ все намъ разсказалъ безпристрастно (*). Мы же пообѣдавши, спочили весьма спокойно; потому что уже не имѣли заботы еще куда путешествовать: достигнули тихаго своего пристанища.

86. Потомъ къ вечернѣ заблаговѣстили прежде по-россійски въ колоколъ, а потомъ по-святогорски, заколотили въ доску. Мы пошли въ церковь, и отстояли вечерню. Вечерню правили по чину святогорскому, но нѣчто и по-русски; читали по-славянски; пѣли напѣвомъ кіевскимъ; все правили кротко и чинно и не борзясь. Храмъ не великъ, но и не малъ, порядочный, и весьма свѣтелъ и прекрасенъ, съ куполомъ, но не такой, какъ у грековъ и у болгаровъ: не убранъ и не украшенъ, и не только что не расписанъ, но и не оштукатуренъ; иконостасъ порядочный, работанъ въ Россіи, но не рѣзбенный и не вызлащенный. Полъ прекрасный, разномраморный. Иконъ весьма довольно, и всѣ греческой работы. Въ храмѣ стѣны обставлены монашескими мѣстами. Колокола порядочные, почти что больше во всей Св. Горѣ нѣтъ. Въ скиту церквей три. Соборъ, во имя

(*) Сей отецъ Акакій послѣ былъ рукоположенъ во іеродіакона, потомъ, чрезъ частыя, въ скиту бываемыя, смущенія, вышелъ изъ скиту, и поступилъ въ ученики къ пустынножителю и къ духовнику іеросхимонаху Арсенію, и постригся отъ него въ великую схиму, и переименованъ Александромъ, и прожилъ съ духовникомъ шесть лѣтъ во единой келліи, и потомъ въ 1846 году, марта 24 числа, препроводилъ своего пастыря на вѣчную жизнь, и похоронилъ его многотрудное тѣло, и остался съ прочіей братіей наслѣдникомъ его имущества, духовнаго и тѣлеснаго.

св. Пророка Иліи, стоитъ посреди скита; а двѣ въ корпусахъ: во имя Благовѣщенія Богородицы, и во имя св. Митрофана Воронежскаго. Три страны обнесены корпусами келлій: двѣ двухъэтажными, а четвертая страна оградою (но уже это выстроено послѣ сего игуменомъ Паисіемъ, болгариномъ). Вечеромъ паки упокоили насъ трапезою. Въ самую полночь заблаговѣстили на полунощницу. Утреню правили по обычаю русскому и святогорскому, кротко, не борзясь. Каноны не пѣли, но читали съ пророческими пѣсньми; кажденіе было по-аѳонски, подобно какъ въ Хилендарѣ; и было два чтенія. Клобуки снимаютъ безъ камилавокъ по-святогорски, а камилавокъ не снимаютъ. Послѣ утрени не много уснули. Тотъ день былъ суббота. На разсвѣтѣ началась Литургія, и все правили по обычаю аѳонскому. По Литургіи насъ угостили. И потомъ стали мы просить, чтобы проводили насъ на Карею, на аѳонскій базаръ. Они же насъ уговаривали не ходить, но съ пути отдохнуть. Но мы сказали, что мы, слава Богу, отдохнули, и намъ желательно посмотрѣть аѳонскихъ отцевъ и русскую братію. И дали намъ проводника; и шли мы больше лѣсомъ; въ лѣвой рукѣ близу моря оставался монастырь *Пантократоръ*. И версты двѣ шли путемъ малымъ, но весьма великимъ лѣсомъ; а потомъ вышли на большую пантократорскую дорогу, и шли на гору по дѣланному пути, выстланному камнемъ. И когда поднялись на гору, остался въ сторонѣ, въ лѣвой рукѣ, монастырь *Ставроникита*.

87. Потомъ открылся намъ весь Аѳонъ до самой почти подошвы, и вся Св. Гора, по восточной странѣ усѣянная скитами и келліями, садами и кипарисами,

и темными зелеными лѣсами, горами и удоліями, яко рай Божій насажденный. Кареи же не было еще видно, потому что она немного въ лощинѣ. Потомъ сошли въ долину, и перешли рѣку по каменному мосту; и паки пошли на гору. И когда взошли повыше, въ лѣвой рукѣ открылась великая долина до самаго моря, усѣянная частыми и большими келліями и садами, и ниже всѣхъ, между горъ, къ самому морю, стоитъ славный и великій царскій монастырь *Иверъ*, въ которомъ стоитъ во вратахъ чудотворная Иверская икона Пресвятыя Богородицы, Вратница Аѳонская. Въ правой рукѣ открылась долина и гора *Капсалъ*, усѣянная частыми келліями и колибами, и кипарисами, подобно граду. Сія св. гора Капсалъ всѣмъ бѣднымъ и неимущимъ русскимъ и молдаванамъ пристанище и прибѣжище: она всѣхъ прикрываетъ неимущихъ и немощныхъ отъ темныхъ ночей и отъ дождей, и согрѣваетъ отъ холодныхъ зимъ. Мы шли съ радостію и веселіемъ душевнымъ. Куда ни обратимъ свои очи, всюду видимъ иноческія населенія, яко прекрасные грады; чѣмъ выше поднимаемся, тѣмъ больше открывается; и всюду открылись келліи, всѣ каменныя, подобны господскимъ домамъ, двухъ и трехъэтажныя, раскрашенныя, съ куполами и со крестами, окруженныя виноградными и разными садами и кипарисами.

88. Была и другая намъ радость: окружили насъ св. отцы, аѳонскіе жители, — уже цѣлая толпа, съ своими большими, за плечьми, торбами. Какъ въ мірѣ, когда бываетъ въ градѣ торгъ, изъ деревень ѣдутъ каждый съ своимъ издѣліемъ, и выѣзжаютъ на большую дорогу, и собираются ко граду обозами: такъ и

отцы аѳонскіе на большую дорогу вылѣзаютъ съ обѣихъ сторонъ изъ лѣсовъ и изъ долинъ, изъ своихъ пустынныхъ келлій и колибъ, каждый со своимъ рукодѣліемъ, не на конякъ, а пѣшіе, во имя Господне, обувенные въ сандаліи, въ однихъ подрясникахъ, подпоясаны ремнями, въ однихъ камилавкахъ, безъ клобуковъ; за плечьми у каждаго большая волосяная торба, наполненная рукодѣліемъ; а въ рукахъ, въ одной жезлъ, въ другой четки, а въ устахъ молитва Іисусова. И мы, въ такой радости, не видали, какъ взошли на гору: въ разговорахъ и въ странномъ видѣніи скоро прошло время.

89. Потомъ открылась намъ аѳонская столица *Карея,* яко градъ великъ, со многими куполами и крестами и со множествомъ келлій. Когда стали подходить близко, отцы остановились, и каждый скинулъ съ плечъ торбу, и надѣли на себя рясы и клобуки, а схимники надѣли схимы; потомъ пошли. При самомъ входѣ стоитъ большой крестъ, и ему всѣ мимоходящіе дѣлали по три поклона. Когда вошли на торжище,—увидѣли, что множество монаховъ толпится по базару: продаютъ монахи, и покупаютъ монахи, и цѣлые ряды съ рукодѣліемъ сидятъ монаховъ: овые съ ложечками, овые съ крестами, овые съ картинами, овые съ четками, а овые слѣпые и убогіе просятъ милостыню; и въ лавкахъ сидятъ разные мастера, все больше монахи; красноряды и бакалейщики, хотя и мірскіе, но сами и приказчики одежду носятъ монашескую, волосъ не стригутъ, носятъ рясы и послушническія скуфьи. Здѣсь удивительное зрѣлище, здѣсь великое ополченіе Царицы Небесной! Здѣсь есть на что посмотрѣть, и есть чему подивиться:

пришли отъ четырехъ странъ св. Горы Аѳонскія, каждый по своей потребѣ, кто продать, а кто купить, а овые другъ друга повидать. Овые — престарѣлые, съ длинными бородами, украшенные сѣдинами, овые — въ среднихъ лѣтахъ, а овые весьма младые: сіи отъ юности взяли нести иго иноческаго житія. Всѣ смиренны, всѣ кротки, всѣ главы имѣютъ наклоненныя, всѣ со смиреніемъ единъ другому покланяются, и единъ отъ другаго благословляются. Въ одеждѣ же всѣ въ разной: изъ великихъ монастырей и изъ лавръ въ одеждѣ доброй и тонкой; изъ общежительныхъ монастырей въ одеждѣ доброй, но грубой и смиренной; изъ келлій въ одеждѣ средней; изъ скитовъ и изъ пустынь въ одеждѣ ветхой и многошвенной; и всѣ разговариваютъ кротко, о духовныхъ и о мірскихъ дѣлахъ, на разныхъ языкахъ, каждый съ своими единоземцами. Многіе, узнавши, что мы русскіе, одного съ ними племени и языку, обступили насъ, цѣлая толпа, и всѣ съ нами любезно разговаривали, и разспрашивали, гдѣ мы на первый случай пристали? Мы же сказали, что въ скиту Иліи Пророка. Они же каждый приглашалъ къ себѣ на первый случай погостить и отдохнуть. Мы много удивлялись ихъ страннолюбію и простосердечію, и благодарили за ихъ ласковое привѣтствіе. Потомъ водили насъ въ соборную карейскую церковь. И мы поклонились и приложились къ чудотворной иконѣ Пресвятыя Богородицы, нарицаемой «*Достойно есть*». Къ вечеру паки возвратились въ скитъ. Вечерня была великая; на всѣхъ ектеніяхъ поминали Благочестивѣйшаго Россійскаго Царя Николая Павловича; такожде и на Литургіи, на великомъ входѣ и на ектеніяхъ. Послѣ

вечерни были за общей трапезой съ братіей. День тогда былъ суббота.

90. Ночевать въ скитъ много пришло великороссійской братіи, которые видѣли насъ на Кареѣ, и всю нощь любезно съ нами разговаривали, и жаловались на малороссіанъ, что «весьма много отъ нихъ претерпѣваютъ гоненія и поношенія, потому что ихъ много, и знаютъ многіе греческій языкъ; а русскихъ мало, да и мало знающихъ хорошо греческій языкъ; да еще и отъ зависти: потому что хотя нашихъ великороссіанъ и не много, но есть великіе старцы, а наипаче всѣхъ есть у насъ духовникъ, который не только насъ русскихъ наставляетъ, утѣшаетъ и просвѣщаетъ своею жизнію, но и болгаровъ и сербовъ. И греки весьма его уважаютъ и почитаютъ, потому что и изъ нихъ не много такихъ старцевъ. И греки и болгары весьма насъ любятъ,—спаси ихъ Господи! И много насъ защищаютъ отъ малороссіанъ. Малороссіане много на насъ клевещутъ, якобы мы въ Великой Россіи всѣ раскольники. Но хотя въ Великой Россіи и есть изъ нашего роду раскольники, но не всѣ, а больше православные христіане. А здѣсь во Св. Горѣ Аѳонской всѣ мы православные христіане и чада Св. Восточной Христовой Церкви. Мы сами не попустимъ быть между нами раскольнику, нижѐ кому двумя перстами креститися, хотябы былъ и православный; потому что греки и болгары почитаютъ за великую ересь, и гнушаются какъ еретиками, еслибы кто, хотя и православный, двумя перстами крестился: не будутъ его ни исповѣдывать, ни причащать Св. Тайнами; да мы и сами раскольниковъ гнушаемся. А малороссіане упрекаютъ насъ

напрасно; по какой-то природной злобѣ поносятъ насъ ни за что. Впрочемъ они не всѣ такіе; есть и изъ нихъ рабы Божіи, которые весьма о насъ сожалѣютъ. И есть о чемъ. Всѣ роды имѣютъ себѣ пристанище во св. Горѣ Аѳонской, монастыри и скиты; только одни наши бѣдные великороссіане не имѣютъ себѣ вѣрнаго пристанища. Прежде хотя небольшое прибѣжище имѣли здѣсь въ скиту; но и отсюда малороссіане выгнали. Хотѣли выгнать и изъ св. Горы Аѳонской; но сама Владычица Царица Небесная насъ защитила. Что̀ будемъ дѣлать? Только и надежды имѣемъ на нашу Владычицу: Она намъ заступница и помощница, и въ скорбяхъ нашихъ утѣшительница; а изъ человѣковъ некому насъ здѣсь заступить на чужой странѣ. Мы оставили благоденственное житіе въ своемъ отечествѣ, въ благословенной Россіи, подъ покровительствомъ нашего Благочестивѣйшаго Монарха: тамъ наши братія монашествующіе наслаждаются спокойствіемъ; а мы оставили то спокойствіе Бога ради, и удалились въ сію далечайшую страну, въ сію св. Аѳонскую Гору, и претерпѣваемъ здѣсь всякія скорби и напасти отъ діавола и отъ человѣкъ. И только надѣемся получить отраду и утѣшеніе въ будущемъ безконечномъ вѣкѣ; только и просимъ Царицу Небесную, чтобы не выгнала насъ изъ св. Горы Аѳонской; только того и боимся.

91. Еще благодаримъ Господа Бога, что имѣемъ мы здѣсь такой твердый столпъ, что есть за что держаться. Имѣемъ мы духовнаго отца и наставника, который насъ поддерживаетъ и утѣшаетъ въ скорбяхъ нашихъ, и не велитъ намъ ни о чемъ скорбѣть и унывать, и говоритъ: « Выгнать насъ изъ Св.

Горы никто не можетъ, потому что насъ Царица Небесная лучше всѣхъ родовъ любитъ во св. Горѣ Аѳонской, потому что мы изъ самой далекой страны пришли, оставили свое благоденственное отечество, славную и богатую нашу Россію и богатые и спокойственные россійскіе монастыри. Оставили своего отца и покровителя, Благочестивѣйшаго и Христолюбиваго Россійскаго Императора, и пришли подъ тяжкое иго турецкое въ далечайшую сію страну, и платимъ туркамъ великую дань, да еще и терпимъ гоненіе отъ своей братіи. Но радуйтеся и веселитеся! Мы сіе терпимъ не за что другое, а только за любовь Христову, и не въ мірѣ суетномъ и не во градѣ многомятежномъ, но въ тихомъ и небурномъ семъ пристанищѣ, во св. Горѣ Аѳонской, въ жребіи Божія Матери. За это наше терпѣніе скоро насъ Царица Небесная утѣшитъ, и наградитъ такимъ мѣстомъ, что вся Св. Гора удивится: иные будутъ и завидовать, а другіе будутъ радоваться и прославлять Бога; только потерпите еще немного.» И теперь не знаемъ, что будетъ! И ожидаемъ сбытія сего пророчества, — не будетъ ли какой перемѣны?» Мы ихъ спросили: «стало быть, этотъ духовникъ очень высокой жизни, что вы такъ его одобряете?» Они отвѣчали: «Какъ не высокой жизни? — Живетъ во св. Горѣ Аѳонской болѣе двадцати лѣтъ, въ совершенномъ нестяжаніи, въ глубочайшей пустынѣ, не имѣющій никакого тѣлеснаго утѣшенія: пищу употребляетъ самую постную, не вкушаетъ ни рыбы, ни сыру, ни масла, а спитъ весьма мало, развѣ одинъ часъ въ сутки, и то сидя. Любовь же имѣетъ неограниченную, и столько милостивъ, что часто и книги свои отдаетъ на какую

кому нужную потребу. Онъ насъ и держитъ во св. Горѣ Аѳонской; а ежели бы не онъ, то отъ великихъ скорбей половина бы ушли паки въ Россію, но онъ никому не даетъ благословенія; а кто что̀ безъ благословенія его сдѣлаетъ, или куда пойдетъ, то всѣ страдаютъ и пропадаютъ.»

92. Мы паки спросили ихъ: «есть ли во св. Горѣ Аѳонской другіе такіе духовники или старцы, изъ русскихъ или изъ болгаровъ, или изъ грековъ?» Они отвѣчали: «Изъ русскихъ и изъ малороссіанъ другаго такого нѣтъ; а изъ болгаровъ былъ одинъ духовникъ, іеросхимонахъ отецъ Григорій, но уже другой мѣсяцъ скончался. Пятьдесятъ лѣтъ былъ въ Аѳонѣ духовникомъ, и имѣлъ даръ прозорливства такой, что ежели кто у него исповѣдывался, то онъ не спрашивалъ, а самъ, яже отъ юности содѣянная всякаго человѣка, сказывалъ, и своими слезами грѣхи исповѣдниковы омывалъ, и легкія епитиміи налагалъ, и впредь идущая предсказывалъ. Многіе Патріархи и Архіереи на-духъ къ нему приходили. Великъ былъ старецъ, да отшелъ отъ насъ въ вѣчность ко Господу. А изъ грековъ хотя и есть такіе великіе старцы; но мы языку ихъ не знаемъ, и не можемъ отъ нихъ пользоваться; только развѣ на нихъ посмотримъ.»

93. Мы спросили: «а гдѣ русскій духовникъ живетъ, и какое имя ему?» Они отвѣчали: «Имя ему *Арсеній,* а ученику его *Николай.* А живутъ они подъ Иверскимъ монастыремъ, на келліи св. Іоанна Златоустаго, отъ монастыря Ивера одинъ часъ ходу, все на гору, въ дикой пустынѣ. Кто не бывалъ у нихъ, тому трудно ихъ и найдти.» Мы сказали: «мы за тѣмъ и пришли во св. Гору Аѳонскую, чтобы найдти

таковаго великаго старца и наставника, и препоручить ему свои души и тѣлеса, и по его благословенію и наставленію препровождать жизнь свою.» Они же сказали намъ: «благое ваше намѣреніе; лучше и искуснѣе этого старца вы не найдете во всей св. Аѳонской Горѣ: всѣ единогласно вамъ скажутъ о немъ, русскіе и малороссіане, болгары и греки и молдаваны; и у всѣхъ велико имя старца Арсенія.» И такъ мы препроводили всю нощь до самой утрени въ духовныхъ бесѣдахъ; и мы собесѣдниковъ нашихъ возлюбили, аки самыхъ ближайшихъ родственниковъ или друзей, за ихъ любовь и страннолюбіе, и за ихъ монашескую простоту и добросердечіе. И возгорѣлось мое сердце любовію къ духовнику Арсенію.

94. Когда заблаговѣстили къ утрени: мы пошли въ церковь, и наши великороссіане стали по клиросамъ, и составили прекрасные хоры; и была утреня весьма торжественная, и читали три поученія въ толковомъ недѣльномъ Евангеліи, и въ толковомъ Апостолѣ и въ Прологѣ. Напѣвомъ пѣли россійскихъ пустыней Софроніевой и Глинской. Продолжалась утреня пять часовъ, чѣмъ мы были весьма утѣшены. Послѣ утрени мало опочили, а потомъ пошли къ Литургіи. Литургія такожде была торжественная, и поминали всю Россійскую Царскую Фамилію. По Литургіи всѣмъ была общая трапеза. По трапезѣ взялъ насъ одинъ іеромонахъ къ себѣ на келлію въ гости, отъ скита полчаса ходу, на *Капсальскую Гору*, на *келлію св. Апостолъ*, и пришедши насъ угостилъ. А потомъ намъ предложилъ: «теперь, братія моя, какъ вамъ угодно: хотите, — приставайте ко мнѣ въ общее: а ежели

не угодно, то живите на своемъ содержанiи до времени, пока изберете себѣ мѣсто; возьмите любую комнату, и живите хоть навсегда; за это съ васъ ничего не возьму, но еще буду вамъ радъ: будете мнѣ пособлять правило читать: ибо вотъ имѣю свою церковь и шесть комнатъ, а живу одинъ.» Мы же сказали: «Мы въ общее пристать не можемъ, пока не обрѣтемъ себѣ духовника, и не получимъ отъ него благословенiя. А ежели — на квартиру, то можно до времени, и просимъ не оставить.» Онъ далъ намъ комнату, и мы пошли въ скитъ за своими сумками. Въ скиту игуменъ насъ уговаривалъ погостить хотя одну седмицу; но мы поблагодарили, и пошли на свою келлiю. Три дня насъ покоилъ iеромонахъ Сергiй пищею. Потомъ на оставшiяся отъ пути деньги мы купили себѣ сухарей, капусты и масла; и стали жить, да Божiю Матерь благодарить. Iеромонахъ Сергiй часто ходилъ на чужiя келлiи служить Литургiи, и насъ съ собой бралъ, и отъ того мы со многими познакомились, и мало когда хлѣбъ свой ѣли.

95. Мы всѣхъ спрашивали о духовникахъ; и всѣ единымы устами одобряли духовника Арсенiя, русскiе и болгары. И я больше не могъ терпѣть, чтобы не сходить къ такому великому старцу, и вознамѣрился его посѣтить безъ всякаго отлагательства. Хотя меня и уговаривали еще подождать, и обѣщались сами проводить, и говорили, что безъ провожатаго никакъ не возможно пройдти аѳонскихъ горъ и лѣсовъ, чтобы не заблудиться, и не найдешь не только духовника, но даже и Иверскаго монастыря; но я имъ сказалъ: «сколько времени прошло, а мы не были у такого великаго старца, и все отлагаемъ день за день,

и живемъ уже больше недѣли, не получивши отъ него благословенія.» Потомъ, разспросивши путь до Иверскаго монастыря, и помолившись Господу Богу, пошелъ къ духовнику, и шелъ до Ивера все лѣсомъ и маленькою тропинкою, все по долинѣ и подъ гору. Потомъ, недалеко отъ монастыря, вышелъ на большую дорогу: Божіею помощію не заблудился, и уже шелъ между садовъ и масличныхъ древъ.

96. Потомъ пришелъ къ *Иверской* славной *Лаврѣ*, къ великой царской обители, къ самой Вратницѣ Горы Аѳонскія. Монастырь *Иверъ* подобенъ Ватопеду, только развѣ немного поменьше: четырехъугольный, ограды нѣтъ, но вокругъ четырехъэтажные корпуса̀ келлій, и много куполовъ съ крестами и башенъ. Возлѣ вратъ сдѣлана великая площадь, выстланная гладкимъ камнемъ, и подѣланы кругомъ сѣдалища; и два фонтана воды. Надъ вратами стоитъ великая икона Пресвятыя Богородицы, Иверская, вратница Аѳонская, подлинный списокъ съ чудотворной иконы. Я положилъ три поклона; подвратарь же спросилъ меня по-болгарски: «куда иду?» Я ему сказалъ, что иду къ духовнику Арсенію. Онъ вынесъ три хлѣба, далъ мнѣ, и сказалъ: «одинъ тебѣ, а два отцу духовнику», и показалъ мнѣ дорогу, на высокую гору, и келлію на горѣ стоящую. Я шелъ съ великимъ трудомъ: дорогъ стало много, и не зналъ, по которой идти; всѣ пошли въ разныя стороны. Но я всѣ оставилъ, и пошелъ прямо безъ дороги на ту самую гору, гдѣ духовникова келлія. И шелъ великимъ и частымъ лѣсомъ, и съ великимъ трудомъ пролѣзалъ сквозь кустовъ; было весьма круто, и съ трудомъ я могъ взлѣзать: держался ру-

ками за древа, и такъ всходилъ два часа; однако, съ помощію Божіею угодилъ прямо къ духовниковой келліи, и мало спочилъ. Потомъ пошелъ къ дверямъ келліи, одержимъ страхомъ и радостію: радовался о томъ, что обрѣлъ искомаго; ужасался о томъ, какъ подойду къ такому великому старцу, предъ которымъ вся Гора Аѳонская благоговѣетъ.

97. Подошедши къ дверямъ, сотворилъ молитву; духовникъ, сказавши «аминь», вышелъ. Я упалъ къ ногамъ его. Онъ благословилъ меня; и я облобызалъ десницу его. Потомъ онъ спросилъ: «что̀, любезный, желаешь отъ меня?» Я отвѣчалъ: «желаю, отче святый, имѣть съ вами бесѣду.» Онъ же ввелъ меня въ келлію свою, и приказалъ сѣсть, и началъ вопрошать: «знать, брате, недавно пришелъ во Святую Гору, что я тебя прежде никогда не видалъ?» Я отвѣчалъ: «на сихъ дняхъ только пришли, отче святый.» Онъ паки вопросилъ: «отъ какія страны пришли?» Я отвѣчалъ: «изъ молдавскія земли, отче.» Онъ паки: «какимъ путемъ пришли: по морю, или по суху?» Я отвѣчалъ: «сухимъ путемъ, отче.» Онъ паки: «съ какимъ намѣреніемъ пришли во святую Гору Аѳонскую,—поклониться только, или на жительство?» Я отвѣчалъ: «аще угодно будетъ Богу и Божіей Матери, я пришелъ препроводить здѣсь остальную жизнь свою, и скончать животъ свой.» Онъ же сказалъ: «Благое твое намѣреніе; только — аще по волѣ Божіей будетъ. Какую желаешь жизнь себѣ здѣсь избрать: монастырскую, или общежительную, или скитскую, или келейную, или пустынную?» Я отвѣчалъ: «Не знаю, отче святый, какъ будетъ угодно Господу Богу и Божіей Матери, и отцу моему духовному. Я при-

шелъ во святую Гору Аөонскую мѣсто избирать не по своей волѣ, но пришелъ найдти себѣ старца и руководителя отца духовнаго, и препоручить ему свою душу и тѣло, и гдѣ онъ благословитъ, тамъ и жить буду. Съ тѣмъ меня послали и отцы молдавскіе, чтобы по своей волѣ не жить.»

98. «И просилъ я Господа Бога моего и Его Матерь, Пречистую Дѣву Марію, нашу Владычицу Богородицу: да сподобятъ мнѣ обрѣсти старца и отца духовнаго. И Господь мой Іисусъ Христосъ и Его Пречистая Матерь услышали мою молитву, и сподобили меня обрѣсти вашу святыню; и теперь избираю васъ себѣ за старца и отца духовнаго, и препоручаю вамъ свою душу и тѣло, и вы будьте мнѣ старецъ и отецъ духовный, наставникъ и руководитель къ вѣчному блаженству. И отдаю всю свою волю на ваше разсужденіе и распоряженіе, даже до самой моей смерти. И гдѣ вы меня благословите жить, тамъ и буду; аще вамъ угодно, то да не изъиду изъ келліи вашей, но всегда съ вами пребуду, и послужу вашей старости.» Онъ же сказалъ: «Велико обѣщаніе творишь: но аще его до конца исполнишь, то благо тебѣ будетъ. Только надобно много тебѣ приготовиться къ терпѣнію, потому что много надобно претерпѣть и перенесть скорбей и искушеній. Мое распоряженіе будетъ не по твоему хотѣнію и желанію, ниже по моему человѣческому, но по Божіей волѣ. А Господь Богъ не хощетъ, чтобы мы рабы Его были въ спокойствіи тѣлесномъ или во утѣшеніи плотскомъ, но проводитъ вѣрныхъ Своихъ рабовъ узкимъ и тѣснымъ и прискорбнымъ путемъ, многими скорбми и напастьми, тѣмъ путемъ, которымъ Онъ

самъ, Творецъ и Создатель нашъ, прошелъ, и намъ образъ Собою показалъ. Онъ Самъ, бывши во плоти, претерпѣлъ гоненіе, хуленіе и поруганіе, мученіе и заплеваніе, и послѣ понесъ крестъ Свой, и на немъ распятъ. И во всемъ показавъ намъ примѣръ, сказалъ и намъ Своимъ ученикамъ: *аще кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и послѣдуетъ Ми.* Лук. 9, 23. Вотъ, возлюбленный брате, каковъ Христовъ путь! Онъ въ мірѣ семъ весьма прискорбенъ; но хотя и прискорбенъ, но приводитъ въ вѣчное блаженство: узкій и прискорбный путь вводитъ въ жизнь вѣчную, а широкій и пространный путь вводитъ въ пагубу. И азъ поведу тебя путемъ узкимъ и прискорбнымъ, по волѣ Божіей, хотя онъ тебѣ покажется жестокъ и несносенъ. Захочешь ли по нему до конца идти? Не великое дѣло — положить начало; но то велико, кто до конца начатое доведетъ. Мое распоряженіе будетъ тебѣ трудное и тяжкое, и аще не восхощешь его исполнить, получишь сугубое наказаніе, потому что узнавши волю Божію, не совершишь. Кто не знаетъ, и не сотворитъ, тотъ наказанъ бываетъ, но меньше. Ты пришелъ въ святую Гору Аѳонскую съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы здѣсь препроводить жизнь свою, и скончать животъ свой; а можетъ, воля Божія будетъ такая, что надобно будетъ тебя послать туда, куда ты не помышляешь, а тебѣ покажется невмѣстительно, и не захощешь того исполнить; потому, сначала лучше не обѣщайся, а сыщи себѣ другаго старца и духовника: много есть во Святой Горѣ старцевъ и духовниковъ, и кромѣ меня много живетъ отцевъ, и спасаются.» Но я упалъ къ ногамъ его, и со слезами

началъ ему говорить: «отче святый, не отгони меня грѣшнаго отъ себя, но пріими меня, яко блуднаго сына, и буди мнѣ во отца и старца, и послушаю тебя во всемъ даже до смерти, и вся повелѣваемая тобою буду исполнять съ любовію.» Онъ же спросилъ меня: «кто тебѣ обо мнѣ сказалъ, что ты такъ ко мнѣ расположился?» Я отвѣтилъ: «Во-первыхъ, я просилъ Божію Матерь, да наставитъ и поможетъ мнѣ обрѣсти старца и отца духовнаго, во иноческомъ житіи искуснаго, которому бы могъ препоручить свою душу и тѣло. Во-вторыхъ, вопрошалъ всю русскую братію, и всѣ единогласно указали на твою святыню.» Онъ паки вопросилъ: «кто тебя ко мнѣ привелъ, и какъ ты ко мнѣ нашелъ дорогу?» Я отвѣчалъ: «Никто, отче святый, не приводилъ меня; я самъ пришелъ къ вамъ, и Божія Матерь направила меня на путь. Иверскій вратарь показалъ мнѣ вашу келлію, но я не дорогой шелъ, а прямо на гору лѣсомъ пролѣзалъ съ великимъ трудомъ, какъ заблуждшая овца, не имущи добраго пастыря: и, слава Богу, обрѣтохъ желаемое.» Онъ же паки вопросилъ: «а гдѣ теперь на первый случай присталъ? и имѣешь ли хлѣбъ? и есть ли у тебя деньги? и знаешь ли какое рукодѣліе?» Я отвѣщалъ: «теперь живемъ на Капсалѣ, на келліи святыхъ Апостолъ у отца Сергія; купили себѣ сухарей и капусты и масла, и деньги всѣ потратили; а рукодѣлія никакого не знаю, товарищъ же мой иконописецъ.» Онъ же рече: «Товарищъ твой пусть какъ знаетъ, а ты никуда не ходи, хотя и многіе тебя будутъ звать къ себѣ жить; а только знакомься съ братіей, и когда позовутъ въ гости, иди; а когда дома, ѣшь свои сухари; а когда

что нужно, приходи ко мнѣ, и я тебѣ дамъ. Эту седмицу пока не говѣй, а говѣй уже послѣ праздника Введенія Богородицы, и тогда пріиди ко мнѣ, и исповѣдаешься и причастишься Святыхъ Таинъ, и тогда назначу тебѣ мѣсто, гдѣ будешь проживать, и получишь благословеніе на такую жизнь, какой отъ юности желала душа твоя.

99. Еще скажу тебѣ: вашъ приходъ во святую Гору Аѳонскую весьма счастливъ для русскихъ. Даетъ Божія Матерь нашимъ великороссіанамъ доброе и крѣпкое мѣсто, чему многіе будутъ завидовать, а другіе будутъ радоваться.» Я вопросилъ: «а гдѣ, отче святый, русскимъ готовится мѣсто?» Онъ же рече: «нечего сказывать: самъ скоро узнаешь.» Потомъ представилъ трапезу, и пригласилъ своего ученика, схимонаха Николая. Сей пришедши поклонился духовнику и мнѣ до самой земли. Я, смотря на него, стоялъ и умилялся: ибо весьма смиренъ и кротокъ, и весьма сухъ; очи наполнены слезъ; слово кроткое и тихое. Потомъ всѣ трое вкупѣ помолившись сѣли за трапезу; поставлены были яства: сухари моченые, вода и квашеный стручковый перецъ. Мнѣ же, яко гостю, поставили соленыхъ маслинъ и пять смоквинъ; сами же ничтоже вкусиша, кромѣ сухарей и перцу. Я взялъ изъ торбы данные мнѣ въ Иверѣ три хлѣба, и предложилъ на трапезу, и сказалъ, что сіи хлѣбы даны въ Иверскомъ монастырѣ, одинъ мнѣ, а два вамъ. Духовникъ же мнѣ сказалъ: «возьми ихъ себѣ домой.» И я паки положилъ ихъ въ торбу. О, сколь для меня сладостна была та трапеза тѣмъ, что сподобился я окаянный и грѣшный

сидѣть вмѣстѣ и трапезовать съ такими великими старцами, славными по всей св. Горѣ Аѳонской, или лучше сказать, съ земными ангелами и съ небесными человѣками!

100. По трапезѣ духовникъ благословилъ меня въ путь, проводилъ за ограду, и показалъ мнѣ дорогу. Келлія духовника стоитъ на горѣ, на возвышеніи, на открытомъ мѣстѣ, откуда видна почти вся восточная страна св. Горы: на югъ до самаго Аѳона и весь Аѳонъ; на сѣверъ до монастыря Пантократора и до скита Богородицы; къ востоку, къ морю, подъ горою монастырь Иверъ весь на открытіи; къ востоку же открытое великое море Архипелагъ, до самаго Дарданельскаго пролива. Посредѣ моря синѣются четыре острова: Тасъ, Самоѳракъ, Имбро и Лимносъ; къ сѣверовостоку синѣются горы Македонскія; съ прочихъ же сторонъ келлія окружена лѣсами и холмами. Недалеко отъ келліи, изъ земли истекаетъ источникъ холодной и здоровой воды. Хотя келлія стоитъ, яко свѣтильникъ на свѣщницѣ, на самой красотѣ, но въ самой почти непроходимой пустыни, такъ что ни съ которой страны къ ней подойдти нельзя: ибо окружена горами и непроходимыми лѣсами. Хотя и есть къ ней двѣ тропинки, одна изъ-подъ горы, а другая съ горы, но и тѣ очень малы, такъ что съ трудомъ можно познать. Келлія каменная; внутри келліи сдѣланы двѣ комнаты, гдѣ сами живутъ, а третья гостиная, и большія сѣни; а чрезъ сѣни церковь: храмъ во имя св. Іоанна Златоустаго. Иконъ довольно; потиръ и дискосъ оловянные; ризница холщевая; книгъ довольно, весь церковный кругъ. Въ нижнемъ этажѣ лежатъ дрова; тамъ и работаютъ ложечки.

101. Идя отъ отца Арсенія, я радовался и веселился, яко сподобился бесѣдовать съ такимъ великимъ старцемъ, и столько сдѣлался спокоенъ сердцемъ, что якобы получилъ уже все желаемое и самое царство небесное. И оставили меня всѣ замыслы и планы мои, и сдѣлался якобы природный аѳонскій житель; и всю дорогу отъ радости плакалъ, и благодарилъ Всевышняго моего Творца, Господа моего Іисуса Христа, за Его неограниченныя милости, изліянныя на мя недостойнаго, яко все мое прошеніе и желаніе исполнилъ; и отъ радости глаголалъ таковая: «О Господи, велія милость Твоя, и чудна дѣла Твоя, явленныя на мнѣ грѣшномъ! Благодарю Тя, Господи, яко сподобилъ еси мя исторгнутися и отлучитися отъ суетнаго міра и отъ его прелестей. Благодарю Тя, Владыко, Человѣколюбче Господи, яко извлекъ мя изъ бездны душепагубнаго раскола, и присоединилъ мя къ Своей Св. Церкви. Благодарю Тя, Господи, яко сподобилъ еси мя достигнуть въ сіе тихое и небурное пристанище, во св. Гору Аѳонскую. Благодарю Тя, Господи, яко сподобилъ еси мнѣ грѣшному обрѣсти себѣ такого великаго старца, отца и наставника. Теперь, Господи, буди милость Твоя на мнѣ; якоже хощеши, устрой о мнѣ вещь.» И часто озирался назадъ на гору, возводилъ очи мои на пустынную духовникову келлію, помышляя, что тамъ мой покой и утѣшеніе, тамъ моя радость и веселіе; тамъ остались всѣ мои помыслы и планы. Идя туда, былъ обуреваемъ разными помыслы и скорбьми; а оттуда возвращаюсь во всякомъ спокойствіи, въ радости и веселіи, яко овца заблуждшая, обрѣтшая себѣ добраго пастыря, иже взялъ меня на свою отвѣтственность, и возло-

жилъ на̂ свои рамена, и взялся принести ко Отцу моему Небесному!

102. Отецъ духовникъ, іеросхимонахъ Арсеній, росту высокосредняго, волосомъ русъ, брада средняя, окладистая, съ просѣдью; главу всегда держалъ мало наклонну на правое плечо, лицемъ чистъ и весьма сухъ, и всегда въ лицѣ игралъ румянецъ, а наипаче при Богослуженіи, и едва можно было на него смотрѣть; всегда былъ веселъ, и на взглядъ пріятенъ, очи имѣлъ наполненныя слезъ, слово кроткое и тихое, говорилъ всегда просто, безъ ласкательства, рѣшительно, безъ повторенія.—Потомъ паки пришелъ я къ монастырю Иверскому, и паки помолился Пресвятѣй Богородицѣ, Вратницѣ Аѳонской; паки подвратарь далъ мнѣ одинъ хлѣбъ, и спросилъ: «какъ живетъ духовникъ?» Я сказалъ, что слава Богу! Потомъ пошелъ я въ путь свой, и, пришедши въ келлію свою, сказалъ брату своему, какъ былъ у духовника, и что̀ отъ него слышалъ. Онъ весьма о томъ сожалѣлъ, что не пошелъ со мною.

103. Вечеромъ, пошли ночевать на *келлію св. Василія Великаго,* что на *Капсалѣ,* и тамъ служили вечерню, а по-утру утреню и Литургію. На Литургіи былъ причастникомъ Тѣла и Крови Христовой больной схимонахъ Андрей, великороссіанинъ, ученикъ іеромонаха, отца Аникиты Шихматова, бывшій съ нимъ въ Аѳинахъ. Онъ послѣ причастія жилъ только одинъ часъ, и преставился ко Господу въ радости и веселіи. Я читалъ надъ нимъ Псалтирь. Онъ лежалъ посредѣ церкви. Я читалъ на аналоѣ, по правую страну, а братія стояли позади, подлѣ стѣнъ. Около полунощи было одному схимонаху Арсенію

откровеніе: видѣлъ онъ, что Ангелъ Господе̂нь привелъ душу Андрееву къ тѣлу его, и прочиталъ *аллилуіа* трижды. Схимонахъ Арсеній не могъ болѣе удержаться, вскричалъ, и всѣмъ объявилъ видѣніе. И мы всѣ прославили Господа Бога. Послѣ и самъ схимонахъ Арсеній въ скоромъ времени преставился ко Господу; онъ жилъ на келліи Покрова Пресвятыя Богородицы, что̀ подъ монастыремъ Ставроникитою. Онъ первую келлію во св. Горѣ Аѳонской выстроилъ во имя Пресвятыя Богородицы Покрова, и освятилъ. Сей Арсеній былъ за старца и духовнику Арсенію, когда сей постригался въ великую схиму. Отпѣвали погребеніе по отцѣ Андреѣ восемь іеромонаховъ, всѣ русскіе; было до ста человѣкъ братій. Похоронили при самой стѣнѣ церкви Свят. Василія, и была всѣмъ изобильная трапеза. Келлія Свят. Василія въ древнія времена была знаменитая и славная, ради великихъ старцевъ, въ ней жительствовавшихъ, о которыхъ много упоминается въ аѳонскомъ Патерикѣ.

104. Недалеко, подъ горою, подлѣ рѣки, есть и другая *келлія* знаменитая, *во имя Успенія Богородицы,* называемая «*аксіонъ*», т. е., «*достойно*», въ которой Архангелъ въ первый разъ пропѣлъ пѣснь Богородицѣ сію: *Достойно есть, яко воистинну, блажити Тя Богородицу, присноблаженную и пренепорочную, и Матерь Бога нашего.* О чемъ напишу здѣсь слѣдующее, что̀ я читалъ въ аѳонскомъ Патерикѣ: «Въ св. Горѣ Аѳонской, подъ монастыремъ Пантократоромъ, на Капсалѣ, на келліи Успенія Пресвятыя Богородицы, жилъ нѣкій инокъ, старецъ богобоязливъ, съ ученикомъ своимъ, который былъ простъ и мало-

грамотенъ. Въ одинъ день недѣльный, старецъ пошелъ въ монастырь на всенощное бдѣніе, а ученикъ остался дома въ своей келліи, и въ нощи молился предъ иконою Пресвятыя Богородицы, и повторялъ сію пѣснь ко Пресвятѣй Дѣвѣ Богородицѣ: *Честнѣйшую Херувимъ и славнѣйшую безъ сравненія Серафимъ, безъ истлѣнія Бога-Слова рождшую, сущую Богородицу, Тя величаемъ.* И когда онъ сію пѣснь часто воспѣвалъ, вдругъ пришелъ къ нему въ келлію юноша неизреченной красоты, и спросилъ: «что̀ ты, брате, творишь?» Хозяинъ отвѣтилъ: «славлю Пресвятую Дѣву Богородицу.» Гость сказалъ: «а какъ ты славишь?» Хозяинъ пропѣлъ «*Честнѣйшую Херувимъ*» до конца. Гость сказалъ: «А мы не такъ Ее, Владычицу міра, славимъ; но воспѣваемъ сице: *Достойно есть, яко воистинну, блажити Тя, Богородицу, присноблаженную и пренепорочную, и Матерь Бога нашего;* потомъ прилагаемъ и «*Честнѣйшую Херувимъ.*» Хозяинъ поклонился ему, и сказалъ: «прошу тебя: научи и меня, да и я буду воспѣвать тако.» Гость сказалъ: «принеси черлилъ, перо и бумаги: я тебѣ напишу.» Хозяинъ отвѣтилъ: «не имѣемъ мы ни чернилъ, ни бумаги.» Гость сказалъ: «принеси каменную плиту.» Хозяинъ принесъ, и далъ ему. Гость написалъ на плитѣ перстомъ, какъ на мягкомъ воскѣ, пѣснь Богородицѣ: «*Достойно есть*» до конца, отдалъ хозяину, и сказалъ: «такъ пой ты и всѣ православные христіане: такъ мы Ее на небеси воспѣваемъ»; и потомъ сдѣлался невидимъ. Хозяинъ же много удивлялся, и позналъ, что это былъ Архангелъ Гавріилъ; и всю нощь препроводилъ безъ сна, въ безпрестанномъ пѣніи и молитвѣ. По-утру при-

шелъ старецъ, и ученикъ сказалъ ему что̀ въ нощи видѣлъ и слышалъ, и показалъ ему каменную плиту. Старецъ весьма удивлялся; потомъ объявилъ Проту Св. Горы. Протъ освидѣтельствовалъ, и плиту послалъ въ Константинополь къ вселенскому Патріарху, а икону, предъ которою пѣлъ Архангелъ Гавріилъ, перенесъ къ себѣ на Карею, и поставилъ въ соборномъ храмѣ, въ алтарѣ, гдѣ и донынѣ стоитъ. А пѣснь Архангела Гавріила ко Пресвятѣй Дѣвѣ Богородицѣ Святою Церковію и донынѣ по вселенной воспѣвается тако: *Достойно есть...* и до конца. А во св. Горѣ Аѳонской, во весь годъ, каждую недѣлю, кромѣ Пасхи, поютъ «*Достойно есть,*» хотя бы случился и великій праздникъ.» И въ недѣлю никогда не поютъ ирмосъ девятой пѣсни, но всегда «*достойно есть,*» въ память того, что въ Аѳонѣ и въ недѣлю предано воспѣвать сію Архангельскую пѣснь Царицѣ Небесной и Владычицѣ міра, Пресвятѣй Богородицѣ, Приснодѣвѣ Маріи: достойно есть яко воистину, и проч.

105. Еще на Капсалѣ, недалеко отъ келліи Свят. Василія, есть знаменитая колиба, т. е. келлія безъ церкви, въ которой препровождалъ постническую жизнь, болѣе пятидесяти лѣтъ, великій и знаменитый ученый мужъ, славный учитель и писатель, великій старецъ схимонахъ Никодимъ Святогорецъ, который преставился ко Господу около 1819 года. Онъ сочинилъ и написалъ тридцать книгъ. Но двѣ не обрѣтаются; ибо захвачены папистами въ Венеціи самыя черновыя, о чемъ греки весьма сожалѣютъ и соболѣзнуютъ, и много старались исходатайствовать, но не могли; а прочія двадцать восемь напечатаны и

выпущены, о чемъ Восточная Св. Церковь весьма радуется. Содержаніе книгъ своихъ старецъ Никодимъ заимствовалъ отъ Священнаго Писанія, отъ всѣхъ древнихъ и новыхъ Восточной Церкви учителей; собралъ всѣ свидѣтельства во едино, изъяснилъ и предалъ православнымъ грекамъ, яко чистую пшеницу: и у всѣхъ грековъ, у мірскихъ и у монаховъ и у безмолвниковъ, не увидишь въ рукахъ больше книгъ, какъ Никодима Святогорца. И никто не можетъ его книгъ и словесъ до сытости насладиться: всѣмъ достаетъ отъ его кладезя пити, мірскимъ и монахамъ и безмолвникамъ. Онъ былъ великій постникъ и великій ревнитель по Святой Христовой Восточной Церкви и по древнемъ благочестіи. Многія книги написалъ противъ разныхъ иновѣровъ: противъ Папы Римскаго, противъ лютеранъ и протестантовъ, и противъ душепагубной унія. И часто въ своихъ книгахъ упоминаетъ о православной Россіи, и похваляетъ ея благочестіе. У грековъ въ духовныхъ разговорахъ всегда повторяется имя Никодима Агіоритиса, т. е. Святогорца. Ему были всѣ аѳонскія библіотеки отверсты; и было ему, изъ чего черпать: не имѣлъ въ книгахъ недостатку. Ктому-же еще имѣлъ въ себѣ свыше отъ Бога данную благодать Св. Духа и даръ разсужденія, что̀ явѣ показываетъ и его глава, источающая благоуханіе. Только мы русскіе весьма сожалѣемъ о томъ, что не сподобляемся пить отъ его медоточныхъ источниковъ. Ибо почти не имѣемъ ни одной книги его на славянскомъ и на русскомъ языкѣ, кромѣ аѳонскаго сокращеннаго Патерика, и то болгары перевели и напечатали въ Болгаріи.

106. Капсальская гора и другихъ многихъ знамени-

тыхъ отцевъ произрастила. И до-днесь всѣхъ бѣдныхъ и неимущихъ къ себѣ принимаетъ, сокрываетъ и упокояетъ. Которыхъ нигдѣ не принимаютъ, тѣ на Капсалѣ всѣ находятъ себѣ убѣжище и пристанище; ибо всякъ работаетъ свое рукодѣліе, а базаръ близко; и кто что сработаетъ, приносятъ на Карею и продаютъ, и покупаютъ себѣ сухарики въ большихъ монастыряхъ, и питаются, и за то благодарятъ Божію Матерь. И меня грѣшнаго довольно упокоялъ св. Капсалъ; хотя и бѣдные братія по нему живутъ, но весьма страннолюбивы. Мы же, проживавши на келліи св. Апостолъ, повсюду по Св. Горѣ ходили, и красоты ея наслаждались, и посѣщали, на келліяхъ и въ скитахъ, своихъ русскихъ братій, и всѣ насъ съ любовію принимали, упокояли какъ гостей и странниковъ, и всѣ приглашали къ себѣ въ сожительство.

107. Вскорости всѣ великороссіане услышали весьма радостную вѣсть, что греки русскаго монастыря св. Великомученика Пантелеимона зовутъ и просятъ изгнаннаго изъ Ильинскаго скита игумена, іеросхимонаха Павла, со всею великороссійскою братіею къ себѣ въ Руссикъ въ сожительство. И по всей св. Горѣ Аѳонской пошла сія молва; а на чемъ дѣло кончится, не извѣстно. Ибо хотя греки и просили игумена отца Павла; но онъ никакъ не соглашался, и говорилъ имъ: «Я никакой не имѣю надежды къ житію въ вашемъ русскомъ монастырѣ. Хотя вы и просите и пріимете насъ, но послѣ паки изгоните: уже когда насъ свои русскіе изгнали, а на грековъ какая надежда? Когда вы уже князя Шихматова изгнали: о насъ уже нечего и говорить. Мы здѣсь на чужой странѣ; насъ защитить некому: кто хощетъ, тотъ и

гонитъ.» Потомъ сказалъ грекамъ: «Вы меня отцы и не просите: не пойду я къ вамъ въ монастырь, да не наведу на себя другую скорбь, паче первой, какую вы навели отцу Аникитѣ, князю Шихматову. Взойдти въ монастырь не долго: но напередъ надобно хорошенько подумать, и усердно помолиться Господу Богу и Божіей Матери.»

108. Но греки русскаго монастыря, всѣ старшіе братія, ежедневно къ отцу Павлу приходили, и просили его со слезами: «Отецъ Павелъ, идите въ нашу обитель, и ничего не бойтеся: уже мы никогда васъ русскихъ не изгонимъ: клянемся Богомъ Вышнимъ, и свидѣтелей представляемъ Божію Матерь и святаго Великомученика Пантелеимона. Много мы сожалѣемъ и плачемъ и о томъ, что выгнали князя; за что Божія Матерь много насъ наказала, какъ о томъ и вамъ и всей святой Горѣ Аѳонской извѣстно; и мы теперь хощемъ Божію Матерь умилостивить, и свое согрѣшеніе загладить, и свою совѣсть очистить: и тогда мы возрадуемся и успокоимся совѣстію, когда увидимъ русскихъ въ своей обители. Пріидите, отче Павле, въ свое русское древнее наслѣдіе, и обладайте имъ. Пріидите, отче, и приведите съ собою русскаго Святителя Митрофана, Воронежскаго Чудотворца, котораго мы изгнали вмѣстѣ съ княземъ, да изспросимъ мы своему согрѣшенію прощеніе. Есть у насъ одна неосвященная церковь, которую по приходѣ вашемъ освятимъ во имя Святителя Митрофана, въ которой вы русскіе будете отправлять по-русски церковное служеніе. И еще дадимъ вамъ мѣсто среди монастыря, на которомъ, со-временемъ, во имя сего Святителя выстроите соборъ. Пріидите и внидите, отче, во оби-

тель нашу: не можемъ мы болѣе терпѣть, видѣвши васъ въ такомъ бѣдствіи, не имѣющихъ никакого себѣ пристанища, и не имѣющихъ гдѣ главы подклонити. Вниди, отче, въ святую древнюю русскую обитель. Не мы васъ зовемъ; но желаетъ и зоветъ васъ святый Великомученикъ Пантелеимонъ, какъ своихъ древнихъ обитателей, и отъ его лица мы васъ просимъ; и желаемъ съ вами жить въ общежитіи, и другъ друга тяготы носить, въ любви и въ смиреніи препровождать остальные дни жизни нашей, и въ покаяніи скончать животъ свой; а которые останутся послѣ насъ, тѣ будутъ насъ поминать, и за насъ Бога молить.» Отецъ же Павелъ имъ сказалъ: «Вотъ, отцы, ежели вы солжете и не исполните своего обѣщанія, то Божія Матерь васъ еще накажетъ. Еще, отцы, скажу вамъ: если вы желаете принять насъ русскихъ въ свою святую обитель отъ искренняго сердца; то спаси васъ Господи! Однако, мы сами идти къ вамъ не можемъ; потому что мы имѣемъ у себя старца и духовника, іеросхимонаха Арсенія, живущаго въ пустынѣ подъ монастыремъ Иверомъ; онъ надъ нами начальникъ и пастырь; его попросите: ежели онъ благословитъ, то мы съ радостію можемъ идти.» Греки же изъ русскаго монастыря, приходившіе просить отца Павла, отъ лица игумена Герасима и отъ лица стошестилѣтняго старца, схимонаха іеродіакона Венедикта, были: дидаскалъ іеросхимонахъ и Архимандритъ Прокопій, іеросхимонахъ и духовникъ и ризничій Кириллъ, іеросхимонахъ Митрофанъ, схимонахъ и іеродіаконъ Никифоръ. Потомъ всѣ сѣли на муловъ, и отцу Павлу дали мула, и поѣхали въ пустыню къ старцу и духовнику Арсенію. И пріѣхавши, взошли

въ келлію. Греки всѣ пали старцу Арсенію въ ноги, и со слезами просили его, да благословитъ русскихъ взойдти въ русскую обитель.

109. Старецъ и духовникъ Арсеній радости исполнился, и сказалъ: «Богъ ихъ благословитъ, и азъ благословляю. Давно уже русскихъ дожидается святый Великомученикъ Пантелеимонъ.» Отецъ Павелъ заплакалъ, и палъ предъ нимъ на землю, и сказалъ: «отче святый, чтобы не случилось со мной, какъ и съ княземъ?» Духовникъ же ему сказалъ: «не бойся, отецъ Павелъ, но иди съ Богомъ: ты тамъ и помрешь, и будутъ твои кости фундаментомъ для русскихъ вѣчно въ русскомъ монастырѣ.» Греки же и отецъ Павелъ всѣ великой радости исполнились. Потомъ духовникъ сказалъ: «Богъ васъ благословитъ! Идите съ Богомъ. А ты, отецъ Павелъ, за-утро переходи въ русскій монастырь: такъ угодно Божіей Матери стало, что въ который день Она входила во Святое Святыхъ, въ той-же день и русскихъ вводитъ въ святую русскую обитель Пантелеимонову.» Потомъ отецъ Павелъ и всѣ прочіе, получивши благословеніе, вышли и шли съ радостію и въ веселіи. Греки радуются, яко имѣютъ получить потерянное сокровище; а русскимъ, всѣмъ радостямъ радость, что имѣютъ получить свое древнее достояніе, и возвратиться въ свою русскую обитель, и могутъ имѣть себѣ во святой Горѣ Аѳонской прибѣжище и тихое пристанище. Это было 20-го ноября; а 21-го числа праздникъ—Входъ во храмъ, во Святое Святыхъ, Божія Матери: въ тотъ же день Царица Небесная вводитъ и русскихъ въ русскую обитель съ торжествомъ, съ честію и со славою. По-утру, т. е. 21-го ч. ноября, 1839 года, прогремѣла, какъ громъ,

молва по всей святой Горѣ Аѳонской — по монастырямъ и по скитамъ, и по келліямъ и по пустынямъ, а наипаче между русскихъ, — что днесь русскіе входятъ въ русскій монастырь, днесь русскіе получаютъ древнее свое наслѣдіе, днесь русскіе обрѣтаютъ себѣ пристанище. Всюду русскіе радуются и веселятся; всюду русскіе торжествуютъ, по скитамъ и по келліямъ и по пустынямъ. Сорадуются съ русскими и болгары, увидя нечаянно русскихъ утѣшенными; потому что они много о русскихъ соболѣзновали. Пусть бы кто спросилъ: «что̀ днесь у русскихъ за торжество, и что у нихъ за радость?» На это всѣ русскіе отвѣтятъ: «О, какъ намъ русскимъ днесь не радоваться и не веселиться? Днесь у насъ сугубый праздникъ: во-первыхъ, празднуемъ Входъ во храмъ Пресвятыя Богородицы; во-вторыхъ, празднуемъ и торжествуемъ входъ нашей русской братіи въ русскую обитель. Днесь Царица Небесная насъ утѣшила: вмѣсто скита дала намъ великій царскій монастырь; вмѣсто малыхъ келлій дала намъ пятиэтажные корпуса̀. По сей день насъ гнали и поносили, и укоряли, и даже грозили изгнаніемъ изъ святой Горы Аѳонской: а днесь Царица Небесная нечаянно ввела насъ въ каменную ограду, за желѣзныя врата. Днесь Владычица возвратила намъ древнюю нашу русскую обитель, которая болѣе ста лѣтъ находилась въ рукахъ грековъ. Днесь исполнилось и предсказаніе нашего духовника, отца Арсенія. И всѣ днесь съ нами радуются, греки и болгары, сербы и молдаване, яко утѣшила насъ Божія Матерь; только скорбятъ и сѣтуютъ одни малороссіане, что напрасно насъ изгнали и оклеветали, и поносили. Но Господь ихъ да проститъ и помилуетъ,

и да не поставитъ имъ грѣха сего: ибо днесь за все насъ Божія Матерь наградила; хотя немного и поскорбѣли, но паки утѣшились.

110. 21 числа ноября, изъ русскаго монастыря поутру рано прислали на Карею двадцать муловъ, и взяли отца Павла со всею братіею и со всѣми вещами, и отправились въ русскій монастырь, и пріѣхали къ вратамъ. Греки, всѣ братія, вышли встрѣчать за врата. Отецъ Павелъ, слѣзши съ мула, надѣлъ на себя епитрахиль и фелонь, взялъ икону Святителя Митрофана, Воронежскаго Чудотворца, которую привезъ съ собою, и пошелъ во врата монастырскія. Игуменъ съ братіею запѣли стихиру праздника Входа Пресвятыя Богородицы, и прошли прямо въ великую соборную церковь святаго Великомученика Пантелеимона. И взошедши, икону Святителя Митрофана положили на аналой; вынесли изъ алтаря и главу святаго Пантелеимона, и положили рядомъ на другомъ аналоѣ; вынесли изъ алтаря честное древо Креста Господня, и положили на третьемъ аналоѣ. Потомъ пошелъ отецъ Павелъ прежде къ честному Древу, и положилъ два поклона до земли, и потомъ цѣловалъ Крестъ, и паки—одинъ поклонъ до земли. Потомъ предъ святаго Великомученика Пантелеимона главою онъ также сотворилъ; а послѣ и Святителя Митрофана иконѣ также сотворилъ. Потомъ вышелъ среди церкви, и положилъ три поклона до земли. Потомъ подошелъ къ игумену Герасиму, и поклонился ему до земли. Игуменъ заплакалъ, и самъ ему поклонился до земли, и поцѣловали единъ другому руки и во уста. Потомъ пошли всѣ братія русскіе по-два, и творили также, какъ и отецъ Павелъ. Потомъ пошелъ самъ игуменъ Гера-

симъ, и творилъ такожде, какъ и отецъ Павелъ, и послѣ подходилъ къ иконѣ Святителя Митрофана, и со слезами просилъ прощенія за прежнее согрѣшеніе. Потомъ и всѣ греческіе братія подходили по-два. И была въ церкви великая радость и ликованіе, и всѣ кланялись одинъ другому до земли, русскіе грекамъ, а греки русскимъ, и всѣ торжествовали.

111. Потомъ пошли всѣ въ гостинницу, и тамъ угощали русскихъ, какъ лучше быть нельзя. И была въ русскомъ монастырѣ въ тотъ день радость неизреченная; таковой радости въ русскомъ монастырѣ никогда не было, да, можетъ быть, и послѣ не будетъ. Великъ день сей для русскаго монастыря, а наипаче для русской братіи! Не имѣли гдѣ главы подклонить, и не имѣли никакой надежды получить какое-нибудь пристанище, а нечаянно получили великій царскій монастырь и свое древнее достояніе, святую обитель Пантелеимонову, именуемую Руссикъ. И греки не менѣе радовались, что приняли русскихъ. Ибо и они не имѣли уже надежды видѣть русскихъ въ своей обители, и помышляли вѣчно терпѣть это поношеніе, что изгнали русскихъ изъ русскаго монастыря, и за то ихъ всѣ осуждали; и Божія Матерь съ святымъ Пантелеимономъ ихъ безпрестанно наказывали разными искушеніями, которыя опишу послѣ, въ исторіи русскаго монастыря. Греки столь были совѣстію отягощены, что всегда со слезами говорили, что за то ихъ Божія Матерь со святымъ Пантелеимономъ наказываютъ, что изгнали русскихъ, князя со святымъ Митрофаномъ; и полагали они, что этотъ фіалъ гнѣва Божія будутъ пить вѣчно, и не имѣли уже надежды возвратить русскихъ въ свою обитель. Да и не воз-

вратили бы, если бы русскихъ не изгнали изъ Ильинскаго скита. Русскіе весьма на нихъ оскорбились за изгнаніе князя. И всегда греки говорили, что не видать имъ русскихъ въ монастырѣ.

112. Но старецъ ихъ Венедиктъ стошестилѣтній всегда имъ говорилъ, что не умретъ, пока не пріиметъ русскихъ въ монастырь. Сіе явно показалъ онъ въ гостинницѣ, когда угощали русскихъ. Пришелъ въ гостинницу съ своимъ жезломъ, и положивши три поклона до земли, со слезами прочиталъ молитву «*нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко*» до конца. Потомъ подошелъ къ отцу Павлу, и поклонился ему до земли, и взялъ отъ него благословеніе. И потомъ, взявши его въ свои объятія, началъ говорить слѣдующее: «Нынѣ возвеселилось сердце мое, и возрадовался духъ мой, что держу днесь русскихъ въ объятіяхъ моихъ: нынѣ держу потерянное сокровище; нынѣ паки пришла изгнанная овца, блуждавшая по горамъ и по лѣсамъ, и не имѣвшая себѣ ни ограды ни пристанища, гдѣ главы подклонити; нынѣ паки возвратилась во свою прежнюю ограду; нынѣ азъ держу ее во своихъ объятіяхъ; уже болѣе ее не изгоню, и отъ себя не отпущу. Нынѣ азъ очистилъ свою совѣсть, которая всегда мене обличала и безпокоила за изгнаніе русскихъ; нынѣ же паки пріяхъ ее, и держу во своихъ объятіяхъ.» Потомъ отпустилъ, и паки сказалъ: «Садитесь, мои дорогіе гости, садитесь, мои честные отцы, садитесь, моя возлюбленная чада, садитесь, изгнанныя овцы, и паки возвращенныя во свою ограду, садитесь, обрѣтенное сокровище, садитесь, чистота моей совѣсти, садитесь, радость моя неизреченная, садитесь, многовождѣленные мои братія. Веселитеся и радуйтеся, и торжествуйте съ нами за-едино.» Когда

онъ сіе говорилъ: греки всѣ стояли и смотрѣли на него, и много плакали; русскіе же мало что понимали.

113. Потомъ старецъ Венедиктъ обратилъ очи свои къ братіи своей, грекамъ, и началъ имъ говорить съ великою радостію, съ торжествомъ, слѣдующее, и воскликнулъ: « Радуйтеся со мною, чада моя, радуйтеся со мною, братія моя; и паки реку: радуйтеся! Днесь обновися, яко орля, юность моя, днесь стошестилѣтнія мои косточки помолодѣли, днесь слѣпыя мои очи посвѣтлѣли: ибо днесь они видятъ русскихъ паки въ нашей обители; днесь плачетъ одинъ врагъ діаволъ, посмѣявшійся надъ моею старостію, смутившій мене на изгнаніе русскихъ; азъ же, яко человѣкъ, послушалъ его, и поползнулся въ великое искушеніе при послѣднихъ лѣтахъ моей жизни; еще послушалъ нѣкоторыхъ изъ васъ, и изгналъ русскихъ изъ обители, и возмутилъ свою совѣсть, и погубилъ многолѣтніе свои труды и подвиги, и отяготилъ свое сердце. Три года лежалъ на моемъ сердцѣ этотъ тяжкій камень, и никогда не могъ я успокоить свою совѣсть и душу, и о томъ много пролилъ слезъ; и просилъ Господа моего Іисуса Христа и Пречистую Дѣву Богородицу Марію, да возвратятъ русскихъ паки въ нашу обитель. И услышалъ Господь молитву мою, и извѣстилъ мнѣ, что будутъ отпѣвать и погребать мене русскіе; и дожидался того дня съ вожделѣніемъ, когда узрю русскихъ въ нашей обители; днесь сіе получилъ. Сей день, егоже предвозвѣстилъ мнѣ Господь: возрадуемся и возвеселимся въ онь. Вотъ теперь послушайте, братія моя: азъ изгналъ русскихъ, но азъ паки и ввелъ и принялъ ихъ. Паки говорю вамъ, что азъ принялъ ихъ и посадилъ въ обители сей, вашъ старецъ и наста-

вникъ, грѣшный Венедиктъ. Азъ принялъ русскихъ, и отхожду отъ васъ на вѣчность; оставляю русскихъ по себѣ наслѣдниками въ вѣчные роды. И вы навсегда живите съ русскими въ любви и единомысліи, и другъ друга тяготы носите; и азъ всѣхъ васъ оставляю, и препоручаю васъ сему блаженному старцу, вашему игумену, а моему ученику, отцу Герасиму. И воистинну онъ есть блаженъ и треблаженъ: всѣ вы поколебались противъ русскихъ; только онъ единъ стоялъ за русскихъ. Но азъ не послушалъ его. А онъ единъ только могъ предусмотрѣть нашъ душевный и тѣлесный вредъ; онъ только единъ могъ всѣхъ немощи носити. Но теперь, слава Богу, азъ паки принялъ русскихъ и прикрылъ, и оставляю ихъ наслѣдниками, и препоручаю васъ игумену Герасиму. Уже азъ теперь русскимъ не гонитель, но покровитель и защититель. Мнѣ только то и желательно было. Аминь». Потомъ со всѣми простился, и пожелалъ мира и любви, и пошелъ съ помощію другихъ въ свою келлію. И уже изъ келліи своей никуда не выходилъ; и болѣе уже его никто не видалъ. По принятіи русскихъ онъ пожилъ только сорокъ дней, и отъиде на вѣчную жизнь.

И такъ русскіе съ греками въ тотъ день торжествовали, т. е. 21 ноября; а 22-го убирали храмъ къ освященію, въ назначенномъ для русскихъ корпусѣ, въ третьемъ этажѣ. И въ тотъ день много сошлось русской братіи, изъ разныхъ скитовъ и келлій, дѣлить между собою радость и веселіе въ русскомъ монастырѣ, и торжествовать свѣтлый праздникъ Святителя Христова Митрофана, Воронежскаго Чудотворца.

114. Потомъ, въ назначенномъ къ освященію храмѣ

была малая вечерня. По вечерни пошли съ иконой въ трапезу. И было въ трапезѣ веліе утѣшеніе. Потомъ началось всенощное бдѣніе съ вечера, и продолжалось двѣнадцать часовъ. Пѣли на одномъ клиросѣ по-гречески, а на другомъ по-русски; греки больше пѣли нараспѣвъ. И многія читали словеса отъ Священнаго Писанія и изъ Отцевъ по-гречески; а по-русски прочитали чудеса Святителя Митрофана и житіе иже во святыхъ отецъ нашихъ Амфилохія Иконійскаго и Григорія Акрагантійскаго. Предъ Литургіею было освященіе храма. И была Литургія самая торжественная. По Литургіи Архимандритомъ Прокопіемъ говорена была торжественная проповѣдь. Подлинно ее упомнить не могу: онъ говорилъ по-гречески; но многія выраженія произносилъ и по-славянски, потому что онъ мужъ ученъ, знаетъ разные языки, а наипаче знаетъ хорошо славянскій и болгарскій. Мы уже послѣ собирали, кто что могъ припомнить, греки и русскіе, потому что онъ говорилъ наизусть и весьма пространно, и столь трогательно, что всѣ плакали, русскіе и греки. Хотя не многое изъ слова его напишу здѣсь, да знаютъ греки и русскіе, съ какимъ торжествомъ и радостію приняла русская Пантелеимонова обитель своихъ русскихъ чадъ. Онъ говорилъ въ слѣдующемъ разумѣ:

115. «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Что днесь въ русскомъ монастырѣ за праздникъ? Что днесь въ Пантелеимоновой обители за торжество? Спросятъ насъ аѳонскіе жители: что въ общежительной киновіи за радость? Что тамъ за веселіе? Они всегда учатъ всѣхъ плакать о грѣхахъ своихъ, и не позволяютъ даже никому осклабиться, а днесь уже и сами всѣ веселятся. Или они уже премѣнили

жизнь свою? Или они разрушили свои строгіе общежительные уставы? Мы же къ нимъ отвѣщаемъ: мы не премѣнили своей жизни, и не разрушили своихъ общежительныхъ уставовъ; но радуется и веселится днесь матерь, и торжествуетъ, что приняла въ свои объятія возлюбленныхъ и первородныхъ старшихъ своихъ чадъ, которые находились въ странствіи болѣе ста-двадцати лѣтъ, скитавшись по горамъ и по вертепамъ, не имѣя гдѣ главы приклонити; днесь они пришли къ своей возлюбленной матери въ объятія, и она днесь радуется и веселится, и торжествуетъ, что приняла ихъ здравыхъ. И мы, юная ея чада, съ нею веселимся и торжествуемъ, яко видимъ своихъ старшихъ братій, къ намъ въ свой домъ возвратившихся здравыхъ и благополучныхъ. Днесь пришли русскіе къ своей возлюбленной матери въ русскую обитель, и привели русскіе съ собою въ русскую обитель дорогаго гостя, своего русскаго Чудотворца, Святителя Митрофана. Но что говорю: *гостя?* Гость только погоститъ, да и паки уходитъ. Пришли русскія чада къ своей матери, и привели съ собою Святителя Митрофана уже не въ гости, а на вѣчное жительство, во увѣреніе чего днесь посвятили ему сей храмъ, да пребываетъ Святитель Митрофанъ въ этой русской обители во вѣкъ вѣка, и да содержитъ при себѣ и русскую свою братію. Но что говорю: освятили *храмъ?* Не *храмъ* освятили, а *храмикъ*, только ради перваго случая; а великій соборный храмъ, во имя сего Святителя, со-временемъ выстроютъ себѣ русскіе посреди монастыря, аще подастъ имъ руку помощи благоденственное ихъ отечество, святая и славная Россія. Но паки глаголю радостная, и паки восклицаю торжествен-

ная. Свѣтло днесь красуется и радуется, и весело торжествуетъ святая наша обитель русская о пріятіи своихъ чадъ, и торжествуетъ вкупѣ со святымъ Великомученикомъ Пантелеимономъ и со святымъ Митрофаномъ, и со всѣми своими чадами, съ греками и русскими, и всѣхъ съ собою торжествовати призываетъ, и восклицаетъ тако: Радуйся и веселися со мной, Госпожа моя и Назирательница моя, Пречистая Владычице моя Богородице! Се бо расточенная моя чада русскія собрашася днесь ко мнѣ въ объятія. Радуйся и веселися со мной и ты, первый по Богородицѣ мой помощниче и заступниче и назирателю мой, святый Великомучениче Пантелеимоне; торжествуй днесь со мною и веселися: днесь бо древніи твои обитатели и твои любители къ тебѣ возвратишася! Радуйся со мной и ты, святый Отче Митрофане, изъ Россіи пришедшій съ своею русской братіею въ сію святую Гору Аѳонскую, во жребій Царицы Небесной, какъ въ тихое и небурное пристанище, ко мнѣ во обитель и ко святому Великомученику Пантелеимону въ содружество! И азъ дала тебѣ сей храмъ, да пребываеши въ немъ даже до втораго Христова пришествія, хотя не тѣломъ, но духомъ; и твоею святою иконою спасай и соблюдай мене съ моими чады, со всею своею русской братіей и съ греками; и сохраняйте мене отъ всякихъ бѣдъ и напастей вмѣстѣ со святымъ Великомученикомъ Пантелеимономъ и съ Пречистою Дѣвою Богородицею! Радуйся и ты со мною днесь, вся святая Гора Аѳонская, со всѣми своими жителями и пустынями! Радуйтеся днесь со мною и вы, мои другини, святыя Лавры и честные монастыри и святыя киновіи, со мною — обителью

русскою: се бо азъ пріяла днесь возлюбленная своя русская чада въ свои нѣдра! Радуйтеся со мною днесь и вы, святогорскіе скиты и келліи и колибы пустынныя! Днесь повсюду въ васъ торжествуютъ русскіе братія, и веселятся, что днесь пришли они ко мнѣ—своей матери, и приняла я ихъ въ свои объятія. Теперь послушайте, русскіе братія, здѣсь присутствующіе; и къ вамъ обращаетъ обитель слово. Радуйтеся и веселитеся, ликуйте и свѣтло торжествуйте, и вы, многовожделѣнная и возлюбленная моя чада русскія, со мною матерью вашею, обителью русскою! Днесь у насъ обоюдная радость и торжество: вы радуетеся, яко обрѣли мене свою возлюбленную родную матерь, обитель русскую, и пришли въ мои матернія нѣдра и въ мои матернія объятія, по многолѣтномъ вашемъ странствіи и бѣдствіи, скитавшись по чуждымъ обителямъ. Хотя онѣ и всѣ мои другини и сестры, но нѣсть въ нихъ вашей матери; а я едина ваша возлюбленная матерь, обитель русская; я едина могу васъ упокоить въ сей маловременной жизни, и препроводить на вѣчное блаженство. И азъ, возлюбленная моя чада, паче васъ радуюся и веселюся, яко сподобилась принять васъ въ свои объятія. Сколь мнѣ было грустно и скорбно смотрѣть на васъ, любезныхъ моихъ чадъ, странствующихъ по святой Горѣ Аѳонской, по горамъ и по вертепамъ, и не имѣющихъ гдѣ главы приклонити, гонимыхъ и хулимыхъ, поношаемыхъ и укоряемыхъ! И сколь мнѣ было болѣзненно смотрѣть на ваше такое горестное бѣдствіе, болѣе ста-двадцати лѣтъ вами терпимое! Теперь скажу и о себѣ: какую и азъ терпѣла безъ васъ скорбь о томъ, что нахожусь горькою и беззаступною сиротою, оборванною и

обнаженною, и лишенною своихъ любезныхъ чадъ первородныхъ, и не имѣющею ни отъ кого помощи, да кто мя облечетъ и украситъ красотою, какъ и прочія мои сестры убраны и украшены. И како мнѣ было не скорбно называться русскою обителью, а русскаго чада ни одного въ себѣ не имѣти? И како мнѣ было не грустно терпѣть отъ приходящихъ посѣтителей? Каждый приходящій ко мнѣ стремится, какъ къ русской славной обители, имѣющей богатыхъ и славныхъ русскихъ сыновъ, и чаетъ мене обрѣсти убранную и украшенну паче прочихъ моихъ сестръ; но егда приходитъ, и обрѣтаетъ мене сиротою, оборванную, обнаженну, и съ возлюбленными первородными моими русскими чадами разлученну; то каждый отходитъ отъ мене со слезами, и оставляетъ мене сироту горько плакати. Како мнѣ не скорбно было слышати, что я, обитель русская, имѣю у себя сыновъ великаго и славнаго и благоденственнаго отечества Россійскаго, еще имѣю покровителя и защитника всея святыя Восточныя Церкви, Благочестивѣйшаго Россійскаго Императора, азъ же матерь, обитель русская, нахожусь здѣсь во святой Горѣ Аѳонской самая убогая и сирота беззащитная, оборванная и обнаженная, и отъ всѣхъ обижаемая и оскорбляемая, и отъ нихъ первородныхъ возлюбленныхъ моихъ чадъ разлученная, и до конца оставленная ими, не имѣющими обо мнѣ никакого попеченія? И находилась въ такомъ сиротствѣ и скорби болѣе 120 лѣтъ. Нынѣ же вся сія скорбная мимоидоша; нынѣ вся нова быша; нынѣ веселіе и торжество. Днесь всякія радости азъ преисполнена: днесь возлюбленныя и первородныя мои чада русскія возвратишася въ мои матернія объ-

ятія и въ мои нѣдра. Уже нынѣ азъ нѣсмь сирота, ни убога: отнынѣ они мои любезныя чада, мене, свою матерь, облекутъ и украсятъ красотою паче всѣхъ, и буду азъ славна по всей святой Горѣ Аѳонской. И еще радость къ радости присовокупилась: ибо не одни они пришли чада моя, но пришелъ съ ними и святый русскій Митрофанъ: и онъ, Святитель, пришелъ помочь мнѣ бѣдной, и украсить мене обнаженную, и азъ съ великою радостію его приняла къ себѣ, и на первый случай дала ему сей храмъ, да въ немъ пребываетъ; а по времени выстроютъ ему чада моя великій храмъ соборный, въ которомъ Святитель будетъ пребывать во вѣкъ вѣка. Аминь.»

116. По окончаніи Литургіи, съ иконою Святителя Митрофана пошли въ трапезу, и было веліе утѣшеніе. Въ трапезѣ самъ игуменъ Герасимъ говорилъ слово къ своимъ грекамъ слѣдующее: «Отцы и братія! послушайте мене грѣшнаго, вашего старца и игумена: днесь мы празднуемъ и веселимся, и торжествуемъ потому, что мы днесь совершили великія два дѣла: первое—приняли русскихъ въ обитель и во общежитіе; тѣмъ мы преграждение вражды разрушили; второе—освятили храмъ святому Митрофану, Россійскому Чудотворцу, и этимъ мы утвердили и укрѣпили и заключили русскихъ вѣчно въ нашей обители пребывать. Хотя мы и согрѣшили прежде, что выгнали русскихъ изъ обители, но азъ тому дѣлу былъ не причастенъ, не моя была воля: вы захотѣли, вы и выгнали; но за то какъ насъ Господь и Божія Матерь наказали, кому вамъ неизвѣстно? Аще воспомяну, то всѣ будете плакать; оставлю о томъ много говорить: днесь день не плача, но день радости и веселія. Воспо-

мяну не много, дабы впредь отъ того были осторожны. Вы знаете, что вы хотѣли оставить обитель сію, и бѣжать кто куда знаетъ; но азъ васъ уговорилъ, и азъ за васъ много пострадалъ, и мало что не посланъ былъ вѣчно въ заточеніе, только Божія Матерь защитила мене безвиннаго. И еще скажу: сколько разъ мы садились въ трапезѣ почти безъ хлѣба, съ одними малыми гнилыми сухарями! Но еще Господь не до конца на насъ прогнѣвался, и не въ-вѣкъ враждовалъ на насъ, но паки утѣшилъ насъ симъ радостнымъ торжествомъ. Паки загладили мы свое согрѣшеніе; паки русскіе въ нашей обители, паки съ нами торжествуютъ и веселятся. Еще скажу вамъ, братія: хотя и изгнали прежде русскихъ, но не самыхъ чистыхъ русскихъ, а болѣе были то малороссіане. Весма жалко мнѣ того блаженнаго старца, князя отца Аникиту, что его оскорбили; но за то Господь да упокоитъ его въ будущемъ вѣкѣ. Но теперь приняли русскихъ всѣхъ, истыхъ великороссіанъ, какъ сего отца Павла, такъ и всѣхъ сущихъ съ нимъ; это для насъ еще бòльшее веселіе и радость: теперь наша обитель русская не малороссійская, но настоящая великороссійская. Теперь, отцы и братія, приняли мы русскихъ, и приняли вся благая для обители нашей; и ежели навсегда будутъ русскіе жить въ обители нашей, то какъ она теперь убога и обнаженна, и попираема изо всѣхъ аѳонскихъ обителей, такъ будетъ богата, убрана и украшена, и славна будетъ не только во святой Горѣ Аѳонской, но и по вселенной; потому что русскіе имѣютъ благоденственное свое отечество, славную и богатую Россію, и своего благочестиваго и Христолюбиваго Императора. Къ русскимъ будутъ пріѣзжать разныя лица на посѣ-

щеніе, и награждать своими щедрыми милостями, и украшать нашу обитель, и намъ помогутъ, Богъ дастъ, и долгу избудемъ: ибо вы сами знаете, что болѣе ста тысячъ обитель должна. Вы не знаете, каково мнѣ это иго нести: до крайности оно мене отягчило. Прошу васъ, отцы и братія, и со слезами прошу: несите немощи русскихъ, несите, и не отягчайтесь; ибо теперь я васъ предупреждаю, что не безъ труда будетъ намъ съ русскими жить, потому что они языку нашего не понимаютъ, обычаевъ и уставовъ и работъ нашихъ не знаютъ; и намъ надобно больше терпѣть и нести ихъ немощи, а они будутъ помогать въ другомъ дѣлѣ. И ежели кто, отцы и братія, будетъ не согласенъ съ русскими жить, и немощи ихъ носить, то прошу изъ обители выходить; и держать тѣхъ не буду. А я и обитель съ русскими не разлучимся вѣчно. Освятили днесь храмъ Святителя Митрофана для русскаго богослуженія; но скоро будемъ закладывать великій соборный храмъ для русскихъ. Итакъ, отцы и братія, будемъ вѣчно съ русскими жить, и другъ друга тяготы носить, и тако исполнимъ законъ Христовъ. И будемъ въ смиреніи и въ послушаніи препровождать остальные дни жизни нашея, и въ сей святой обители скончаемъ животъ свой, да прейдемъ на вѣчную жизнь. Аминь.»

По трапезѣ, пошли съ иконою въ соборную церковь, и тамъ была великая ектенія за ктиторовъ и за Константинопольскаго Патріарха, и за Россійскаго Императора, Николая Павловича, и за всю Фамилію Его. Потомъ пѣли многолѣтіе вселенскому Константинопольскому Патріарху и Россійскому Императору, Николаю Павловичу, и всей Фамиліи Его; потомъ—игумену

Герасиму со всею братіею и іеросхимонаху Павлу со всей русскою братіею. Вышедши изъ церкви, игуменъ Герасимъ остановился, и сказалъ отцу Павлу, показывая рукою: «Вотъ, отецъ Павелъ, со всею твоею русскою братіею, благословляетъ вамъ святая наша обитель и святый Великомученикъ Пантелеимонъ, и азъ съ братіею, сей пятиэтажный корпусъ со всѣми тремя церквами. Ты самъ возьми келлію угольную подлѣ церкви Святителя Митрофана, а братію самъ распоряди. А отдохнувши, мы къ тебѣ на новоселье пріидемъ въ гости. А вы, отцы греки, всѣ выберитесь изъ того корпуса по прочимъ.» И самъ пошелъ въ свою келлію. Русскіе братія тотчасъ перебрались, кому гдѣ назначилъ отецъ Павелъ. Потомъ, отдохнувши, принесли съ гостинницы всякаго угощенія къ отцу Павлу въ келлію, и пришедши игуменъ Герасимъ, позвалъ всю русскую братію, и приказалъ всѣмъ сѣсть, и началъ говорить слѣдующее:

117. «Возлюбленные отцы и братія русскіе, ты, отче Павле, со всѣми прочими! Теперь мы васъ приняли въ св. сію обитель, и освятили для васъ храмъ, и дали вамъ келліи,—сей корпусъ съ тремя церквами: довольны ли вы этимъ?» Русскіе отвѣтили: «довольны, отче святый.» Игуменъ же паки началъ говорить: «Теперь живите, и благодарите Господа Бога и Божію Матерь, и св. Великомученика Пантелеимона и Святителя Митрофана, и за насъ грѣшныхъ молите Бога. Теперь, отцы и братія, надобно намъ другъ друга тяготы носити; и вы, отцы и братія русскіе, понесите немощи нашихъ грековъ, потому что и наши греки есть немощные: яко человѣцы падаютъ, ктомуже вспыльчивы и круты характеромъ. Ежели

они что скажутъ, а вы не поймете, и они на васъ оскорбятся; то вы сотворите поклонъ, и скажите: прости, согрѣшихъ. Что дѣлать? Всюду нужно терпѣніе; и Господь сказалъ: *въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша.* А наипаче, отцы, старайтесь привыкать, и подражать нашимъ общежительнымъ уставамъ и обычаямъ, и во всемъ подражайте нашимъ грекамъ, и блюдитесь, чтобы не произошелъ отъ васъ какой соблазнъ. На послушаніе ходите, но не одни, а съ нашими греками. Чрезъ силу не работайте, а помаленьку, по своей силѣ. А уставъ нашъ общежительный таковъ: канонъ келейный—тысячу триста поклоновъ; къ келліи ничего не имѣть, даже и воды; безъ рясы не ходить; на послушаніи не говорить; ежедневно помыслы исповѣдывать; каждую седмицу причащаться Святыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой, и прочая многая, что сами увидите и узнаете. И помалу научайтеся, и во всемъ примѣръ берите съ нашихъ грековъ; въ келліи единъ къ другому не ходите; и келлій своихъ никогда не запирайте; тако живите и спасайтесь; о здѣшнемъ ни о чемъ не пецытесь, но на вѣчное приготовляйтеся; а тѣлесное все вамъ будетъ готово и дано, — пища и одежда и дрова; а кто заболитъ, есть у насъ спокойная больница; а кто помретъ, то похоронимъ съ честію и со славою, и будутъ обитель и братія вѣчно поминать; а изъ русскихъ кто будетъ желать съ нами жить, всѣхъ буду принимать, только по вашему совѣту; но знайте и помните, что ваша вѣчная русская сія обитель. Аминь.» Потомъ всѣхъ русскихъ и грековъ угощали.

118. Вечерни были двѣ: греки служили въ соборѣ,

а русскіе въ своей церкви, Святителя Митрофана. На вечерни отецъ Павелъ сказалъ своей русской братіи слово слѣдующее: «Возлюбленные мои великороссійскіе братія! Днесь у насъ праздникъ праздниковъ и торжество торжествъ; днесь у насъ радость и веселіе; сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь! Днесь обрѣтохомъ свою возлюбленную матерь, столько лѣтъ отъ нея бывши разлученными! Днесь мы взошли во св. русскую свою обитель! Хотя мы и нашли ее убогую и обнаженную; но Господь намъ русскимъ поможетъ: паки облечемъ ю въ первую одежду, и паки обогатимъ ю. Днесь мы обрѣтохомъ себѣ тихое пристанище и прибѣжище по многолѣтномъ нашемъ странствіи и бѣдствіи! Днесь мы отъ странствія во свою русскую обитель возвратихомся, и отъ всѣхъ скорбей на радость премѣнихомся! Днесь мы торжественно празднуемъ праздникъ Святителя Христова Митрофана, Воронежскаго Чудотворца, и освятили ему сей храмъ! Чрезъ то мы въ этой русской нашей обители положили твердое и вѣчное основаніе, чтобы русской нашей братіи здѣсь проживать, и вѣчно здѣсь пребывать. Теперь, слава Богу, имѣютъ себѣ великороссіане во св. Горѣ Аѳонской пристанище и прибѣжище. Сколько лѣтъ наши великороссіане бѣдствовали, и не имѣли гдѣ главы приклонити, и ходили съ келліи на келлію, съ колибы на колибу! Всюду нашихъ притѣсняли, какъ безпріютныхъ овецъ: всему азъ самовидѣцъ, ибо живу во св. Горѣ Аѳонской тридцать пять лѣтъ. И азъ самъ, пришедши во св. Гору, расположился здѣсь скончать жизнь свою, и негдѣ было проживать, и прилѣпился къ малороссіанамъ въ Ильинскій скитъ. И жилъ, какъ овца посредѣ волковъ, трид-

цать пять лѣтъ, и терпѣлъ повседневно скорби, поношеніе и укореніе. А сколько еще во время смущенія претерпѣлъ скорбей и самую почти смерть, со игуменомъ Парѳеніемъ сохраняя скитское имѣніе, странствуя по Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи! Чрезъ шесть лѣтъ паки возвратились во св. Гору Аѳонскую, паки пришли въ свой Ильинскій скитъ, и онъ былъ пустъ, и весь лѣсомъ заросъ, такъ что въ двѣ недѣли едва до вратъ добрались, и что̀ положили трудовъ, только единому Богу извѣстно. Паки привели въ порядокъ, паки собрали и братіи до тридцати человѣкъ. Но паки Господь посѣтилъ насъ: послалъ Богъ намъ въ скитъ моровую язву, и почти всѣ братія сдѣлались жертвою ея, и самъ игуменъ Парѳеній помре. Азъ же по вся дни служилъ Литургію, и всѣхъ причащалъ Святыми Тайнами, и постригахъ въ схиму, и остался азъ живъ съ четырьмя человѣками, которые находитесь здѣсь. По прошествіи же моровой болѣзни, съ согласія всей братіи избрали мене во игумена; но ненавидящіе насъ малороссіане мене извергли; и трижды мене возводили, и паки низвергали; а послѣ, не только низвергли, но и изгнали изъ скита, и не одного мене, но и всѣхъ васъ великороссіанъ, моихъ учениковъ. Вы же теперь не всѣ со мной остались, но многіе разсѣялись по св. Горѣ, по разнымъ монастырямъ и скитамъ. Теперь желалъ бы всѣхъ собрать къ себѣ во едино; но не неволю никого, а кто какъ знаетъ. А ненавидящихъ и обидящихъ насъ прости, Господи, и помилуй, и не постави имъ, Господи, грѣха сего! А за наше малое терпѣніе утѣшили и наградили насъ Господь и Божія Матерь сторицею: вмѣсто скита, далъ намъ Господь царскій монастырь,

вмѣсто одной церкви, далъ намъ три церкви, вмѣсто одноэтажныхъ келлій пятиэтажный корпусъ; вмѣсто чуждаго скита, далъ намъ Господь свою древнюю русскую обитель; вмѣсто гуцоловъ, далъ намъ Господь сихъ блаженныхъ старцевъ, благословенныхъ грековъ. Воистинну блаженны мы, братіе! Ибо недостойны мы на таковыхъ старцевъ смотрѣть; а намъ приводитъ Господь и пожить съ ними, и пользоваться ихъ примѣрною жизнію. Теперь, братія моя, надобно намъ паки снова учиться монашеству. Хотя азъ и тридцать пять лѣтъ въ монашествѣ, но еще общежительныхъ греческихъ уставовъ и обычаевъ не знаю. И всегда азъ удивлялся имъ, какъ они опасно блюдутъ свои чувства отъ всѣхъ соблазновъ; но теперь благодарю Господа моего, яко сподобляетъ мене съ ними пожить, и на нихъ посмотрѣть. Теперь, братія моя, и вы старайтесь свои русскіе и скитскіе обычаи перемѣнять и забывать, и во всемъ подражать и послѣдовать смиреннымъ грекамъ, и во всемъ съ нихъ брать примѣръ. А наипаче, братія моя, надобно пріучать себя къ терпѣнію, и переносить всякія скорби, случающіяся отъ общежитія. Теперь, слава Богу, всѣмъ упокоены: церковь у насъ своя, келліи добрыя, пища и одежда готовая, обитель у насъ великая и славная; теперь только надобно благодарить Бога и Божію Матерь, и имѣть попеченіе о душахъ своихъ, и предуготовляться на вѣчное блаженство. Аминь.»

Послѣ вечерни была трапеза изобильная. Мы же по-утру, послѣ утрени, возвратились каждый въ свою пустынную келлію, благодаряще Господа Бога. Потомъ я ту седмицу постился.

119. Въ пятокъ вечеромъ пошелъ ночевать къ духовнику, отцу Арсенію, и читалъ съ ними вечерню и правило и утреню. И всякая служба была слезами растворена: они безъ слезъ не могли ни читать, ни пѣть, а наипаче отецъ Николай. Послѣ утрени я исповѣдался, и открылъ своему духовному врачу и пастырю всѣ мои язвы и болѣзни, яже отъ юности моея, и всѣ мои дѣянія и начинанія, и всѣ мои желанія и помышленія. Онъ же ко всѣмъ моимъ язвамъ и болѣзнямъ приложилъ пластырь, и уврачевалъ, и всѣмъ меня успокоилъ; а послѣ сказалъ: «Вотъ тебѣ Господь на-время назначилъ мѣсто: ступай и поживи одинъ въ пустыни, но не много; и научись рукодѣлью — работать ложечки. А келійка есть у отца Павла хромаго; тамъ и поживи; а послѣ Литургіи еще поговоримъ.» Литургію духовникъ служилъ въ холщевыхъ ризахъ; я пономарилъ, а отецъ Николай пѣлъ тихимъ плачевнымъ гласомъ; отъ слезъ едва былъ слышенъ гласъ его. Духовникъ же во алтарѣ предъ престоломъ Господнимъ стоитъ весь во слезахъ, и едва можетъ произносить возгласы. А я, окаянный и грѣшный, между такими великими огненными столпами весь былъ одержимъ страхомъ и ужасомъ, не зналъ куда направить свой слухъ: въ алтарь ли, или назадъ? Всюду возбуждаетъ меня на плачъ. И смотря на нихъ, я не могъ удержаться отъ слезъ. И были мы съ отцемъ Николаемъ причастниками Тѣла и Крови Христовой. По Литургіи была преизобильная трапеза: сухари съ водою, да огурцы съ перцомъ, маслины соленыя и смоквы.

120. По трапезѣ спросилъ меня духовникъ: «имѣешь ли ты деньги купить инструментъ ложечный?» я

отвѣтилъ, что не имѣю почти ни одной копѣйки денегъ, только немного сухарей. Онъ же вынулъ свой кошелекъ, и высыпалъ всѣ свои денежки, и пересчиталъ; и было только тридцать левовъ, т. е. шесть рублей; и сказалъ мнѣ: «возьми ихъ всѣ себѣ»; а самъ пошелъ, и принесъ книгу «*октоихъ*», и сказалъ: «этихъ денегъ тебѣ мало, надобно пятьдесятъ левовъ: сорокъ за инструментъ, а десять на сухари; ты возьми сію книгу, и заложи у русскихъ, у Кореневыхъ, и возьми еще двадцать левовъ, а я послѣ выкуплю.» Я упалъ ему въ ноги, заплакалъ, и сказалъ: «отче святый, а вы съ чѣмъ останетесь? вы—люди старые и немощные.» Онъ же отвѣтилъ: «Ты о насъ не пекись; намъ Богъ пошлетъ; мы работаемъ рукодѣліе; а ты иди съ Богомъ. А когда какая еще нужда будетъ, то приходи ко мнѣ: я еще дамъ на сухари; и похаживай ко мнѣ почаще.» Я еще упалъ ему въ ноги, и началъ его просить, да пріиметъ меня жить къ себѣ въ келлію. Онъ же сказалъ: «этого не проси; никто съ нами не можетъ жить, и нашей жизни вмѣстить: намъ опредѣлено двоимъ скончать свою жизнь.» И взявши благословеніе, я вышелъ. И много удивлялся, какъ они живутъ, яко птицы, отнюдь ни о чемъ житейскомъ попеченія не имѣютъ; но всю свою надежду положили на единаго Господа Бога, и со единымъ своимъ Создателемъ бесѣдуютъ, и приносятъ свои теплыя молитвы о всемъ мірѣ и о всякой душѣ христіанской. Я пошелъ на келлію къ Кореневымъ, и отдалъ имъ книгу; они еще мнѣ своихъ дали десять левовъ. Потомъ я пошелъ къ отцу Павлу хромому, и сказалъ ему, что хощу жить на его колибѣ. Онъ же весьма радъ былъ, и привелъ меня къ

ней, и сказалъ: вотъ, любезный братъ, живи, да Бога моли.

121. И вселился я въ сію пустынную колибу съ благословеніемъ отца моего духовнаго, и купилъ себѣ ложечный инструментъ и сухариковъ, а вода близко, изъ камене изведена св. Іоанномъ Предтечею; во имя его и келлія выстроена. И поможилъ я начало — жить одному со единымъ Богомъ; и началъ учиться помаленьку работать ложечки; а отцы и братія аѳонскіе стали меня посѣщать, и приносить мнѣ нужное къ житію, овые — изъ пищи, овые — изъ посуды, а кто — изъ одежды; и началъ жить и радоваться, и благодарить Господа Бога моего и Владыку, Царя Небеснаго, и Пречистую Его Матерь, Пресвятую Владычицу нашу, Богородицу, за Ихъ неизреченныя ко мнѣ милости. Ибо чего просилъ и желалъ съ самой юности, то̀ все получилъ. Желалъ оставить суетный міръ со всѣми его прелестями: Господь и освободилъ. Желалъ и искалъ узнать едину православную Христову вѣру и единую Св. Соборную Апостольскую Христову Церковь: Господь мнѣ показалъ, и къ ней присоединилъ. Желалъ видѣть св. и пресловутую Аѳонскую Гору: Господь привелъ и жить въ ней. Желалъ найдти и имѣть себѣ старца и отца духовнаго, въ иноческой жизни искуснаго: и Господь далъ мнѣ старца прозорливца. Желалось пожить единому въ пустыни: и того Господь сподобилъ. Желалъ, чтобы никого не отяготить: и Господь далъ мнѣ малое рукодѣліе, которое довольно къ моему пропитанію; только теперь единаго не получилъ, еще не сподобился постричься въ совершенный иноческій чинъ: но имѣлъ надежду на Господа

моего, Іисуса Христа, и на Пречистую Его Матерь, что и въ томъ не оставятъ меня, но со-временемъ и тò сподобятъ получить.

Сія колиба принадлежитъ къ монастырю *Ставроникитъ,* разстояніемъ отъ монастыря полторы версты, подлѣ келліи Іоанна Предтечи. Въ 1839 году келлія сгорѣла; ибо лѣтомъ былъ пожаръ, и сгорѣло много лѣсу, до двухъ тысячъ масличныхъ древъ, и сія келлія; а колиба осталась, ибо она стоитъ на скалѣ: внизу, какъ подъ стѣной, шумитъ море, а съ другой страны стоитъ гора, какъ стѣна; а съ третьей страны горѣлая келлія и мало древъ и неприступная скала; а съ четвертой страны висячій камень; изъ-подъ него течетъ вода; и никуда ничего не видно: ни Аѳона, ни монастырей, ни келлій; только къ востоку открыто великое море, и на немъ синѣются острова; а отъ запада нависла гора, какъ стѣна; а подо мной шумитъ морская вода, и вокругъ меня горѣлыя древа. Азъ же, яко птица, свилъ на камени себѣ гнѣздо, ни о чемъ не имѣя попеченія: всѣмъ доволенъ и всѣмъ спокоенъ, и успокоились всѣ мои чувства, и успокоились всѣ мои помыслы, и живу въ радости и веселіи, какъ въ раю, припѣвая съ Пророкомъ Давидомъ: *се удалихся бѣгая, и водворихся въ пустыни, чаяхъ Бога спасающаго мя* (Пс. 54, 8). И церковная ластовица, св. Іоаннъ Дамаскинъ, утѣшаетъ меня, воспѣвая сице: *пустыннымъ животъ блаженъ есть: Божественнымъ раченіемъ воскриляющимся.* Ант. гл. 5. И паки: *пустыннымъ непрестанное божественное желаніе бываетъ міра сущимъ суетнаго кромѣ.* Ант. гл. 1. Когда проживалъ я въ такой тишинѣ и безмолвіи, радуяся и веселяся: вышелъ изъ моей памяти

міръ со всѣми своими прелестями, и сдѣлался я какъ природный гражданинъ св. Горы Аѳонскія. Каждую субботу ходилъ на Карею съ прочими отцами, и продавалъ свое убогое рукодѣлье, свои плохенькія ложечки, и покупалъ себѣ потребное къ житію, а сухари покупалъ больше въ Иверскомъ монастырѣ. Часто посѣщалъ своего духовнаго отца Арсенія, и получалъ отъ него наставленія на совершенное иноческое житіе, и всегда исходилъ отъ него съ неизреченною радостію; многажды и ночевалъ у нихъ, и присматривался къ ихъ жизни, и никогда не могъ замѣтить, чтобы они когда въ нощи спали: но всю нощь препровождали въ бдѣніи, или въ келейной молитвѣ, или прохаживались. Въ самую полунощь входили въ церковь, и читали полунощницу, а потомъ утреню; и такъ провождали всю нощь въ молитвѣ. Отъ нихъ всегда я ходилъ мимо вратъ монастыря Иверскаго, и получалъ отъ вратаря хлѣбъ. Когда же случался въ какомъ монастырѣ или въ скиту храмовый праздникъ или торжество,—я съ прочіею братіею ходилъ туда, и торжествовалъ духовно и тѣлесно, и разсматривалъ зданія и иконное стѣнное писаніе, и прочую святогорскую аѳонскую лѣпоту, и лобызалъ всѣ святыни, чудотворныя иконы и св. мощи, и прочія достопамятныя вещи. И тако посѣщая святогорскія обители и прочія монашескія жилища, я изслѣдовалъ всю св. Аѳонскую Гору, и разсмотрѣлъ ея красоту: пречестныя св. великія лавры и великія царскія св. обители, монастыри и кановіи, и великіе скиты и келліи, и отшельническія пустынныя колибы, и великія прекрасныя удолія, усѣянныя монашескими келліями и колибами, усаженныя разнообразными ве-

личными прекрасными садами, масличными и виноградными, и смоковничными и орѣховыми древами. Каждая келлія и колиба имѣетъ по три и по пяти кипарисовъ, которые неизреченную красоту придаютъ св. Горѣ Аѳонской. Каждая келлія преизобилуетъ водою: по одному и по два журчатъ источника. Со страхомъ и радостію часто повторялъ я сіи словеса: «Воистинну сей есть домъ Божіей Матери! Воистинну сей есть рай едомскій, изъ негоже Адамъ изгнанъ бысть; азъ же грѣшный въ него возвращенъ есмь. О, блажени очи мои, видѣвшія тя, св. Гора Аѳонская, и блажени родители мои, родившіе мя! Сего мои родители, дѣды и прадѣды, не только не видѣли, но почти и не слышали; а мене грѣшнаго сподобилъ Господь въ тебѣ жить, и наслаждаться твоею красотою.» И часто ходилъ по непроходимымъ аѳонскимъ пустынямъ, горамъ и лѣсамъ; и иногда случалось блуждать по половинѣ дня. И такъ посѣтилъ я всю Аѳонскую Гору, и узналъ всѣхъ русскихъ братій и ихъ жилища, и кто какую жизнь проходитъ. Праздникъ Святителя Николая праздновали въ своемъ монастырѣ, Ставроникитѣ. Декабря 21-го ч. была гроза, громъ и молнія; а послѣ выпалъ небольшой снѣгъ.

122. Декабря 23-го, пошли на праздникъ Рождества Христова въ общежительный монастырь *Симопетръ,* который отстоитъ отъ моей колибы на шесть часовъ т. е. на тридцать верстъ, и тамъ гостили два дня. Тамъ въ первый разъ увидѣлъ я чинъ и уставъ и порядокъ аѳонскихъ общежительныхъ обителей, котораго еще отъ роду нигдѣ не видалъ: правятъ и распоряжаютъ благочинно, кротко, тихо и любовно;

и весьма распалился я душею, смотря на равноангельную общежительную жизнь, на смиреніе и кротость тамошнихъ иноковъ: они совершенные и искусные иноки по виду и по обхожденію. Праздновали праздникъ весьма торжественно. Былъ Архіепископъ, двадцать іеромонаховъ и восемь іеродіаконовъ, и до пятисотъ братій. Продолжалось всенощное бдѣніе четырнадцать часовъ. Пѣли пѣвцы доброгласные, все по-гречески. Потомъ Литургія; по Литургіи была всѣмъ трапеза изобильная, съ веліимъ утѣшеніемъ. По трапезѣ мы русскіе пошли въ путь, съ намѣреніемъ ночевать въ русскомъ монастырѣ, посѣтить свою русскую братію на новосельи. А отъ монастыря Симопетра до русскаго монастыря четыре часа ходу, т. е. двадцать верстъ.

123. Пришли въ Руссикъ уже къ самой вечерни: вечерню греки правили въ соборѣ, а русскіе въ своей церкви Святителя Митрофана. По вечерни была трапеза изобильная. Теперь я увидѣлъ русскаго монастыря общежительный чинъ и уставъ; прежде хотя и былъ, но ничего не могъ разсмотрѣть, потому что было многолюдствіе и суета, а теперь только одни свои братія; и столько было благочинно и кротко, что несравненно превосходитъ Симопетръ. Была полна трапеза своей братіи; сидятъ всѣ по чинамъ, каждый чинъ за своимъ столомъ: іеромонахи съ игуменомъ за своимъ; схимонахи и монахи за своими; рясофорные особенно; послушники за своими; безбрадые и младые особливо; прихожіе мірскіе особливо. Пища же всѣмъ одинаковая, какъ игумену, такъ и работникамъ. Предъ каждымъ стоитъ своя чаша съ кушаньемъ и тарелка съ салфеткой, ложка, вилка

и ножикъ, кубокъ вина и стаканъ, и каждому положенъ цѣльный пшеничный хлѣбъ. Каждый сидитъ накрывшись своимъ клобукомъ, и не видитъ единъ другаго, кто противъ него сидитъ, но со страхомъ и молитвою вкушаетъ представленное ему брашно; и ничего больше не слышно, кромѣ чтенія; а жертвенникъ читаютъ на каѳедрѣ высоко. Кто не хощетъ ясти, или вкусилъ до сытости, тотъ руцѣ имѣетъ прижаты къ персемъ и главу наклоненну, и сидитъ со страхомъ, дожидается окончанія трапезы. Я, сидя и смотря на нихъ, не могъ удерживаться отъ слезъ, и столько распалилось сердце мое и растопилась душа моя, что не хотѣлъ изъити изъ обители, но возжелалъ пребывать въ ней до смерти, съ сими земными ангелами, что̀ послѣ трапезы и предложилъ духовнику, отцу Павлу. Онъ же сказалъ, что съ любовію пріиметъ, только ежели благословитъ духовникъ и старецъ Арсеній. И ходилъ я къ духовнику моему Арсенію, и просилъ его, да благословитъ меня въ общежительный русскій монастырь; но онъ мнѣ отказалъ, и сказалъ тако: «будешь въ русскомъ монастырѣ, да послѣ; а теперь живи на своей колибѣ.» И я съ радостію пошелъ на свою колибу, и жилъ во всякомъ спокойствіи духа.

124. На Богоявленіе мы пошли въ Иверскій монастырь. Въ Иверскомъ монастырѣ на Богоявленіе бываетъ каждый годъ торжество и великое стеченіе монашествующихъ. Иверскій монастырь празднуетъ въ годъ три торжества: первое — Успеніе Богородицы; второе—Богоявленіе; третье—во вторникъ на Пасхѣ, Иверской иконѣ Богородицы. И я на Богоявленіе торжествовалъ въ Иверскомъ монастырѣ, и только

тогда, въ первый разъ, увидѣлъ Царицы Небесной чудотворную икону Иверскую, Вратницу Аѳонскую. Ее отъ вратъ на праздникъ перенесли въ соборъ. Послѣ вечерни была Литургія и великое освященіе воды; ввечеру на трапезѣ было сухояденіе. Потомъ началось всенощное бдѣніе, и продолжалось двѣнадцать часовъ. Потомъ — Литургія. Послѣ Литургіи былъ крестный ходъ на море, и носили чудотворную икону Пресвятыя Богородицы Иверскую; надъ нею носили великій зонтикъ съ вызлащеннымъ крестомъ: во Аѳонѣ такой обычай, что надъ всѣми чудотворными иконами, во время крестныхъ ходовъ, носятъ великіе зонтики съ крестами: первое, для защиты отъ дождя и отъ солнца; второе, ради великолѣпія и чести святыни; и мнѣ сей благой обычай весьма полюбился. И Молдавія отъ св. Горы сей обычай приняла: и тамъ во время крестныхъ ходовъ надъ храмовыми иконами носятъ зонтики. И совершали крестный ходъ весьма чинно, по греческому обычаю, со многими крестами и хоругвями и съ фонарами. Былъ Архіерей, пятьдесятъ священниковъ (священники всѣ несли небольшія иконы) и десять діаконовъ; все духовенство было въ бѣломъ облаченіи; мірскіе и работники безпрестанно палили изъ пушекъ и изъ ружей, для бòльшаго торжества. Подлѣ самаго моря святили воду, а по освященіи воды, Архіерей ввергнулъ крестъ въ воду прямо въ море, а крестъ былъ серебряный; и множество мірскихъ людей въ одеждѣ бросились въ море искать крестъ. Нашли и вынесли, и подали Архіерею. Потомъ пошли съ иконами кругомъ монастыря. Послѣ того была всѣмъ трапеза порядочная. И кто тамъ изъ русскихъ не можетъ быть въ радости? Въ Россіи на

Богоявленіе бываетъ зима, холодъ, морозъ; во святой же Горѣ Аѳонской, напротивъ, самый пріятный воздухъ, трава зеленая, и цвѣты цвѣтутъ, лимоны, апельсины и померанцы на древахъ висятъ и поспѣваютъ, и лѣса по большей части одѣты листомъ, и въ огородахъ зеленѣется. Кто не можетъ веселиться и благодарить Господа Бога, что сподобилъ жить въ земномъ раю? На мясопустной недѣлѣ съ сѣверо-востока подулъ холодный вѣтръ, пошелъ снѣгъ, и шелъ десять дней, и напало снѣгу на Кареѣ на три аршина, и много поломало древъ, которыя были съ листомъ. И лежалъ снѣгъ цѣлую недѣлю, потомъ весь растаялъ; у моей же колибы не было ни одной снѣжины, потому что близъ моря весь обращался въ дождь: ибо отъ моря тепло, никогда не бываетъ снѣгу.

125. Наступалъ великій постъ, и во мнѣ родилось неотлагаемое желаніе постричься въ иноческій чинъ. На сырной недѣлѣ пошелъ я къ духовнику, и объявилъ ему свое желаніе, и просилъ его постричь меня. Онъ же сказалъ: «я тебя постригу; только найди себѣ старца, съ кѣмъ будешь жить; теперь ты всѣхъ русскихъ знаешь, кто какой жизни; изъ нихъ одного избери себѣ по совѣсти, и возьми отъ меня благословеніе, и перейдешь къ нему; тогда постригу.» Я ему сказалъ: «отче святый, во всей Горѣ двоихъ избралъ я себѣ по совѣсти, которымъ желаю, какъ старцамъ, быть за ученика, и препоручить свою душу: первый, твоя святыня, а вторый, ученикъ твой, отецъ Іоанникій, Старооскольскій.» Онъ же рече: «Со мною жить не можно; да я тебѣ и безъ того старецъ. А къ отцу Іоанникію ты сходи; попросись у него, и скажи ему, чтобы эту недѣлю попостился, и ты тако-

жде, а въ субботу всѣ приходите причащаться ко мнѣ; и тогда я вами распоряжусь.» Я пошелъ къ отцу Іоаннникію, упалъ ему въ ноги, и началъ просить его, да пріиметъ меня къ себѣ въ ученики; «аще ли буду тягостенъ вамъ въ общежитіи, то буду жить на своемъ содержаніи, только будьте мнѣ за старца, и постригите меня.» Онъ же рече: «я тебя не могу принять, ниже другаго кого, потому что самъ живу подъ старцемъ; ежели онъ благословитъ, то пріиму къ себѣ въ общежитіе: всѣхъ насъ Господь пропитаетъ.» Я тогда ему сказалъ, что̀ слышалъ отъ духовника. Онъ не сталъ противорѣчить. Итакъ, первую недѣлю Виликаго Поста проводивши, въ пятокъ ночевать пошли всѣ къ духовнику. Духовникъ благословилъ меня принять отцу Іоаннникію, а мнѣ къ нему идти. Въ субботу всѣ были причастниками, и было монаховъ человѣкъ пятьдесятъ. Мы же по Литургіи пошли всякъ на свою келлію. И я перебрался съ своей колибы на келлію святаго Пророка Иліи, къ отцу Іоаннникію. Сія келлія тоже принадлежитъ къ монастырю Ставроникитѣ, стоитъ на горѣ, на самой красотѣ: видна половина Горы Аѳонской, и самъ Аѳонъ весь открытъ, а отъ монастыря Ставроникиты полчаса ходу. Кругомъ келліи растутъ пять кипарисовъ, есть великій садъ съ масличными древами, виноградомъ и прочими садовыми древами. Келлія каменная, двухъэтажная, со многими комнатами; есть кухня и гостинница, а внизу погреба и сараи; церковь прекрасная, съ куполомъ, во имя святаго Пророка Иліи, и много иконъ; есть и дворъ, огражденъ каменной стѣной; есть и сарай; дворъ вмѣсто крыши стелется кроватнымъ виноградомъ. И перемѣнилъ я

свою жизнь съ пустынной самоизвольной на скитскую келейную, и сталъ жить въ послушаніи и самоотверженіи и совершенномъ отсѣченіи собственной своей воли. У отца Іоанникія еще кромѣ меня было три ученика. Я былъ у нихъ за повара и за пекаря, и за чтеца и за канонарха. Они же всѣ четверо ученые и доброгласные были пѣвцы, и отправляли службу церковную по монастырскому уставу. И была наша келлія по клиросамъ подобна монастырю. Всѣми меня Господь милостями наградилъ во святой Горѣ Аѳонской, и живу во всякой духовной радости и веселіи!

126. Отца же Іоанникія разсмотрѣвъ, нашелъ въ немъ великаго и ученаго мужа, во внѣшней и въ духовной премудрости искуснаго, въ Божественномъ и отеческомъ писаніи много начитаннаго и свѣдущаго. Хотя и я много читалъ книгъ, но противъ него, какъ капля противъ моря; и по вся часы я отъ него пользовался; что̀ бы отъ него ни спросилъ, скорый давалъ мнѣ отвѣтъ. Онъ весьма былъ кротокъ и снисходителенъ; могъ всѣ немощи наши нести такъ, что я во всю жизнь мою такого кроткаго и терпѣливаго не видалъ; и во всѣхъ добродѣтеляхъ совершенъ былъ; не словомъ училъ, но во всемъ дѣломъ показывалъ, и во всемъ образъ былъ намъ; и словомъ былъ сладкоглаголивъ, твердъ и разсудителенъ, и такую имѣлъ силу въ словѣ, что хотя бы кто былъ каменный сердцемъ, и того могъ уговорить и въ слезы привести, и всякаго могъ увѣщать и наставить на истинный путь; только не доставало того, что былъ не іеромонахъ, и отнюдь не хотѣлъ принять хиротоніи; за то и удалился изъ Россіи, чтобы избѣжать хиротоніи. Росту былъ высокосредняго, власы длинные

свѣтлорусые, борода длинная и широкая, русая, лицемъ чистъ и бѣлъ, и всегда веселъ, взглядъ самый пріятный, но весьма блѣденъ и худощавъ отъ великихъ подвиговъ и отъ слабаго здоровья. Часто съ нами занимался въ духовныхъ разговорахъ, и часто проводили до самой утрени безъ сна. За счастіе почитали, когда онъ съ нами займется такою бесѣдою: тогда мы забывали свое естество и сонъ. И столько прилѣпилось сердце мое къ нему, и возлюбила душа моя его, что за великую потерю считалъ, ежели который часъ его не могъ видѣть, и слышать отъ него полезное слово; когда увидаемъ его лице, забываемъ сами себя. И положилъ я намѣреніе никогда отъ него не разлучаться, даже до смерти. А когда онъ случался боленъ, то мы тѣ дни плакали, и просили Бога, да подастъ ему здравіе. Живя съ такимъ старцемъ, радовался я, и благодарилъ Господа Бога, яко сподобилъ меня быть ученикомъ такихъ великихъ двухъ старцевъ. И толико Божія Матерь утѣшила меня въ святой Горѣ Аѳонской, что хотя бы кто и съ тысячами пришелъ, не былъ бы спокоенъ такъ, какъ я, Душевнымъ и тѣлеснымъ упокоеніемъ удоволенъ; каждый мѣсяцъ по седмицѣ постились, и ходили всѣ къ духовнику Арсенію; у него исповѣдывались и причащались святыхъ Таинъ.

127. На Благовѣщеніе ходили праздновать во святую *Ватопедскую Лавру*, гдѣ было великое стеченіе народу: монаховъ и мірскихъ. И было торжество удивительное, такъ что по всей Горѣ Аѳонской другаго такого не бываетъ; а наипаче утѣшительно для русскихъ и болгаровъ то, что поютъ и читаютъ часть по-славянски: ибо управляютъ правымъ клиросомъ

хилендарцы, болгары. Такого торжества еще въ жизни своей не видалъ, кромѣ какъ во Іерусалимѣ, на Пасху, и въ Виѳлеемѣ, на Рождество Христово. Весь храмъ украшенъ серебряными вызлащенными лампадами и златошвенными пеленами, вышитыми древними греческими царицами и царевнами; и уставленъ многими подсвѣчниками съ великими восковыми желтыми свѣщами. Собраны были изъ всея Горы Аѳонскія доброгласные и ученые пѣвцы. Было болѣе ста іеромонаховъ и до пятидесяти діаконовъ; діаконы всѣ юные, яко ангели, и доброгласные; іеромонахи и іеродіаконы, болѣе гости, со всей Горы Аѳонскія собрались торжествовать праздникъ своей назирательницы, Царицы Небесной; храмъ весь наполненъ монахами, которыхъ было болѣе тысячи, и пѣли всю службу по нотамъ, на-распѣвъ, весьма протяжно. Продолжалось всенощное бдѣніе семнадцать часовъ; присутствовалъ Митрополитъ, живущій въ Ватопедѣ на покоѣ. На бдѣніи подходили всѣ къ чудотворной иконѣ Божія Матери, называемой Ктиторша, и клали каждый по два поклона земныхъ, и прикладывались, и паки по одному поклону; Митрополитъ помазывалъ всѣхъ елеемъ. Канонъ пѣли весь по нотамъ, распѣвомъ, съ канонархомъ. По окончаніи бдѣнія духовенство все облачилось въ алтарѣ; давали каждому отдревле соблюдаемую святыню, отъ честнаго древа кресты, поясъ Пресвятыя Богородицы, крестъ царя Константина и разныя святыя мощи, и прочее неоцѣненное сокровище, и съ хоругвями, со свѣщами и со сладкогласнымъ пѣніемъ, понесли изъ алтаря внѣ храма и кругомъ церкви, и противъ церковныхъ вратъ святили воду, и погружали крестъ самаго

честнаго древа; и поставили ковчеги со святынею на устроенныя нарочито скамьи, и прикладывались всѣ братія ко всей святынѣ, и Митрополитъ кропилъ каждаго святою водою. А послѣ паки всю святыню съ честію отнесли въ алтарь. Ковчеги всѣ сребряные и повызлащенные (*). И какъ внесли въ алтарь, начали часы читать; а потомъ и Литургія была торжественная. По Литургіи раздавалъ Митрополитъ антидоръ, и пили святую воду; потомъ съ иконою и двумя подсвѣчниками пошли въ трапезу, и полна трапеза набилась монаховъ; мірскихъ кормили на дворѣ. Трапеза устроена крестообразная, великая и пространная, вся наполнена иночествующими, а большая часть схимниковъ и пустынножителей; пищи и питія веліе изобиліе, и утѣшеніе таковое, что ни во одномъ святогорскомъ монастырѣ не справляютъ такой трапезы, какъ въ Ватопедѣ. И всѣ отцы аѳонскіе ѣли и утѣшались у Божіей Матери въ гостяхъ, благодаря Ее, Царицу Небесную, и похваляя Ея служителей, отцевъ ватопедскихъ, за ихъ любовь. Отцы же ватопедскіе сами служили, и всѣхъ потчивали: овые хлѣба подкладывали, овые пищи прибавляли, овые вина подливали; начальники же ходили сами, назирали всѣхъ, кланялись и просили, да ядятъ всѣ до сытости. Трапеза вся расписана стѣннымъ иконнымъ писаніемъ высокой греческой работы, весьма ярко. Часто я возводилъ очи мои по трапезѣ, и отъ радости не могъ быть безъ слезъ, яко вижу множество святыхъ

(*) А кто хощетъ знать, какая именно святыня, да прочтетъ книгу Василія Григоровича Барскаго.

отцевъ аѳонскихъ, великое полчище Царицы Небесной, сѣдящихъ и обѣдующихъ у своей Царицы на трапезѣ; и я грѣшный сижу и утѣшаюсь съ ними вмѣстѣ. Не помышлялъ я, что увижу такое торжество гдѣ-либо на семъ свѣтѣ; но Господь сподобилъ меня вмѣстѣ со святыми отцами аѳонскими сидѣть и торжествовать. По трапезѣ раздавали коливо и панагію. И когда востали отъ трапезы (прошло двадцать три часа въ молитвѣ и трапезѣ безъ отдыху), началась вечерня, и вышли изъ трапезы.

128. Да заградятся богохульныя уста моихъ соотечественниковъ, называющихъ себя старообрядцами, глаголющихъ на смиренныхъ грековъ, якобы греки измѣнили древнихъ святыхъ отцевъ преданія, или нарушили ихъ уставы, или по-своему поправили книги. Да пріидутъ и разверзутъ свои очи, и посмотрятъ: не тѣ ли самыя читаютъ греки книги, которыя писали и читали древніе святые Отцы, писанныя на пергаминѣ и на бумагѣ, безъ всякихъ переписокъ и поправокъ и переводовъ, но самые древніе подлинники, по тысящи лѣтъ и болѣе? А хотя есть новописанныя и печатныя, но онѣ съ древними совсѣмъ сходственны, и различія между ими никакого не имѣется. Не самые ли тѣ исполняютъ уставы, которые предали святые Отцы? Во всякомъ монастырѣ уставы преданы ктиторами обители подъ клятвою, и подписаны Патріархами и Царями. Не самыя ли тѣ стоятъ древнія иконы, которыя поставлены самими ктиторами, по тысящи лѣтъ и болѣе? Хотя есть и новыя, но во всемъ подобны древнимъ. Не самые ли тѣ поютъ гласы и напѣвы, которые сочинены святымъ Іоанномъ Дамаскинымъ? Не самыя ли тѣ носятъ облаченія,

которыя шиты греческими царицами и царевнами, и прочими великими лицами? Не самое ли то аѳонскіе отцы носятъ монашеское одѣяніе, какое носили древніе святые отцы аѳонскіе, которое почти во всякомъ монастырѣ отъ разныхъ святыхъ Отцевъ сохраняется? Воистинну, смиренные греки аще и въ неволѣ живутъ, аще и туркамъ дани даютъ, но право имѣютъ древнее свое благочестіе содержати. Оставлю теперь о семъ писать; въ другомъ мѣстѣ подробнѣе опишу святую Восточную Греческую Церковь и ихъ древнее благочестіе, чтобы заградить буесловныя уста раскольниковъ, и показать, что всуе они называютъ себя старообрядцами: совершенно они не старообрядцы, а новообрядцы. А настоящіе старобрядцы—греки, которые содержатъ вѣру, преданную отъ святыхъ Апостоловъ, и имѣютъ свои обряды, преданные имъ отъ святыхъ Отецъ седьми Вселенскихъ Соборовъ, которые и донесь содержатъ безъ всякаго измѣненія.

По трапезѣ кто не хотѣлъ ночевать, тѣмъ давали на путь колива за благословеніе; рыбы же и вина мы не взяли, потому что на келліи свое имѣемъ. И паки стали проживать на своей келліи.

129. Того лѣта прибылъ изъ Молдавіи, изъ монастыря Вороны, прежній мой другъ Аѳанасій; отъискавши меня, радъ былъ весьма, и просилъ меня, чтобы я показалъ хорошаго духовника, взять отъ него благословеніе на жительство въ святой Горѣ Аѳонской; я же проводилъ его къ своему духовнику Арсенію. Духовникъ же, поговоря съ нимъ, приказалъ ему—недѣлю попоститься, а послѣ исповѣдаться и причаститься Святыхъ Таинъ; тогда, сказалъ, и мѣсто назначу, гдѣ жить. Онъ же, попостившись недѣлю, пошелъ къ

духовнику, и тамъ исповѣдался и причастился, и паки къ намъ возвратился, но весьма скорбенъ и печаленъ, и весь въ слезахъ. Мы его спросили: почто такъ скорбенъ? или духовникъ не причастилъ? Онъ же плача отвѣчалъ намъ: « Слава Богу, причастился и исповѣдался, но духовникъ не благословляетъ мнѣ жить въ святой Горѣ Аѳонской, а посылаетъ меня въ Россію, и сказалъ мнѣ, что нѣтъ тебѣ воли Божіей, ни моего благословенія жить въ святой Горѣ Аѳонской, а иди въ Россію, тамъ живи и спасайся. Что̀ я, отцы, теперь буду дѣлать? Я пришелъ въ Святую Гору жизнь свою скончать, а онъ меня высылаетъ.» Мы о немъ весьма соболѣзновали, и пошли всѣ и отецъ нашъ Іоанникій, просить духовника, да оставитъ его въ святой Горѣ Аѳонской. Духовникъ же намъ сказалъ: «Что меня просите? Я Богу не братъ: нѣтъ ему воли Божіей жить въ святой Горѣ Аѳонской; а ежели останется здѣсь, то много потерпитъ скорбей и искушеній, да и не вѣнчается; а ежели пойдетъ въ Россію, тамъ будетъ спокоенъ и спасется; я его силою не посылаю: сказалъ ему волю Божію; а онъ, какъ знаетъ, сотворитъ; только ко мнѣ больше да не приходитъ.» Я же сказалъ: «Отче святый, брата Аѳанасія высылаешь, съ деньгами и рукомесленнаго: а я какъ могу жить? Благослови и меня съ нимъ.» Онъ же рече: «Ты здѣшній аѳонскій; всѣмъ будешь доволенъ и спокоенъ; живи и благодари Божію Матерь; и ты будешь въ Россіи, но еще долго до того: а теперь пусть онъ одинъ идетъ.» Съ тѣмъ мы пошли на свою келлію. Еще онъ жилъ болѣе мѣсяца, ходилъ по святой Горѣ; а послѣ и проводили его со слезами. Онъ же пріѣхалъ паки въ Молдавію, и не захотѣлъ ѣхать въ Россію,

но паки опредѣлился въ монастырь Ворону, жилъ тамъ два года, постригся въ монашество, и нареченъ былъ Александръ; но не могъ успокоиться помыслами, и уѣхалъ въ Россію, и опредѣлился въ Свято-Троицкую Сергіеву Лавру, въ новый скитъ—Геѳсиманію; тамъ рукоположенъ во іеромонаха, и до-днесь живетъ. Еще, когда мы жили во св. Горѣ, оставили насъ два брата, жившіе съ нами, и ушли въ Россію: три года смущались, и отецъ Іоанникій ихъ отговаривалъ; но послѣ духовникъ сказалъ: «больше ихъ не отговаривай и не удерживай; пусть идутъ, и накажутся»; и проводили мы ихъ со скорбію, и остались трое: двое насъ учениковъ, а третій—старецъ Іоанникій. И стали мы проситься, чтобы насъ постригли въ иноческій чинъ. Отецъ нашъ Іоанникій объявилъ объ насъ духовнику, своему и нашему старцу Арсенію. Онъ же сказалъ: «да: уже пора ихъ постричь», и приказалъ седмицу поститься, потомъ прійдти къ нему.

130. И мы, недѣлю попостившись, пришли къ нему въ пустыню, и онъ насъ исповѣдалъ, и на Литургіи постригъ меня перваго, и нарекъ мнѣ имя Памва, т. е. *многостранствующій;* а потомъ и другаго, нарёкъ его Михаиломъ. И были всѣ трое причастники Святыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой. Пôслѣ Литургіи предалъ насъ на сохраненіе и на послушаніе отцу Іоанникію, и сказалъ: «кромѣ моей воли ничтоже творите, пока я живъ буду»; и далъ намъ пространное наставленіе, какъ намъ препровождать жизнь свою въ иноческомъ чинѣ, какъ проходить послушаніе и побѣждать свои страсти и отсѣкать собственную свою волю, открывать свои помыслы своему пастырю, и какъ любить Господа Бога своего, отъ всея души своея и

отъ всего сердца и помышленія своего, и какъ хранить умъ свой въ безпрестанной молитвѣ, и какъ претерпѣвать всѣ скорби и искушенія съ благодареніемъ, и ни въ чемъ не унывать. Мы же, слушая его, не могли удержаться отъ слезъ. Потомъ, получивши благословеніе, пошли на свою келлію, радуяся и веселяся, что пострижены въ ангельскій иноческій чинъ въ св. Горѣ Аѳонской, въ такой глубочайшей пустынѣ, отъ такого великаго старца, и причислены къ великому ополченію Царицы Небесной, ко множеству отцевъ аѳонскихъ.

131. Іюля 5-го, торжествовали въ *Лаврѣ св. Аѳанасія Аѳонскаго*. Такое-же было торжество, какое и въ Ватопедѣ на Благовѣщеніе; только утѣшеніе въ трапезѣ не столь изобильное. Послѣ трапезы собралось насъ человѣкъ двадцать, взяли въ Лаврѣ пищи, каждый ради себя на полтора дня, и просфоръ и вина, и пошли къ самому Аѳону. Отъ Лавры шесть часовъ ходу, чтобы взойдти на самую вершину Аѳона. Проходили мимо пещеры св. Петра Аѳонскаго; потомъ съ трудомъ возлѣзали на гору, ибо ноги катятся по листу внизъ. Шли все лѣсомъ и боромъ сосновымъ, и пришли къ церкви Пресвятыя Богородицы, при которой никто не живетъ, по причинѣ великаго холода. Отъ церкви Богородицы до вершины горы еще часъ ходу, то-есть верстъ пять; около церкви Богородицы каждый изъ насъ набралъ по ношѣ дровъ; и уже къ вечеру пришли на самую вершину. Солнце закатывалось, и пала тѣнь Аѳона чрезъ весь островъ Лимносъ. На самой вершинѣ Аѳона стоитъ небольшая каменная церковь, во имя Преображенія Господня, но такъ тамъ мало мѣста, что кругомъ церкви обойдти

невозможно; только, съ южной стороны, пониже немного, есть небольшая площадка. Мы взошли въ церковь и помолились. Въ ней стоятъ по обѣ страны царскихъ вратъ двѣ большія мѣдныя иконы, одна Преображенія Господня, а другая Божіей Матери. Есть и еще иконы, но на бумагѣ: ибо здѣсь, по суровости воздуха и холода писанная красками на холстѣ икона сохраниться не можетъ. Мы читали тамъ вечерню, и ночевали въ паперти церковной. На-ночь развели большой огонь, но не спали отъ великаго холода, и всю нощь просидѣли подлѣ огня, хотя было и 6-е число іюля, самое лѣто. По-утру читали утреню по уставу; послѣ утрени служили Литургію, пѣли всю по-русски. По Литургіи полюбовались на всю Гору Аѳонскую; ибо отсюда она вся видна какъ на ладони. Когда начало солнце всходить, ударила тѣнь на полуостровъ Кассандру. Подлѣ церкви виситъ желѣзное било; и мы довольно имъ тѣшились, ибо очень въ верху отдаетъ гулъ. Тамъ есть и колодезь воды подлѣ церкви: вода дождевая, но очень холодная; и принято въ обычай пить ее откровенною главою, безъ камилавокъ; ибо называютъ ее агіасмою, то-есть, святою водою. Самая вершина Аѳона голая, одинъ камень, мраморъ. Версты три внизъ никакой зелени и лѣсу нѣтъ, и не можетъ рости, по причинѣ холода; только ростутъ по пропастямъ одни неувядаемые цвѣты, которые монахи и собираютъ для продажи. Но я не только не согласился ихъ собирать, но даже и страшился смотрѣть на тѣ мѣста, гдѣ они ростутъ, — въ самыхъ непроходимыхъ скалахъ и пропастяхъ земныхъ! Но мы тамъ на высотахъ не замедлили, а скоро сошли внизъ, и у церкви Богородицы пообѣдали, и

пришли ночевать паки въ Лавру святаго Аѳанасія. На другой день, къ вечеру, пришли ночевать на свою келлію. И стали проживать трое въ любви и радости, по Евангелію: *идѣже два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ.* Матѳ. 18, 20. И благодарилъ я Господа Бога за Его неожиданно изліянныя на меня милости, что всѣ мои желанія и прошенія исполнялись: далъ мнѣ мѣсто, которое превосходитъ мое недостоинство; далъ мнѣ двоихъ пастырей, искусныхъ великихъ старцевъ, которые просвѣщаютъ всю Гору Аѳонскую своею жизнію, и сподобилъ меня постричься въ иноческій образъ. Теперь, Господи, сподоби въ такой жизни препроводить остальные дни мои, и въ покаяніи скончать животъ мой!

132. Праздникъ св. Иліи Пророка торжествовали на своей келліи: было пять іеромонаховъ, два іеродіакона, за игумена присутствовалъ нашъ старецъ, духовникъ Арсеній; было восемьдесятъ человѣкъ русской братіи. Всенощное бдѣніе пѣли по-русски; продолжалось восемь часовъ. Вечеромъ, по Литургіи, трапеза была очень изобильная, съ веліимъ утѣшеніемъ.

133. Іюля 27-го, праздникъ св. Великомученика Пантелеимона торжествовали въ русскомъ монастырѣ. Всѣ русскіе радовались и веселились, что чрезъ сто двадцать лѣтъ первый годъ сподобились праздновать день св. Пантелеимона въ своей обители, съ своей братіей; служили всѣ въ соборѣ, и было торжество и пѣніе какъ въ прочихъ аѳонскихъ монастыряхъ; множество было іеромонаховъ и іеродіаконовъ, и присутствовалъ Епископъ; были собраны пѣвцы доброгласные, и пѣли и читали все по-гречески, и продолжалось бдѣніе четырнадцать часовъ. Потомъ было освященіе воды

и Литургія. На Литургіи Апостолъ и Евангеліе читали прежде по-гречески, а потомъ по-русски. По Литургіи была трапеза изобильная: монахамъ въ трапезѣ, а мірскимъ среди монастыря. По трапезѣ и отдохновеніи, всѣмъ русскимъ было великое угощеніе. Вечерни были двѣ: греки служили въ соборѣ, а русскіе у Святителя Митрофана. Была вечерня торжественная: не только что русскіе были, но и много грековъ слушали русское пѣніе, и былъ самъ Архіерей. Потомъ пошли въ трапезу, и всѣ мы русскіе въ обители ночевали. Въ первомъ часу съ полуночи начались двѣ утрени, греческая и русская. Пѣли поліелей св. Пантелеимону, и читали его житіе, и продолжалась утреня шесть часовъ; въ свое время была и Литургія, потомъ трапеза; по трапезѣ пошли каждый на свою келлію, и получили благословеніе отъ игумена Герасима, и благодарили за его угощеніе, радушіе и привѣтствіе. Онъ же плакалъ, и благодарилъ всѣхъ за посѣщеніе его обители, и просилъ всѣхъ чаще посѣщать ее. И приказалъ всѣхъ наградить хлѣбомъ и виномъ на путь. Отецъ же Павелъ пошелъ всѣхъ провожать, и со всѣми прощался, и плакалъ; и просилъ всѣхъ не оставлять обитель, но чаще навѣщать. Потомъ онъ воротился въ монастырь, а мы пошли каждый въ свою пустыню.

134. Это было іюля 28-го; а 29-го отецъ Павелъ сдѣлался боленъ, и августа 2-го скончался. И сотворилъ всему русскому монастырю плачъ, русскимъ и грекамъ: русскіе плакали, что лишились пастыря своего и всей русской обители; греки плакали, что лишились великаго старца изъ русскихъ. Игуменъ Герасимъ разослалъ русскихъ братій по всей Горѣ

Аѳонской созывать всѣхъ великороссіанъ на погребеніе отца Павла. Кто изъ русскихъ, услышавши сію плачевную вѣсть, могъ не плакать? По всей Горѣ русскіе встревожились, всѣ съ своими торбами забѣгали, плакали и рыдали, и въ русскій монастырь поспѣшали. Думали русскіе, что, лишившись отца іеросхимонаха Павла, лишились и своего пристанища и своей матери, русской обители: не имѣли надежды найдти себѣ другаго человѣка во св. Горѣ, подобнаго Павлу, кто бы могъ жить въ русскомъ монастырѣ, вмѣстить строгую общежительную жизнь, и править церковію и братіею. Но не бойтеся, русскіе: хотя и скончался отецъ Павелъ, но живъ духовникъ Арсеній. Онъ пошлетъ человѣка, который управитъ еще лучше Павла. Всѣ мы пришли въ русскій монастырь и выплакивали всеобщую скорбь; только одинъ духовникъ Арсеній былъ бодръ, всѣхъ утѣшалъ, и говорилъ, что Господь и Божія Матерь не оставятъ сію обитель безъ русскихъ, но пошлютъ человѣка, который управитъ сію обитель, и украситъ ее лучше Павла. Потомъ начали отпѣвать усопшаго въ соборѣ св. Пантелеимона; на погребеніи было десять іеромонаховъ русскихъ и пятнадцать грековъ; игуменъ Герасимъ такъ плакалъ, что едва могъ читать; пѣли пополамъ: по-гречески и по-русски. Архимандритъ Прокопій сказывалъ надгробное слово, въ которомъ объяснилъ скорбь русской обители, и ублажилъ отца Павла и понесенные имъ подвиги и труды и гоненіе въ теченіе тридцати-шести-лѣтней его жизни въ св. Горѣ Аѳонской; ублажилъ его глубочайшее смиреніе, которымъ удивилъ всю братію, — ибо хотя самъ былъ прежде игуменомъ, но такъ былъ смиренъ, что всѣмъ

былъ послушникомъ. А послѣ произнесъ такое слово: что хотя и скончался отецъ Павелъ, но не кончилась его память, и будетъ пребывать вѣчно: онъ есть ктиторъ сей обители и начальникъ, и основатель, и положилъ свои кости фундаментомъ и залогомъ, чтобы русскимъ пребывать въ ней навсегда; и иное многое говорилъ. Всячески убѣждалъ русскихъ, чтобы не оставляли свою русскую обитель, но всегда къ ней прибѣгали, какъ къ родной своей матери и къ тихому пристанищу. Всѣ русскіе плакали, и греки рыдали, и похоронили русскаго игумена, схимонаха Павла, въ общей братской гробницѣ, при церкви св. Апостолъ, рядомъ съ старцемъ схимонахомъ, іеродіакономъ Венедиктомъ, сто-шести-лѣтнимъ. Жизнь отца Павла опишу послѣ, гдѣ скажу и о прочихъ отцахъ аѳонскихъ. По погребеніи была трапеза изобильная. По трапезѣ всѣхъ позвали на гостинницу; и игуменъ Герасимъ началъ со слезами говорить: «Теперь, отцы святые, у насъ сдѣлался союзъ неразрушимый во вѣки, и опредѣлилъ Богъ вамъ русскимъ вѣчно въ сей обители пребывать: потому что принялъ васъ русскихъ блаженной памяти нашъ старецъ и учитель, схимонахъ іеродіаконъ Венедиктъ, и по принятіи прожилъ только сорокъ дней, и скончался; такожде и блаженной памяти іеросхимонахъ и игуменъ, отецъ Павелъ, взошелъ въ нашу обитель, и русскихъ съ собою ввелъ, и самъ скончался; такъ они оба заключили и своею смертію запечатлѣли, чтобы вѣчно намъ грекамъ съ вами русскими жить, и другъ друга тяготы носить. Прошу васъ, отцы, при такомъ нашемъ несчастіи не оставить, и преподайте намъ благой совѣтъ: теперь остались у насъ въ обители ваши

русскіе безъ пастыря; изберите изъ числа васъ достойнаго мужа, который бы могъ управить братіею; и будетъ ему равная честь, какая была отцу Павлу.» Отцы же наши отвѣчали ему: «Мы, отче святый, распоряжаться вашимъ общежительнымъ монастыремъ не можемъ; а у васъ есть свои русскіе братія: съ ними совѣтуйтесь: они всѣхъ знаютъ русскихъ во св. Горѣ, кто ими можетъ управить. Еще есть у насъ общій духовникъ: съ нимъ совѣтуются.» Духовникъ же Арсеній сказалъ: «О семъ послѣ будемъ говорить и совѣтоваться. Богъ не оставитъ сію обитель безъ человѣка, но дастъ такого мужа, который устроитъ и украситъ сію обитель.» И такъ разошлись по своимъ пустыннымъ келліямъ. Игуменъ же Герасимъ ежедневно призывалъ русскую свою братію, и понуждалъ ихъ, да изберутъ себѣ пастыря. Братія же ему сказали: «Отче святый, хотя и много въ св. Горѣ русскихъ, но нѣтъ такого человѣка, который бы могъ вмѣстить общежительные наши уставы, и править церковію и братіею; только одного находимъ, духовника Арсенія, который все можетъ вмѣстить и управить. Да еще есть ученикъ его, монахъ Іоанникій, который можетъ управить церковію и братіею; только не знаемъ, вмѣститъ ли общежитіе наше: ибо онъ имѣетъ свою келлію и двухъ учениковъ.» Игуменъ послалъ ихъ просить духовника Арсенія въ русскій монастырь жить. Они же прежде пришли къ намъ, и начали звать нашего старца отца Іоанникія съ нами къ себѣ жить. Нашъ же старецъ совершенно имъ отказалъ, сказавъ: «Хотя и люблю вашу св. обитель за вашу строгую жизнь; но жить къ вамъ идти никакъ не согласенъ: потому что принять рукоположенія никакъ

не соглашусь; для того удалился и изъ Россіи, чтобы избѣжать іеромонашества. Еще по слабости моего здоровья не могу вмѣстить вашего строгаго общежитія.» Братія пошли къ духовнику Арсенію, и со слезами стали его просить, дабы онъ самъ пошелъ къ нимъ въ монастырь. Духовникъ же имъ сказалъ: «Меня и не просите, и нижѐ поминайте; я не изъиду изъ своей пустыни, и не оставлю моихъ чадъ, живущихъ по келліямъ и по пустынямъ. А вы изберите другаго, кого знаете.» Они же съ плачемъ говорили: «отче святый, изъ всей Горы Аѳонскія мы избрали только васъ двоихъ: или вы идите, или благословите ученика своего, отца Іоанникія съ учениками.» Духовникъ подумалъ, и сказалъ: «Это великаго стоитъ, потревожить отца Іоанникія съ учениками, потому что они живутъ спокойно: имѣютъ свою келлію, и всякаго заведенія у нихъ много; развѣ будетъ воля Божія. Вашъ монастырь общежительный и Богу близокъ; пусть эту недѣлю всѣ братія постятся и молятъ Бога и Божію Матерь, а потомъ прійдите ко мнѣ: ежели будетъ воля Божія, тогда я объявлю вамъ, и пошлю его, хотя бы онъ и не хотѣлъ.» Братія съ радостію пошли въ монастырь, и сказали игумену, что̀ слышали отъ духовника. И игуменъ заповѣдалъ всей братіи, да постятся недѣлю, и готовятся къ причащенію, и да просятъ Бога и Божію Матерь, да дастъ человѣка, который да будетъ на пользу обители. Черезъ недѣлю всѣ причастились Святыхъ Таинъ. И русскіе паки пошли къ духовнику Арсенію. Онъ же съ радостію ихъ принялъ, и радостно имъ возвѣстилъ: «Есть воля Божія отцу Іоанникію быть въ русскомъ монастырѣ. А вы ступайте въ монастырь, и скажите игумену,

чтобы выслалъ старшую братію на Карею сдѣлать уговоръ.» Получивши сію радостную вѣсть, братія пошли въ монастырь, и сказали игумену. Игуменъ же съ братіею возрадовались, и отпѣли благодарственный молебенъ. Старшіе братія поѣхали на Карею.

135. Мы же со своимъ старцемъ Іоанникіемъ ничего не знаемъ; вдругъ приносятъ намъ отъ духовника записку, чтобы всѣ трое явились къ нему. Мы удивились, за чѣмъ насъ всѣхъ троихъ къ себѣ зоветъ не во-время: когда пришли къ нему, онъ приказалъ взойдти намъ въ церковь, надѣлъ на себя епитрахиль, и началъ говорить: «отецъ Іоанникій, Господь тебя благословляетъ: иди въ общежитіе въ русскій монастырь съ своими учениками; и продавайте свою келлію.» Мы, слышавши сіе, восплакали, а Отецъ нашъ Іоанникій палъ предъ нимъ на землю, и сталъ ему говорить: «Отче святый, почто ты наводишь на меня скорбь выше силъ моихъ? Ты знаешь, что я за тѣмъ и удалился изъ Россіи, чтобы избѣжать хиротоніи; да еще тебѣ извѣстно мое слабое здоровье; я и на келліи всегда бываю боленъ: какъ я могу все перенести въ общежитіи? Какъ я могу вмѣстить? Какъ я могу перенести греческую пищу, которая моему тѣлу вредна? Еще посылаешь меня управлять такимъ народомъ: а я едва могу управить двоими: и ихъ бы не принялъ, но только ради того, что служатъ мнѣ при слабомъ здоровьѣ; я пришелъ въ святую Гору Аѳонскую не начальствовать, а въ пустыни и безмолвіи проводить жизнь свою, достигнуть того, для чего я оставилъ міръ, то-есть, побѣдить страсти, и соединиться съ Богомъ. И мы теперь об-

жились, успокоились: а ты хочешь нашу жизнь разрушить.» Когда отецъ Іоанникій говорилъ сіе, мы стояли на колѣнахъ, плакали и рыдали. Духовникъ же паки началъ говорить: «Всякая вещь добра въ свое время: добро бѣгать хиротоніи, добро и принять во славу Божію, ежели Господь избираетъ. Сколько зло есть искать хиротоніи, столько зло противиться волѣ Божіей. А что ты слабъ здоровьемъ, то Господь знаетъ лучше тебя; въ Его рукахъ состоитъ весь животъ нашъ: когда Онъ тебя избралъ, Онъ тебѣ подастъ и здравіе. А что ты говоришь, что ты въ пустынѣ хочешь побѣдить страсти, и достигнуть соединенія съ Богомъ, это такъ: достигаютъ и въ пустыни, аще будутъ по волѣ Божіей жить; но въ общемъ житіи обое можно скорѣе получить, потому что пустыня только усыпляетъ, а общежитіе до конца умерщвляетъ страсти, и погребаетъ въ смиреніи и въ послушаніи и въ отсѣченіи собственной воли; а когда умертвятся въ насъ страсти, тогда и обрящемъ душевное спокойствіе, и соединимся съ Богомъ. И нигдѣ не можно найдти настоящей монашеской жизни, кромѣ общежитія. Еще, ты только хочешь двухъ спасти: иди, спаси двадцать, а современемъ пятьдесятъ. Ты долженъ о всѣхъ имѣть попеченіе; тебѣ подобаетъ устроить русскую обитель, и тобою она прославится. Больше волѣ Божіей не противьтесь. Теперь иди на Карею, и переговорите съ греками, о чемъ вамъ нужно; и перебирайтесь въ монастырь: Господь васъ благословитъ.» Мы вышли со слезами, и воротившись на свою келлію, посидѣли и поплакали. Тотъ-же часъ пришли изъ русскаго монастыря, и позвали насъ на Карею; и мы пошли,

и поговорили, о чемъ намъ нужно. Они согласились на всю нашу волю.

136. Потомъ на монастырскихъ мулахъ поѣхали въ монастырь, и встрѣтили насъ со звономъ всѣ братія; и пошли въ соборную церковь съ пѣніемъ. Вынесли изъ алтаря крестъ честнаго древа и главу святаго Пантелеимона, и икону Святителя Митрофана, и поставили среди церкви на аналояхъ. Потомъ пошелъ нашъ старецъ отецъ Іоанникій, и по обычаю, поклонялся, и лобызалъ прежде честное древо, потомъ главу святаго Пантелеимона, а послѣ икону Святителя Митрофана; потомъ сдѣлалъ три поклона среди церкви, потомъ поклонился игумену, и лобызалъ руку его. Потомъ мы пошли прикладываться, и творили такожде. Потомъ всѣ братія насъ привѣтствовали. Потомъ всѣ пошли на гостинницу, и сдѣлали намъ угощеніе; тамъ и ночевали. По-утру взяли отъ игумена благословеніе на двѣ недѣли, распорядиться келліей. И пришедши на келлію, дали всѣмъ повѣстку бѣднымъ, да приходятъ и берутъ, кому что нужно. И было у насъ на келліи двѣ недѣли какъ праздникъ; два человѣка готовили пищу, и всѣхъ кормили, и виномъ угощали, потому что у насъ было всего довольно: на годъ всего было запасено, муки, рыбы, масла и вина. И Божіею милостію мы все раздали и расточили, оставили только, что́ нужно для монастыря, нужныя книги и дорогія ризы, и себѣ нужную одежду; потомъ продали и келлію. И приведены были изъ монастыря двѣнадцать муловъ, и мы уложили на нихъ всѣ свои вещи, и сами сѣли, и переѣхали въ русскій монастырь 20-го октября. Дали намъ келлію, гдѣ мы желали, въ четвертомъ этажѣ, при церкви святаго Великомуче-

ника Димитрія Солунскаго, три келліи рядомъ, повыше, ради того, что посвѣтлѣе, и воздухъ почище.

137. И стали мы проживать, и во всемъ общежительнымъ уставамъ подражать, и всѣ свои келейныя привычки оставлять и забывать; и перемѣнили свою жизнь съ келейной на монастырскую общежительную. И столько мы сдѣлались покойны и мирны сердцемъ, что ежечасно благодарили Господа Бога, яко освободилъ насъ отъ житейскихъ и келейныхъ попеченій о пищѣ, объ одеждѣ, о своемъ здравіи: пища готовится въ трапезѣ, а одежду даетъ всю игуменъ; когда заболимъ, есть больница, и присматриваютъ о больныхъ лучше, нежели родные; и мы всегда въ радости и въ веселіи и въ совершенномъ спокойствіи своей совѣсти совершали каждый свое послушаніе съ Іисусовою молитвою. Службу церковную завели по обычаю греческому, продолжительную, и стали утѣшаться, подобно какъ въ раю, или какъ ластовица весною, въ пѣніи и въ чтеніи и въ маломъ послушаніи; и пошло у насъ время такъ скоро, что не увидимъ, какъ недѣля проходитъ. Каждую седмицу причащались святыхъ Таинъ, а иногда и дважды.

138. Здѣсь хощу сказать вещь, невиданную въ Россіи. Во св. Горѣ Аѳонской соблюдается обычай отъ древнихъ временъ, откапывать кости умершихъ, чрезъ три года послѣ смерти. Которыхъ кости обрѣтаются желтыя и свѣтлыя, яко восковыя или елейныя, противнаго запаха не испущающія, а иногда и благоуханныя, тѣ признаются за людей богоугодныхъ; сіи кости тлѣнію не предаются. Которыхъ кости обрѣтаются бѣлыя, трухлявыя, истлѣвающія, о тѣхъ

полагаютъ, что находятся въ милости Божіей. Кости черныя, овыя же и смердящія, признаются за кости людей грѣшныхъ. О таковыхъ болѣе творится поминовеніе, и братія молятся, чтобы Господь даровалъ прощеніе грѣховъ ихъ. Овогда обрѣтаются тѣла не истлѣвшія, цѣлыя, но черныя и смрадныя; сіи признаются за людей, связанныхъ родителями или духовными отцами, т. е. находящихся подъ клятвою. Надъ ними читаются разрѣшительныя молитвы; и паки зарываютъ ихъ въ землю, и по прошествіи четыредесяти дней паки откапываютъ, и обрѣтаются однѣ уже бѣлыя кости. Читаютъ же разрѣшительную молитву, по принятому обычаю, духовные отцы; а ежели не послѣдуетъ разрушенія, и тѣло не предается тлѣнію, то приглашаютъ читать молитву Епископа или Митрополита. Иногда разрѣшительную молитву испрашиваютъ отъ самого Патріарха. Таковымъ случаямъ я самовидѣцъ былъ во св. Горѣ Аѳонской. Такой обычай имѣется и въ Молдавіи, такожде въ Валахіи, въ Болгаріи и по всей Греціи; токмо не повсюду откапываются тѣла умершихъ чрезъ три года по смерти, а чрезъ большее число лѣтъ, напр. въ Молдавіи чрезъ семь лѣтъ.

139. Ноября 7-го числа мы пошли на *келлію святыхъ Архангеловъ*, что̀ подъ монастыремъ Ставроникитою. Тамъ, послѣ малой вечерни, открыты были кости блаженной памяти схимонаха Никодима, друга и духовнаго брата нашему старцу отцу Іоанникію и по плоти родственника. Когда ихъ вынули и обмыли, оказались желты, яко воскъ, и испустили нѣкое благоуханіе, чему всѣ весьма возрадовались, и прославили Бога. А наипаче возрадовался его старецъ и духо-

вникъ, отецъ Арсеній, и послалъ скоро за роднымъ его братомъ, монахомъ Филиппомъ, который боялся несчастнаго случая, и не пришелъ съ своей келліи на сіе торжество. Когда же пришелъ, то много плакалъ отъ радости; отпѣли панихиду, и поставили кости въ кошницѣ среди церкви; и была всѣмъ изобильная трапеза. Съ вечера начали всенощное бдѣніе. Когда начали пѣть «*хвалите имя Господне*», тогда ощущено было благоуханіе по всему храму и на дворѣ, чему всѣ братія весьма удивились, и начали между себя переговаривать, такожде и въ алтарѣ, и вси недоумѣвали, отчего такое благоуханіе происходитъ. Нашъ же старецъ отецъ Іоанникій со свѣчею подошелъ къ костямъ, и увидѣлъ, что изъ сухой кости, изъ главы, изъ тѣхъ отверстій, гдѣ были уши, истекаетъ муро, подобное елею, и испускаетъ неизреченное благоуханіе. Онъ велѣлъ перестать пѣнію, и сказалъ всѣмъ: «пріидите, отцы и братія, и посмотрите своими очами сію дивную вещь, и прославьте Творца Небеснаго.» Всѣ, видѣвши сіе, возрадовались, и прославили Бога, творящаго дивная чудеса. Онъ же (Іоанникій), говорилъ братіи: «Отцы святые, почему такъ изъ сухой кости истекло благовонное сіе муро? Почему не изъ другаго какого мѣста, а только изъ ушей? Тому, должно полагать, причина та, что эти уши не имѣли сытости слушать слово Божіе и всякое благочестивое писаніе. Всѣ вы знали сего блаженной памяти отца Никодима, какой онъ былъ искусный чтецъ и пѣвецъ, такъ что другаго подобнаго ему изъ русскихъ въ святой Горѣ Аѳонской не обѣтается: такъ онъ любилъ слушать Священное Писаніе, что ежели бы кто ему читалъ день и нощь, онъ никогда не могъ утомиться

и насытиться. А мнѣ потому сіе извѣстно, что мы съ нимъ изъ одного града урожденцы; съ самой юности онъ былъ мнѣ другъ и духовный братъ, и вмѣстѣ мы съ нимъ оставили суетный міръ съ его прелестями: нѣсколько лѣтъ странствовали и проживали по россійскимъ монастырямъ; вмѣстѣ пришли въ сію святую Аѳонскую Гору; и хотѣли здѣсь въ единой келліи жить вмѣстѣ, и остальные свои дни проводить; но ученики наши насъ разлучили. Часто случалось, что по цѣлой ночи я ему читывалъ; и самъ онъ мнѣ говаривалъ: «столько люблю слушать Божественное Писаніе, что ежели бы кто читалъ непрестанно, мнѣ никогда бы не соскучилось.» Теперь, отцы, явно показалъ намъ Господь, сколь полезно намъ слушать Божественное Писаніе: сія сухая кость, лежавшая три года въ землѣ, источаетъ такое благовонное масло. Но отецъ Никодимъ былъ не только слушатель, но и творецъ: все слышанное тщился исполнить дѣломъ; для того и оставилъ свое отечество, славную Россію, и удалился въ сіе тихое пристанище, въ святую Аѳонскую Гору, и вселился въ сію пустыню, да поработаетъ Господу Богу своему безъ всякихъ препятствій отъ міра сего. И мы, отцы, ежели будемъ подражать сему блаженной памяти схимонаху Никодиму, слушать Святое Писаніе и исполнять его дѣломъ, и мы сподобимся съ нимъ вѣчнаго блаженства. Аминь.» Послѣ всенощнаго бдѣнія было освященіе воды. Потомъ Литургія. По Литургіи всѣмъ была изобильная трапеза.

140. Мы же по трапезѣ пошли въ свой монастырь. Ноября 15-го пріѣхалъ на поклоненіе въ св. Гору Аѳонскую Григорій, Митрополитъ Адріанопольскій, и

прибывъ въ нашъ монастырь, остался погостить. Игуменъ его попросилъ хиротонисать двоихъ въ іеромонахи, на что Митрополитъ охотно согласился. Игуменъ послалъ отца Іоанникія къ духовнику Арсенію, чтобы принесъ записку, и взялъ благословеніе принять хиротонію. Онъ сходилъ и принесъ; и ноября 18-го рукопложенъ во іеродіакона, а 21-го, на Входъ Божіей Матери, хиротонисанъ въ іеромонахи; тогда же назначенъ и духовникомъ. Еще и другаго русскаго рукоположили изъ іеродіаконовъ въ іеромонахи, именемъ Іезекіиля; и стали ежедневно служить двѣ Литургіи по-русски.

141. И начали мы жить и радоваться, и благодарить Господа Бога и Пречистую Его Матерь, Дѣву, Богородицу Марію. И стали во всемъ примѣръ брать съ смиренныхъ грековъ, во всемъ имъ подражать, и всегда отъ нихъ пользоваться. Со страхомъ и благоговѣніемъ мы смотрѣли на ихъ подвиги, и удивлялись, какъ они живутъ: совершенно умерли міру, и пригвоздили свою плоть на крестѣ послушанія; совершенно отсѣкли свою волю, и умертвили свои страсти; взошли на высочайшую степень любви, и потонули въ безднѣ смиренія и въ слезахъ своихъ. Я ежедневно съ ними бывалъ на послушаніи; часто съ ними ночевалъ, и всматривался въ ихъ жизнь: и всѣ они совершенно беззлобивые младенцы; какъ ударяютъ въ доску на послушаніе, то они всѣ скоро идутъ; что̀ я говорю! идутъ? — не идутъ, а бѣгутъ всѣ: іеродіаконы, іеромонахи и духовники, и схимники, и сѣдинами украшенные старцы, еще впереди. Пастырь же и отецъ, игуменъ, стоитъ во вратахъ, и всѣхъ распоряжаетъ и благословляетъ на послуша-

ніе; старикамъ же часто говоритъ: « отцы! уже вы не ходили бы на послушаніе, а сидѣли бы по своимъ келліямъ; уже вы потрудились въ своей жизни, а теперь пусть молодые потрудятся.» Они же падаютъ предъ нимъ на землю, и ноги его слезами омочаютъ, и просятъ его: « Отче святый, не отлучай насъ отъ братіи нашей; не лиши насъ св. послушанія, пока имѣемъ хотя немного силы, и ходятъ наши ноги, и дѣйствуютъ наши руки; чтὸ можемъ, потрудимся.» Игуменъ же скажетъ: « Богъ васъ благословитъ: идите, трудитесь; я отъ жалости вамъ сказалъ.» Они же, идуще и радующеся, и насъ младыхъ предваряюще, по горамъ и по камешкамъ попрыгиваютъ, какъ бѣлыя овечки; сѣдинами украшены, а сами всегда веселы, только очи наполнены слезъ. Младые же весьма кротки, смиренны, молчаливы, и главы свои имѣютъ всегда наклоненны, но весьма проворны, и всякое дѣло творятъ безъ лѣности, съ стараніемъ. На послушаніи одинъ другаго не понуждаютъ, но каждый дѣлаетъ по своей волѣ и силѣ, кто что можетъ; еще удерживаютъ, и часто повторяютъ сіе слово: олигу, олигу, т. е. помалу, помалу; и часто приказываютъ отдыхать; но сами безпрестанно трудятся: хощетъ всякій поработать за брата своего. Вотъ гдѣ познается совершенная любовь, по которой каждый готовъ положить душу свою за брата своего. Когда сядемъ обѣдать, то каждый печется о братѣ своемъ, чтобы былъ доволенъ, и свою часть подкладываетъ другому. Я иногда скажу: « отче, а самъ чѣмъ ты будешь сытъ?» Онъ мнѣ отвѣтитъ: « ты о мнѣ не пекись: я уже сорокъ лѣтъ живу въ монастырѣ; ко всему привыкъ.»

142. И многіе изъ нихъ достигли совершенства, очистили внутренняго человѣка, и получили отъ Бога разные дары Св. Духа. Мнѣ многажды случалось отъ нихъ принять обличеніе въ тайныхъ моихъ помыслахъ, слышать отъ нихъ наставленіе; хотя ни единаго слова по-русски не знаютъ, но такъ скажутъ, что русскому такъ не сказать, а послѣ паки не знаютъ. Нощію никогда не раздѣваются, но въ подрясникахъ и камилавкахъ спятъ; многіе не ложатся на ребра, но сидя спятъ. Въ келліяхъ своихъ на послушаніи никогда не разговариваютъ, но въ молчаніи свое дѣло исполняютъ. Часто изъ устъ ихъ слышатся сіи слова: *Киріе Іису Христе, Ие Θеу, елейсон имасъ; т. е. Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ.* Я, окаянный смотря на нихъ, удивлялся, и часто умилялся и плакалъ, и благодарилъ Господа Бога моего, Царя Небеснаго, что сподобилъ мнѣ на земли видѣть во плоти Ангеловъ и небесныхъ человѣковъ, и ангельскому житію подражателей, ни о чемъ земномъ и тлѣнномъ не пекущихся, ниже помышляющихъ, но умертвившихъ свою плоть со страстьми и похотьми. Возлюбили они Господа Бога своего отъ всея души своея и отъ всего помышленія своего, и оставили суетный міръ со всѣми его прелестями, и отверглись себя совершенно, отдались въ монастырь въ послушаніе, отреклись своей воли, взялись нести крестъ скорбей и напастей, и идутъ во слѣдъ Христа; только и дожидаются, когда разрѣшатся съ плотію, и пойдутъ къ возлюбленному Господу, Царю Небесному.

143. Каждый день исповѣдуютъ свои помыслы отцамъ своимъ духовнымъ. Каждую недѣлю причаща-

ются Св. Таинъ Тѣла и Крови Христовой. Пищи же употребляютъ весьма мало. Хлѣба и пищи подается всѣмъ по-ровну, и каждому своя чаша; всегда бываетъ въ простые дни одна пища вареная, а другая что-либо изъ овощей: или соленыя маслины, или ино что. Свою часть мало кто съѣдаетъ. Иногда поставляютъ и вино; но мало кто его піетъ, и то пополамъ съ водою. Въ праздники же два варенія бываетъ. Въ понедѣльникъ, среду и пятокъ, всегда бываетъ однажды трапеза, и то сухояденіе; во вторникъ и въ четвертокъ—съ деревяннымъ масломъ; въ субботу же и недѣлю иногда подаютъ и сыръ соленый. Млека же и коровьяго масла никогда не бываетъ. Съ симъ масломъ готовятъ только два дня на Сырной, и два дня на Пасхѣ; рыбы же вкушаютъ въ великіе праздники, когда бываетъ всенощное бдѣніе. Квасу же и не знаютъ какой онъ есть. Когда не бываетъ вина, пьютъ воду; въ келліяхъ же своихъ ничего не имѣютъ, ниже воды, ниже чѣмъ украшаютъ, ниже когда свѣтильника вжигаютъ, ниже лампады, ниже кто можетъ запереть келлію, когда пойдетъ на послушаніе; ниже когда нагрѣваютъ; да и печей нѣтъ, только нѣкоторые русскіе себѣ подѣлали. Въ келліяхъ каждый имѣетъ только нужную одежду и постелю, одну икону, одну книгу для чтенія, и то не каждый; да и времени не имѣется, когда читать; чтеніе бываетъ болѣе въ церкви и на трапезѣ, и на общемъ послушаніи; въ келліи же болѣе занимаются молитвою и поклонами. Церковное же правило такое: къ вечерни со всѣхъ послушаній сходятся въ монастырь. Которые далеко, тѣ тамъ и читаютъ. И строго отъ игумена наказано, чтобы церковнаго правила отнюдь не оставляли; потому что

монаху настоящее послушаніе есть молитва, а прочее послушаніе есть подѣліе, только въ избѣжаніе скуки и унынія. И потому къ вечерни всѣ поспѣшаютъ въ монастырь. За часъ до вечерни даютъ повѣстку, ударяютъ въ колоколъ трижды по 12-ти. Когда прійдетъ время вечерни, екклесіархъ беретъ благословеніе отъ игумена, и положивъ три поклона предъ вратами церковными, возьметъ въ одну руку било, а въ другую деревянный молотокъ, и ударяетъ въ било, и ходитъ кругомъ собора, и дѣлаетъ три перебора, или три статьи. Братія собираются во внутренній притворъ: каждый творить три поклона приходные, покланяется игумену и на обѣ страны братіи, и становится каждый въ опредѣленномъ своемъ мѣстѣ. Во внутреннюю церковь трое вратъ, всѣ задернуты занавѣсами. Потомъ приходитъ седмичный іеромонахъ, беретъ отъ игумена благословеніе въ соборной мантіи, скидаетъ съ главы одинъ клобукъ,—камилавку никогда не скидаютъ, — надѣваетъ на себя епитрахиль, творить три поклона, и начинаетъ: *благословенъ Богъ нашъ*. Чтецъ—*аминь,* и начинаетъ читать 9-й часъ, и читаетъ не борзясь, но со вниманіемъ и со страхомъ, чтобы всѣ братія могли понимать. На «*Святый Боже*» и на «*пріидите поклонимся*» и на «*аллилуіа*» и на «*Честнѣйшую Херувимъ*» творятъ поклоны всѣ равно: какъ чтецъ, такъ и всѣ братія. Потомъ екклесіархъ творитъ поклонъ игумену, и цѣлуетъ его руку, и исходитъ и ударяетъ въ било къ вечерни. По отпускѣ 9-го часа, отдергиваютъ всѣ завѣсы, и входятъ во внутренній храмъ, и начинаютъ вечерню. Псаломъ «*благослови душе моя Господа*» читаетъ самъ игуменъ. Эктенію сказываетъ іеродіаконъ всегда въ камилавкѣ; каѳисму чи-

таютъ не борзясь; на «*аллилуіа*» всѣ творятъ три поклона. «*Господи, воззвахъ*» поютъ протяженнымъ гласомъ. Стихиры всегда поютъ съ канонархомъ. Іеродіаконъ кадитъ иконы троекратнымъ кажденіемъ, а братій каждаго двукратнымъ. На «*стиховнѣ*» игуменъ и всѣ братія подходятъ къ иконѣ, что̀ на аналоѣ, и каждый творитъ по два поклона въ поясъ, цѣлуетъ икону, и паки одинъ поклонъ; потомъ среди церкви два поклона въ поясъ, а третій въ землю, и на страны по поклону, а послѣ игумену. Послѣ вечерни, прямо изъ церкви идутъ въ трапезу; ежели однажды трапеза, то по келліямъ. Въ седьмомъ часу паки ударяютъ на повечеріе, и собираются паки всѣ въ церковь, и читаютъ повечеріе, и канонъ Богоматери весь поютъ на *гласъ* съ канонархомъ, и читаютъ ежедневно акаѳистъ Богородицѣ; по отпустѣ каждый идетъ въ свою келлію. Въ 12-ть часовъ, въ самую полунощь, ударяютъ въ вѣстовой колоколъ, и ходятъ будильщики по всѣмъ корридорамъ съ молитвою, и ударяютъ каждому въ двери, и возбуждаютъ всѣхъ на полунощное келейное правило. Каждому живущему въ монастырѣ дано келейное правило такое: сто поклоновъ земныхъ, тысяча поклоновъ поясныхъ, какъ рукой достать до земли; сіи всѣ поклоны съ молитвою Іисусовою; двѣстѣ поклоновъ Богоматери поясныхъ, и пятьдесятъ поклоновъ земныхъ съ словами: *Богородице, Дѣво, радуйся,* и проч., и пятьдесятъ поклоновъ поясныхъ Ангелу хранителю, да еще за новопреставленнаго сто поклоновъ поясныхъ. Потомъ, въ часъ, ударяютъ въ било на соборную молитву. И всѣ стремятся поспѣть къ началу. Когда начнутъ читать псаломъ «*помилуй мя, Боже*», тогда самъ игуменъ обходитъ всю братію со свѣщею:

и котораго нѣтъ, скоро за тѣмъ посылаютъ, и наказанъ бываетъ поклонами. Въ простые дни продолжается утреня четыре часа. *Сѣдальны* и *каноны* всегда поютъ съ канонархомъ. Каждую утреню бываетъ четыре чтенія. И часто обходитъ екклесіархъ со свѣчею, и осматриваетъ всю братію. Когда начнутъ «*стиховны*», тогда игуменъ и всѣ братія идутъ къ иконѣ, какъ и въ вечеру. По первомъ часѣ читаетъ самъ игуменъ оглашеніе Ѳеодора Студита. По отпустѣ, каждый идетъ въ свою келлію, только на одинъ часъ; потомъ къ раннимъ Литургіямъ, которыхъ бываетъ пять и шесть, а иногда и до десяти, всѣ въ одно время. По Литургіи всѣ вкушаютъ антидору и св. воды. Потомъ ударяютъ въ доску на послушаніе. Которые далеко пойдутъ, тѣ съ собой пищу возьмутъ; а которые близко, тѣ въ монастырь приходятъ. Предъ трапезою ежедневно въ соборѣ поютъ параклисъ, т. е. молебенъ Богоматери, весь на распѣвъ, съ канонархомъ. По отпустѣ идутъ прямо въ трапезу, а по трапезѣ паки на послушаніе. И такъ время проходитъ непримѣтно и весьма скоро, въ занятіи богоугодномъ и душеполезномъ. Подъ каждую недѣлю бываетъ всенощное бдѣніе; продолжается десять и двѣнадцать часовъ. Поліелейная утреня продолжается пять и шесть часовъ.

144. Кто заболитъ изъ братіи хотя мало, отходитъ на больницу; тамъ больнымъ всякое упокоеніе даютъ; никакая мать не будетъ такъ о дѣтяхъ своихъ пещись, какъ тамъ братія о больныхъ пекутся и ухаживаютъ. Отецъ игуменъ каждый день дважды посѣщаетъ и надсматриваетъ. И ежедневно приходитъ врачъ изъ числа своей братіи, и даетъ лекарства; больныхъ каждый день причащаютъ Св. Таинъ, и

читаютъ въ больницѣ особенное правило. Кто преставится, того относятъ въ церковь, и читаютъ надъ нимъ Псалтирь. Потомъ самъ игуменъ со всѣмъ соборомъ и всѣ братія отпѣваютъ. И потомъ съ хоругвями и со свѣщами провожаютъ на общую усыпальницу, и погребаютъ съ прежде почившими отцами; и похоронивши, игуменъ и всѣ братія творятъ по сту поклоновъ за умершаго. Потомъ игуменъ всѣмъ возгласитъ: «отцы и братія, прошу васъ: за сего новопреставленнаго брата нашего помолимтесь до сорока дней, полагая въ день по сту поклоновъ; ежели мы помремъ, и за насъ помолятся.» Таковъ благой обычай въ нашемъ русскомъ общежительномъ монастырѣ, какъ и въ св. Горѣ Аѳонской; и до сорока дней ежедневно бываетъ коливо и литія, и запишутъ имя усопшаго въ помянники по всѣмъ церквамъ вѣчно. Се описалъ я вкратцѣ братскую общежительную жизнь русскаго монастыря. А ежели пространно описать, то великую книгу напишешь; описалъ бы и пространнѣе, но боюсь затруднить читателя.

145. Теперь опишу русскаго монастыря устройство и красоту. Монастырь стоитъ на самомъ берегу моря, не далѣе пяти саженей, на открытомъ веселомъ мѣстѣ, не далеко отъ главной аѳонской пристани, называемой Дафни. Весь нововыстроенъ: въ 1816 г. начатъ, а въ 1821 году оконченъ; весь изъ дикаго камня. А выстроенъ Саввою іеромонахомъ и игуменомъ, помощію Молдавскаго князя и господаря, Скарлата Каллимаха, четыреуголенъ; къ полдню стѣна; съ западной и восточной сторонъ обнесенъ, вмѣсто ограды, четырехъэтажными корпусами келлій съ корридорами; келліи на обѣ стороны; нижній этажъ вмѣсто сараевъ служитъ;

внизу кругомъ двухъэтажные подвалы. А гдѣ нѣтъ корпусовъ, тамъ каменныя стѣны, 15 аршинъ вышины. Стѣны усыпаны окнами снаружи и во-внутрь монастыря, и раскрашены красками. Врата съ южной страны, сквозь корпусовъ; вратъ двои, желѣзныя. Внутри монастыря десять церквей: первая — великій соборъ во имя св. Великомуч. Пантелеимона, стоитъ среди монастыря, сдѣланъ изъ тесаннаго камня, о седьми куполахъ и седьми главахъ съ крестами; покрытъ весь оловомъ. Паперть поддерживается двѣнадцатью колоннами мраморными, шлифованными; полъ на паперти выстланъ мраморными плитами, подобно льду. Съ паперти въ храмъ трои вратъ: великія врата съ запада, вторыя съ юга, а третіи съ сѣвера; всѣ фигурныя, рѣзбенной работы, и всѣ трои ведутъ въ притворъ. Притворъ имѣетъ пять куполовъ и пять паникадилъ; поддерживается четырьмя столбами мраморными; кругомъ возлѣ стѣнъ уставленъ монашескими мѣстами, и весьма свѣтелъ отъ множества оконъ; полъ въ немъ разномраморный; на западной стѣнѣ хоры, кладовая ризница. Хоры сдѣланы надъ папертью. Къ востоку стѣна уставлена иконами, и трои вратъ во внутренній храмъ. Среднія врата, великія, называются красными, вторыя южныя, а третіи сѣверныя; всѣ завѣшиваются шелковыми завѣсами; въ притворѣ читаютъ *девятый часъ* и *повечеріе*, *акаѳистъ* и *полунощницу*, *молебенъ Богородицѣ* и *литію*. Внутренній храмъ крестообразный, поддерживается четырьмя столбами мраморными; въ немъ пять паникадилъ великихъ. Кругомъ средняго паникадила виситъ хорусъ, на двѣнадцами цѣпяхъ, со многими свѣщами, иконами и фигурами; клироса полукруглые, съ мѣстами, или

формами. Посреди храма аналой осьмиугольный, украшенный перламутровою костію; иконы древняго греческаго писанія. Подсвѣчники мѣдные литые, и весьма велики; едва пять человѣкъ поднимутъ одинъ съ мѣста; и на нихъ стоятъ свѣщи великія; полъ разномраморный; кругомъ уставлены монашескія, токарной работы, формы, или мѣста. Во всемъ храмъ подобенъ храмамъ прочихъ аѳонскихъ великихъ монастырей; но только въ прочихъ монастыряхъ храмы расписаны иконнымъ стѣннымъ писаніемъ, имѣютъ богатые рѣзбенные и вызлащенные иконостасы; сей же храмъ иконостаса не имѣетъ, и не расписанъ: даже былъ и не подштукатуренъ; уже наши русскіе подштукатурили. Вторая церковь—Успенія Богородицы: стоитъ среди монастыря, рядомъ съ соборомъ, по лѣвую страну собора; храмъ крестообразный, поддерживается четырьмя столбами; иконъ довольно, а иконостаса нѣтъ, и не подштукатуренъ. Третья церковь Св. Митрофана, въ третьемъ этажѣ въ русскомъ корпусѣ. Четвертая церковь—св. Мученика Димитрія Солунскаго, въ четвертомъ этажѣ русскаго корпуса. Пятая церковь—святыхъ Архангелъ, въ пятомъ этажѣ русскаго корпуса; шестая—Преподобнаго Саввы Освященнаго; седьмая — вблизи больницы, Св. Николая, въ третьемъ этажѣ гостинницы; осьмая—Священномуч. Харалампія, въ четвертомъ этажѣ, надъ вратами монастырскими; девятая—св. Іоанна Предтечи, въ юговосточномъ углѣ, въ четвертомъ этажѣ; десятая—во имя Св. Митрофана, соборъ, въ сѣверовосточномъ углѣ; въ 1841 году заложили, въ 1846 кончили и освятили. Одиннадцатая—во имя свят. Апостолъ, внѣ монастыря, на усыпальницѣ. Четырнадцать церквей

по пустыннымъ келліямъ; да еще Скитъ Богородицы имѣетъ три церкви. Сей Скитъ содержатъ болгары, живутъ общежительно; на прочихъ всѣхъ келліяхъ живутъ свои монастырскіе братія, а чужимъ не продаютъ, какъ прочіе. И того всего имѣетъ русскій монастырь, внутри и внѣ, двадцать восемь храмовъ, всѣ каменные. Вотъ какая великая Лавра въ св. Горѣ Аѳонской, русская общежительная обитель, одна изъ числа двадцати ставропигіальныхъ святогорскихъ аѳонскихъ монастырей! Игуменъ носитъ архіерейскую мантію, имѣетъ архіерейскій жезлъ, подвѣдомъ самому Константинопольскому вселенскому Святѣйшему Патріарху. Еще внутри монастыря, кромѣ корпусовъ келлій и церквей, находятся: 1) *Трапеза* великая, изъ тесаннаго камня, крестообразная; врата трапезы противъ вратъ собора; напереди поддерживается шестью столбами мраморными. Сверхъ трапезы надъ папертію трехъэтажная колокольня, съ главою и съ вызлащеннымъ крестомъ, покрыта желѣзомъ, и выкрашена,— это уже отдѣлали русскіе. На колокольнѣ много порядочныхъ колоколовъ: всѣ уже при насъ русскими привезены изъ Россіи. Одинъ московскій купецъ, Наблкинъ, пожертвовалъ три колокола: другіе колокола изъ прочихъ мѣстъ. Звонить стали по-россійски, чему вся св. Гора Аѳонская стала удивляться. У грековъ хотя и звонятъ, но безъ ладу: сколько колоколовъ, столько и звонарей. Врата въ трапезу великія; внутри трапезы стоятъ столы крестообразно, по чину, 15 столовъ, и вся трапеза расписана иконнымъ писаніемъ; расписывали уже при мнѣ наши русскіе, и трапеза столь прекрасна, что во всемъ моемъ странствіи такой не видалъ; только есть ей по-

добная въ Ватопедскомъ монастырѣ. 2) *Кухня* высокая, съ куполомъ, а въ куполѣ труба, въ стѣнѣ фонтанъ воды на обѣ страны и сарай для дровъ. 3) *Хлѣбопекарня* длинная и двухъэтажная; внизу корыта и столы, и печь, и фонтанъ воды, а вверху амбаръ для муки и дрова. 4) *Библіотека* — двухъэтажная; внизу кладовая, а вверху книжная, гдѣ сохраняется множество греческихъ рукописныхъ и печатныхъ книгъ, кожаныхъ и бумажныхъ; часть есть славянскихъ и русскихъ. 5) *Маслобойня и винодѣльня*—двухъэтажная съ фонтаномъ воды. 6) *Платомойня*, съ котломъ и многими корытами. — Эти постройки стоятъ сами по себѣ, не въ корпусахъ; прочія же всѣ въ корпусахъ. 1) *Гостинница:* занимаетъ пять залъ и шесть комнатъ, всѣ убраны коврами, тюфяками и подушками. 2) *Больница* занимаетъ два зала и четыре комнаты. 3) *Просфорня,* 4) *Рухальная,* 5) *Сапожническая*, 6) *Портная,* 7) *Иконописская,* 8) *Хлѣбный амбаръ*, въ которомъ всегда года на два заготовляется припасовъ. Внутри монастыря восемь фонтановъ воды, въ подвалы и въ соборъ вездѣ проведена вода; и весь монастырь выстланъ каменными плитами. О, блаженъ былъ сей св. обители строитель, іеросхимонахъ Савва! Зналъ, какъ выстроить, сдѣлать себѣ вѣчную память! Внѣ монастыря, надъ вратами, за стекломъ, стоитъ великая икона св. Великомученика Пантелеимона; передъ нею виситъ фонарь съ лампадою неугасаемою. Отъ вратъ сажень на двадцать находится трехъэтажный корпусъ: внизу конюшня; въ среднемъ келліи работниковъ; вверху сѣно. Еще имѣются: огородниковъ келліи; при усыпальницѣ двухъэтажная келья; кузница; плотницкая келья; арсеналъ, т. е. корабельная пристань; са-

рай, гдѣ втаскиваютъ суда; кожаный заводъ; двѣ водяныя мельницы, возлѣ самой стѣны монастырской, прудъ воды. Каждый день пускается съ мельницы вода, кругомъ монастыря, промывать нечистыя мѣста; вечеромъ пускается съ мельницы вода, и напаяетъ всѣ огороды вокругъ. Вокругъ монастыря много разныхъ садовыхъ древъ, маслинъ и кипарису, смоковницъ, апельсинныхъ, померанцевыхъ, гранатныхъ и орѣховыхъ, и груши; а лѣсъ больше лавровый, и множество виноградныхъ и масличныхъ садовъ. Изъ монастыря на западъ видны, стоящія подобно облакамъ, славныя и великія Олимпійскія горы, или гора Олимпъ, и полуострова Сика и Кассандра; къ сѣверозападу страна Македонская и Ѳессалія, до самаго Солуня; отъ сѣвера и отъ востока стоитъ, какъ стѣна, гора Аѳонская; съ юго-востока изъ-за горъ показываетъ свою голую главу самъ Аѳонъ. На югъ и на западъ открытое море Архипелагъ и нѣкоторыя острова; къ югозападу — Греческое Царство и славный градъ Аѳины, и синѣется великій островъ Негропонтъ.

146. Монастырю Руссику подвѣдомы: 1) Скитъ Богородицы: живутъ Болгары; въ немъ три церкви: Успенія Богородицы, Святит. Николая и Препод. Іоанна Рыльскаго; имѣетъ довольно воды текущей, еще кладезь есть; имѣетъ довольно лѣсу и садовъ виноградныхъ; стоитъ отъ монастыря на три часа ходу, т. е. 15 верстъ. 2) Келлія св. Василія Вел.: стоитъ близъ Кареи; церковь прекрасная, съ иконостасомъ и куполомъ; имѣетъ источникъ воды, сады, много винограда, орѣховыхъ, смоковныхъ и масличныхъ древъ и лѣсу. 3) На Кареѣ Кунакъ, т. е. подворье: церковь съ куполомъ, св. Мучен. Георгія; имѣетъ много воды и

орѣховъ, и лѣсу, и большой огородъ, и прекрасныя гостинницы. 4) Келлія св. Григорія Неокесарійскаго: имѣетъ источникъ воды, садовъ не имѣетъ; отъ монастыря полчаса ходу. 5) Келлія св. Великомуч. Георгія, съ куполомъ: воды кладезь, и много винограду, маслинъ и лѣсу; отъ монастыря часъ ходу. 6)—Св. Великомуч. Димитрія: церковь съ куполомъ; иконостасъ вызлащенный; воды кладезь; много винограда и лѣса; отъ монастыря часъ ходу. Повыше этой келліи, полчаса ходу, на большой дорогѣ стоитъ старый русскій монастырь: стѣны еще цѣлы и лѣсомъ заросли; нѣкоторыя малыя церкви цѣлы, но стали разрушаться; стоитъ въ прекрасной пустынѣ, кругомъ темные лѣса, и моря не видно; теперь много возлѣ него косятъ сѣна. 7) — Св. муч. Космы и Даміана: стоитъ на открытомъ и здравомъ мѣстѣ, имѣетъ воды источникъ, много винограда, чернослива, лѣса дубоваго и каштановаго, близко много родится грибовъ; отъ монастыря полтора часа ходу. 8) Келлія Богородицы, Живоносный Источникъ: церковь—прекрасная, съ куполомъ, и есть великій садъ орѣховый и большой огородъ. Здѣсь течетъ источникъ воды, имѣющій цѣлебную силу, а наипаче въ лѣтнее время. Вода течетъ прямо изъ земли, весьма холодна, для питья пріятна и легка, имѣетъ сильное дѣйствіе на желудокъ: слабитъ и очищаетъ, но вреда никакого ни причиняетъ; въ двѣ недѣли излечиваетъ внутреннія болѣзни. Во славу Богородицы, Живоноснаго Ея Источника, въ древнія времена выстроена здѣсь церковь; но нынѣ въ небреженіи; мало кто объ ней и знаетъ, кромѣ своего монастыря. Сія келлія въ совершенной пустынѣ, окружена великими каштано-

выми лѣсами; винограда не имѣетъ, по причинѣ холоднаго мѣста: ибо стоитъ высоко, близъ самаго хребта горы; отъ монастыря два часа ходу. 9)—Успенія Богородицы: церковь прекрасная, съ куполомъ; воды источникъ; много имѣетъ винограда, масличныхъ древъ и лѣса; отъ монастыря одинъ часъ съ половиною ходу. 10)—Трехъ Святителей: церковь съ куполомъ; воды источникъ; есть садъ; виноградъ далеко; отъ монастыря полтора часа ходу. 11)—Св. Великомуч. Георгія: церковь съ куполомъ, воды три источника; много имѣетъ винограда, орѣховъ, смоковницъ, черешни, и окружена горами высокими и прекрасными лѣсами, стоитъ въ тихой и безмолвной пустынѣ. 12)—Іоанна Предтечи: церковь разрушилась отъ землетрясенія; есть воды источникъ, и садъ масличныхъ древъ; много садятъ луку, и сѣютъ ревиту и гороху; отъ монастыря полчаса ходу. 13)—Всѣхъ Святыхъ: церковь съ куполомъ; воды источникъ; сада никакого не имѣетъ; только очень великъ огородъ, и много разныхъ овощей и арбузовъ; стоитъ на самомъ берегу моря; отъ монастыря одна верста. Всѣ сіи келліи каменныя, двухъэтажныя, со многими комнатами. 14)—Св. Великомуч. Пантелеимона. 15)—Святит. Николая. Сіи двѣ келліи находятся на мѣстѣ, нарицаемомъ Кумица, въ концѣ Горы Аѳонской, къ перешейку; отъ монастыря 6 часовъ, т. е. 30 верстъ, по морю. Тамъ русскій монастырь имѣетъ большой участокъ земли; тамъ много масличныхъ садовъ, подобно лѣсу, и много удобной земли къ сѣянію, и множество сосновыхъ лѣсовъ; этотъ участокъ много пользы монастырю приноситъ. Еще русскій монастырь много имѣетъ колибъ, т. е. келлій безъ церквей, которыхъ

не могу всѣхъ описать; на каждой живутъ по два и по три монаха. Еще русскій монастырь имѣетъ великій участокъ земли близъ Солуня, на мѣстѣ, Калo-Марія называемомъ: тамъ есть и церковь, и много разной постройки; тамъ имѣется богатое хлѣбопашество, и сѣютъ много пшеницы, такъ что до изобилія становится для монастыря, еще и продаютъ много; и много тамъ скота держутъ, и доставляютъ водою на судахъ, и продаютъ; еще имѣетъ сѣнные покосы на полуостровѣ Сикѣ, еще водяную мельницу на полуостровѣ Кассандрѣ; еще имѣетъ на рѣкѣ Дунаѣ, въ Георгіевскомъ Гирлѣ, рыбный заводъ, заведенный русскими; еще имѣетъ свои корабли и рыбныя мрежи; и много имѣетъ, близъ монастыря, разныхъ лѣсовъ. Здѣсь описалъ я его устройство и недвижимое имѣніе; но еще завладѣла землею и лѣсомъ чужая рука, прочіе аѳонскіе монастыри. Впрочемъ и теперь Руссикъ равняется землею съ прочими аѳонскими монастырями; еще многіе и превосходитъ, такъ что русскій монастырь всего имѣетъ до изобилія: хлѣба, воды, масла, вина, лѣсу, луку, бобовъ, фасоли, ревиту и прочаго зелія и овоща; еще продаютъ. Довольно есть въ немъ и братій монашествующихъ. Когда мы взошли въ монастырь, было до ста человѣкъ; а когда стали отправляться въ Россію, въ 1846 г., было болѣе двухъ сотъ монаховъ. Когда взошли (1839 г.) русскіе въ сію обитель, тогда она была всѣхъ убоже и обнаженнѣе, и у всѣхъ въ поношеніи; а когда я выходилъ, въ 1846 году, то она стала почти всѣхъ богаче и славнѣе: въ теченіе седьми лѣтъ такъ ее русскіе облекли, украсили, что вся Гора Аѳонская удивляется и завидуетъ.

147. Теперь хочу сказать, отъ чего Пантелеимонова обитель получила названіе Руссикъ, или *русскій монастырь*, хотя русскихъ въ немъ не было? Возьму отъ исторіи вкратцѣ.—Сіе названіе имѣетъ обитель съ древнихъ временъ. Когда Россія приняла христіанскую вѣру, во время Князя Владиміра: тогда имѣли великую любовь между собою Греческіе Цари съ Россійскими Князьями; такожде и Константинопольскіе Патріархи любили Россію; тогда отдали сію Пантелеимонову обитель Русскимъ Князьямъ подъ покровительство, со всѣми принадлежащими къ ней монастырями и скитами, для прибѣжища и пристанища русскимъ во св. Горѣ Аѳонской; отъ того времени прозвалась она Руссикъ. И Россійскіе Князья имѣли о ней попеченіе; но когда, грѣхъ ради человѣческихъ, разорилъ Россію поганый Батый, и подпала Россія подъ иго татарское, тогда Русскіе Князья ее оставили и позабыли; а возъимѣли о ней попеченіе Сербскіе Цари, и всегда ее покровительствовали и награждали; а русскіе братія всегда въ ней проживали; и была русская обитель одна изъ числа ста тридцати аѳонскихъ монастырей. Многажды была опустошена и разорена отъ безбожныхъ арабовъ и сарацыновъ, какъ и прочія аѳонскія обители. Но сіи обители поправляли Цари Греческіе; а русскую всегда поправляли Цари Сербскіе. Въ 1203 году, посыланъ былъ изъ русскаго монастыря одинъ русскій монахъ въ Сербію къ Сербскому Царю Стефану, для монастырской надобности, и привелъ съ собой изъ Сербіи царскаго сына и наслѣдника, св. Савву, Сербскаго Чудотворца, тогда бывшаго младаго, шестнадцатилѣтняго юношу. Прибывши въ св. Аѳонскую Гору, онъ по-

стригся во иноческій чинъ въ русскомъ Пантелеимоновомъ монастырѣ. Послѣ увѣщалъ отца своего оставить земное царство, и принять монашество. Въ послѣдствіи времени они выстроили свой монастырь Хилендарь. Св. Савва въ своей завѣщательной грамотѣ называетъ русскую Пантелеимонову обитель своею матерью, породившею его монашествомъ. И жертвовали Сербскіе Цари въ русскую обитель землями и подворьями. И до-днесь еще сохраняются въ монастырѣ до шестидесяти крѣпостныхъ грамотъ за подписомъ царей и патріарховъ; но нынѣ безъ дѣйствія: ибо когда упразднилось царство: упразднились и грамоты. Еще въ четырнадцатомъ столѣтіи постигло великое искушеніе св. Аѳонскую Гору. Когда адскій змій испустилъ свой ядъ на Христовъ красный виноградъ, отторгнулъ западную Церковь отъ восточной: покусился зломудрый Папа Римскій присоединить къ себѣ и восточную. Сколько тогда было разорено бѣдныхъ грековъ! Сколько сдѣлано насилій св. Восточной Церкви! Отъ турковъ того не пострадали, что̀ претерпѣли отъ латиномудренныхъ христіанъ. Но св. Аѳонскую Гору тогда Божія Матерь защитила.

148. Послѣ того, латиномудренный греческій Царь Михаилъ Палеологъ, вмѣстѣ съ Папою Римскимъ, захотѣлъ восточную Церковь соединить съ западною, и захотѣли прежде склонить св. Аѳонскую Гору. Тогда Аѳонская Гора была яко рай, Богомъ насажденный: было сто тридцать монастырей великихъ; было до семидесяти тысячъ братій. Папа вкупѣ съ Царемъ устремились на богособранное стадо, яко на незлобивыхъ овецъ; овыхъ мечемъ изсѣкли, яко незрѣлую пшеницу; овыхъ въ морѣ потопили; овыхъ огнемъ

сожгли; овыхъ повѣсили на древахъ; овые страха ради разбѣжались и скрылись. Только нѣкоторые монастыри Божія Матерь покрыла: остались невреждениы. И такъ латинцы почти всю св. Гору Аѳонскую разорили и опустошили; но мало кого могли склонить къ своему мудрованію; тогда и русскую обитель разорили и опустошили, и наши русскіе тогда пострадали. Но вскорѣ паки благочестивый Царь насталъ: воцарился Андроникъ Палеологъ, сынъ Михаила Палеолога, собралъ во градѣ Солунѣ помѣстный Соборъ, и предавши всѣхъ латиномудрственныхъ анаѳемѣ, самъ пришелъ въ св. Аѳонскую Гору, и видя ее всю разорену и опустошену, много о ней плакалъ; потомъ изъ числа ста тридцати избралъ двадцать, которые были важнѣе и извѣстнѣе, и сталъ ихъ возобновлять; а прочіе упразднилъ, и всю землю раздѣлилъ на двадцать частей; послѣ самъ постригся въ монахи въ Ксиропотамскомъ монастырѣ, и тамъ скончался; и почитается во Святыхъ, и всѣмъ аѳонскимъ монастырямъ ктиторъ. Тогда и русскій монастырь былъ включенъ въ число двадцати, и паки возобновленъ Сербскими Царями; и русскіе братія о немъ старались. Когда взята была та страна турками, тогда аѳонскіе отцы изъ девятнадцати монастырей пошли къ Султану на поклоненіе, и записали каждый свой монастырь; изъ русскаго же не пошли, потому что они гости, а монастырь—Сербскаго Царя; и до-нынѣ у турковъ записано только девятнадцать монастырей, а русскаго нѣтъ. А когда разрушилось и сербское царство отъ турокъ, а Россія освободилась отъ татаръ, тогда русская обитель прибѣгнула къ Русскому Царю, Іоанну Васильевичу. Онъ съ любовію при-

нялъ посланныхъ изъ сей обители, и сталъ имѣть о ней попеченіе: далъ ей жалованную грамоту на выѣздъ братіи ея въ Россію, для испрошенія милостыни; и самъ жертвовалъ изъ своей царской казны; такожде и сынъ его, Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, и Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ и Царь Алексій Михайловичъ: всѣ сіи Цари русскую обитель жаловали и награждали, и донынѣ сохраняются въ русскомъ монастырѣ ихъ царскія грамоты, а русскаго монастыря архимандритовъ сборныя книги по Россіи. Въ царствованіе Россійскаго Императора Петра I-го, въ началѣ осьмнадцатаго столѣтія, былъ на Аѳонѣ одинъ путешественникъ, кіевскій гражданинъ, Василій Григорьевичъ Барскій. Въ первое его пребытіе въ св. Гору Аѳонскую, онъ въ русскомъ монастырѣ зимовалъ, и съ русскими читалъ и пѣлъ, и всѣ братія были русскіе; но когда пришелъ во второй разъ, чрезъ двадцать лѣтъ, то уже русскаго ни единаго не было, и игуменъ былъ грекъ, и жаловался, что русскіе совсѣмъ оставили свою обитель, и не даютъ никакой помощи. А причина была та, что перемѣнились въ Россіи гражданскіе законы: не стали даваться жалованныя граматы, и не стали русскіе самоизвольно выходить за границу. Отъ того русскіе оставили Руссикъ; а хотя одинъ или два и приходили, но какъ странники, скитались по Св. Горѣ; потому что обитель содержать—много требуется расходовъ: отъ того оставили обитель пусту; и тогда прочіе монастыри разобрали много ея земли, и донынѣ обладаютъ ею. Хотя бѣдные греки и вселились въ русскій монастырь, но не имѣли ни откуда помощи, и не могли монастырь поддерживать, и поправлять по-

стройки, и принуждены были оставить русскій великій царскій монастырь древній, и сошли къ морю, и выстроили малую обитель, тоже во имя св. Пантелеимона, помощію бѣдныхъ грековъ, солунскихъ купцовъ, въ 1757 году. Воистинну благословенны греки! Аще и подъ тяжкимъ игомъ турецкимъ живутъ, а монастыри строютъ. Хотя выстроенъ былъ новый монастырь, но русскаго имени не потерялъ; только, какъ прежде былъ славный великій царскій русскій монастырь, такъ послѣ былъ въ уничиженіи; и называли его *русскій бѣдный монастырекъ*. Но хотя былъ и незначителенъ и малъ, а своего названія не потерялъ, и всегда находился въ числѣ двадцати монастырей, и всегда въ немъ проживало много братіи грековъ, ученыхъ и славныхъ мужей, и содержали строгую общежительную жизнь. И старались, день и нощь, со многими трудами, поддерживать монастырь, и поддержали. Спаси ихъ Господи! Греки весьма любили его ради изобилія здравыхъ водъ и здороваго воздуха, и не думали допустить въ него русскихъ; но Господь устроилъ по Своему. Я еще засталъ сей малый монастырекъ; еще и донынѣ стоитъ одинъ корпусъ, служитъ за конюшню. Еще засталъ немного стариковъ, которые жили въ великомъ монастырѣ; монастырь же самый и донынѣ стоитъ пустъ; а братія, не вмѣщаясь въ маломъ монастырькѣ, проживали болѣе по пустынямъ, келліямъ и колибамъ; и жили въ томъ монастырькѣ шестьдесятъ лѣтъ, пока сталъ и онъ разрушаться. Насталъ у нихъ игуменъ іеросхимонахъ Савва, родомъ изъ Пелопонеса. Отправившись въ свою страну, онъ получилъ великое наслѣдство послѣ своихъ родителей; еще испросилъ ми-

лостыню отъ своихъ родныхъ и отъ прочихъ христіанъ, на постройку монастыря; и, пріѣхавши въ Св. Гору, сталъ на новомъ мѣстѣ основывать великій монастырь. Хотя у него суммы на то было и мало, но онъ просилъ помощи отъ Бога и св. Великомученика Пантелеимона.

149. И услышалъ Богъ молитву его, и подалъ ему помощь сицевымъ образомъ: Молдавскій Князь и Господарь, Скарлатъ Каллимахъ, имѣлъ велію любовь къ св. Великомученику Пантелеимону; Святый сей ему во снѣ явился, и сказалъ: «имѣніе твое великое, а смерть твоя близка, а монастырь мой въ св. Горѣ Аѳонской до конца разоряется: помоги ему, пока есть время.» Князь, вставши отъ сна, скоро послалъ въ св. Гору Аѳонскую узнать, кто игуменъ въ Пантелеимоновомъ монастырѣ, да пріѣдетъ въ Молдавію. Игуменъ Савва, получивши такое извѣстіе, скоро отправился въ Молдавію, и, прибывши, увидался съ Княземъ. Князь, узнавши о начатіи постройки монастыря, возрадовался, и сказалъ: «Вотъ, отче св., тебѣ мое злато и сребро: бери сколько тебѣ угодно; а ежели будетъ мало, то пиши ко мнѣ: еще пришлю, сколько будетъ надобно. Только строй какъ можно лучше и прочнѣе, и какъ можно скорѣе поспѣшай: ежели просятъ по рублю, давай по-полтора, дабы только было поспѣшно. А когда совершишь, увѣдомь меня: я самъ пріѣду въ монастырь, и недоконченное довершу, распишу и раскрашу; а ты выстрой для меня особенный корпусъ.» Потомъ Князь подарилъ въ обитель на Евангеліе серебряныя вызлащенныя доски, и стѣнные часы, которые и до сего времени существуютъ; и во всей Св. Горѣ лучше ихъ нѣтъ: съ солнцемъ и луною, и

со всѣми планетами, и со многими кораблями, качающимися на морѣ; и всегда можно видѣть, когда луна нараждается и ущербаетъ. Сіи часы называются *ктиторскіе*, висятъ въ соборѣ, за правымъ клиросомъ на столбѣ. Игуменъ Савва, получивши деньги и вещи, скоро отправился въ монастырь, и по прибытіи началъ строить, въ 1816 г.; а въ 1820 окончилъ, и во всемъ исполнилъ княжескую волю: въ три года столько настроилъ, что всякъ можетъ дивиться. Устроилъ десять церквей каменныхъ: девять— внутри монастыря, а десятая на усыпальницѣ. Выстроилъ кругомъ двухъэтажные подвалы внизу, а вверху четырехъэтажные корпуса и великую трапезу съ колокольнею, кухню и пекарню, и проч. Для Князя выстроилъ пятиэтажный корпусъ, въ которомъ и теперь живутъ русскіе; все устроилъ и покрылъ. Воистинну блаженъ былъ сей старецъ Савва! Какія уста возмогутъ достойно похвалить его? Какой онъ имѣлъ великій разумъ! Такъ онъ скоро и искусно выстроилъ, что всякаго приводитъ въ удивленіе! По совершеніи монастыря, писалъ онъ къ ктитору, Скарлату Каллимаху, Князю Молдавскому. Ктиторъ же неизреченныя радости исполнился; налилъ колоколовъ, и наготовилъ разныхъ вещей для украшенія монастыря, и взялъ много злата и сребра, чтобы монастырь украсить и расписать иконнымъ писаніемъ, иконостасы подѣлать, и всѣмъ снабдить; и отправился въ путь; и прибывши въ Константинополь, былъ у Султана и у Патріарха въ гостяхъ. Потомъ отправился въ путь. И когда прибылъ въ Дарданельскую крѣпость, Турецкій паша позвалъ его къ себѣ въ гости; и когда узналъ, что Князь много имѣнія везетъ во св. Гору, то ве-

черомъ его удушили до смерти, и имѣніе его паша разграбилъ. И такъ благочестивый и христолюбивый Скарлатъ Каллимахъ, Князь Молдавскій, мучениколюбецъ, вѣнчался своею кровію, вѣнцемъ мученичества, неповинню, и сдѣлался соучастникомъ вѣнца св. Великомуч. Пантелеимона, да съ нимъ вмѣстѣ царствуетъ у своего Небеснаго Царя и Владыки, да съ нимъ вмѣстѣ назираютъ и сохраняютъ свою русскую обитель во св. Горѣ Аѳонской. Услышавши сію печальную вѣсть, отцы русскаго монастыря великой жалости и скорби исполнились, и много горькихъ слезъ пролили. Оплакавши мученическую кончину своего блаженнаго ктитора, перебрались въ нововыстроенную великую нагую обитель, не имущую никакого украшенія, не оштукатуренную, не имущую ни иконостасовъ, ни иконъ; вся обитель была какъ пустой сарай; ни откуда не было помощи. Въ скоромъ времени и другая скорбь ее постигла: скончался игуменъ Савва, вторый ктиторъ обители, уже въ глубокой старости, и препоручилъ попеченіе о обители и о братіи своему ученику и духовному брату, іеросхидіакону Венедикту, и его ученику іеромонаху Герасиму. Потомъ настало и всеобщее бѣдствіе между грековъ и турокъ; въ то горькое время много претерпѣла скорби и бѣдствія вся Гора Аѳонская; братія разошлись, кто куда могъ; осталось не помногу по монастырямъ: пришли въ Св. Гору турки, въ каждый монастырь по 40 человѣкъ, а по Горѣ всюду были разбойники. И продолжалось сіе бѣдствіе по 1828 годъ. Въ теченіе сихъ лѣтъ турки жили по монастырямъ, монахи ихъ кормили, и жалованье давали; а наипаче русскій монастырь много претерпѣлъ нужды, и много задолжалъ,

болѣе ста тысячъ. По окончаніи войны, въ 1828 г., паки настало тихое и спокойное время; паки стали братія сходиться во св. Гору. Тогда русскаго монастыря братія греки, видя, что уже не въ состояніи поправить и украсить монастыря, и заплатить долги, стали совѣтоваться, что̀ сотворить. Старецъ Венедиктъ и игуменъ Герасимъ стали говорить всей братіи: «Отцы и братія, послушайте насъ. Мы теперь много должны, а обитель наша голая и пустая. И мы ни откуда не имѣемъ помощи, и не въ состояніи уплатить долгъ, и украсить обитель. Необходимо намъ надобно принимать древнихъ жителей обители сея, русскихъ. Они только могутъ сію обитель поправить и украсить, и привести въ настоящій порядокъ.» Братія всѣ на то согласились. И начали къ себѣ русскихъ приглашать и ласкать. Не такъ, какъ прежде: боялись русскихъ въ монастырь пускать, дабы русскіе не вступились въ свое древнее достояніе, и не изгнали ихъ изъ русскаго монастыря; и всячески старались, чтобы русское имя изъ памяти изгнать, и даже не любили тѣхъ, которые называли русскимъ монастыремъ. Но Господь устроилъ по Своему, и смирилъ ихъ даже до конца: пришло время, что стали русскихъ и звать и всячески ласкать, и стали сами обитель называть Руссикъ, и всюду прославлять ее, и говорить: почему русскіе оставили свою обитель, а странствуютъ по св. Горѣ, не имѣя гдѣ главы подклонить? И почему они не прибѣгаютъ ко своей матери въ объятія?.... Подѣйствовала и въ сердцахъ Русскихъ невидимая Божія сила: всѣ стали русскую обитель любить, всѣ стали о ней сожалѣть, и много о ней говорить. Но не было такого человѣка, который бы могъ, тамъ живя, обители пособить.

150. Въ 1834 году пріѣхалъ изъ Россіи іеромонахъ Аникита, князь Шихматовъ, великій постникъ. И пріѣхавши во св. Аѳонскую Гору, присталъ въ скитѣ Иліи Пророка. Потомъ пошелъ поклониться по всей св. Горѣ Аѳонской; и обшедши многіе монастыри, пришелъ въ монастырь русскій св. Пантелеимона. Греки его встрѣтили съ честію. Онъ же, поклонившись святынѣ, и посмотрѣвши на обитель, слезно сожалѣлъ, что въ такомъ горькомъ положеніи находится русская обитель во св. Горѣ Аѳонской, какъ безъ призрѣнія сирота, оборвана и обнажена, и безъ всякаго украшенія, и не имѣетъ ни отъ кого покровительства. Потомъ приняли его на гостинницу, и всячески обласкали, и всѣ старцы просили его погостить у нихъ, и онъ обѣщался. Они же начали ему со слезами говорить: «Отче св., умилосердитесь надъ своею матерію, русскою обителію; помилуйте ее, отъ всѣхъ оставленную; облеките ее обнаженную; что̀ вамъ по Св. Горѣ, внѣ своей обители, бѣдствовать? Пріидите, отче, къ своей матери въ объятія, и живите съ нами въ общежитія, въ любви и спокойствіи; и введите, сколько вамъ угодно, русской братіи, и возьмите любую себѣ церковь и любой корпусъ келлій, и живите, и помогайте своей матери.» Князь же сказалъ имъ: «Благое ваше расположеніе къ русскимъ. Ежели исполните намѣреніе, и устоите въ своихъ словахъ, ежели пріимете русскихъ въ свою обитель; то сія обитель будетъ счастлива: какъ она теперь въ уничиженіи, такъ послѣ будетъ славна и богата, и вы будете упокоены. Ежели я взойду въ вашу обитель, то дайте мнѣ мѣсто выстроить особенную русскую церковь во имя новоявленнаго Святит. Митрофана, Воронежскаго

Чудотворца.» Греки съ любовію согласились, и показали ему мѣсто. Князь остался у нихъ погостить, и жилъ цѣлый мѣсяцъ, и въ тонкость разсмотрѣлъ ихъ жизнь; тогда сказалъ: «это не человѣки; еще я не монахъ, но только Богъ привелъ видѣть монаховъ.» И столько ихъ возлюбилъ, что не хотѣлъ съ ними разлучиться.

151. Греки ему предложили, чтобы по обычаю монашескому положилъ начало, и переходилъ совсѣмъ. Онъ съ радостію согласился. И положивши начало, поѣхалъ въ скитъ Иліи Пророка, и далъ всѣмъ русскимъ повѣстку: кто желаетъ въ русскій монастырь жить,—да приходитъ къ нему въ скитъ Иліи Пророка. И собралось къ нему желающихъ 25 человѣкъ, больше изъ малороссіанъ, и духовникъ Прокопій, тоже изъ малороссіанъ. Въ этомъ случаѣ князь много ошибся потому, что не посовѣтовался съ духовникомъ Арсеніемъ. Не узнавши, кто какого свойства и разума, набралъ много неблагонадежныхъ. Хотя послѣ и жалѣлъ, но уже поздно. Набравши братіи и облачившись въ священническую одежду, самъ князь и двое іеромонаховъ взяли икону Святителя Митрофана, и пошли пѣшіе, а братія за ними; и шли отъ самаго скита до русскаго монастыря, 20 верстъ. Когда шли мимо Кареи, — одинъ купецъ грекъ посмѣялся русскимъ и Святителю Митрофану; но Господь его наказалъ. Стояли у него мѣхи съ масломъ деревяннымъ, и всѣ полопались, и масло потекло по улицѣ. Онъ же, видѣвши Божіе наказаніе, постигшее его, побѣжалъ, остановилъ князя съ иконою, и со слезами просилъ прощенія, и лобызалъ икону. Князь простилъ его. Прочіе, видя такое чудо, начали всѣ лобызать икону. Потомъ пошли въ путь, и пришли

въ русскій монастырь. И греки дали русскимъ церковь Іоанна Предтечи. Князь же, узнавши, что много земли монастырской находится въ чужихъ рукахъ, сказалъ грекамъ: « это я соберу и присоединю паки къ своему русскому монастырю, и обогащу сію обитель; ибо я имѣю знакомыхъ, друзей, богатыхъ людей въ Петербургѣ; самъ Императоръ довольно меня знаетъ. » Потомъ князь познакомился съ духовникомъ Арсеніемъ и ученикомъ его, и, узнавши ихъ жизнь, весьма ихъ полюбилъ; подобный подобнаго и любитъ: ибо князь самъ былъ великій постникъ; не ѣлъ ни рыбы, ни сыру, ни деревяннаго масла, не пилъ ни чаю, ни кофею, ни вина; только и пищи употреблялъ теплую воду съ медомъ и хлѣбомъ. И сталъ онъ звать духовника съ собою въ Іерусалимъ; и духовникъ Арсеній съ ученикомъ своимъ, схимонахомъ Николаемъ, согласились, и отправились въ Іерусалимъ. Князь русскую братію препоручилъ духовнику Прокопію. По отъѣздѣ князя, стало между братіей разстройство: русскіе — разный сбродъ, подъ началомъ жить не привычны, да и духовникъ такой-же. Русскіе грековъ уважать и слушаться не стали, но стали противорѣчить, еще къ тому-же и стращать, что монастырь нашъ, русскій, а начальникъ у насъ князь; мы васъ выгонимъ. Отчего греки, всѣ братія, смутились, и начались повседневныя скорби и искушенія. И стала ихъ высокая общежительная жизнь разстроиваться. И стали говорить игумену Герасиму и старцу Венедикту, что мы съ русскими жить не можемъ, и богатства ихъ не хотимъ; лучше сухари съ водою будемъ ѣсть, да одни; русскіе разстроили всю нашу жизнь. Хотя игуменъ Герасимъ много ихъ уговаривалъ, вну-

шая: когда князь пріѣдетъ изъ Іерусалима,—мы все устроимъ, и строптивыхъ вышлемъ. Но старецъ Венедиктъ сталъ колебаться. Князь же въ Іерусалимѣ получилъ Указъ изъ Святѣйшаго Сѵнода ѣхать въ Аѳины въ посольство, въ придворную церковь. И такъ пошло одно за другимъ разстройство. Однако, князь прежде пріѣхалъ въ Аѳонскую Гору узнать, какъ живутъ братія. По пріѣздѣ его, русскіе стали жаловаться на грековъ, а греки на русскихъ. Потомъ пришли греки къ нему на гостинницу. Старецъ Венедиктъ со старшими пали предъ нимъ на землю, и всѣ заплакали, начали просить прощенія, что не устояли въ своемъ словѣ. Князь же спросилъ ихъ: «стало-быть, вы не хотите, чтобы русскіе у васъ жили?»

152. Они сказали: «прости насъ, отче св.: не можемъ, и не хотимъ; не хотимъ вашего богатства: разстроили мы свою жизнь съ русскими.» Князь же, услышавши сіе, горько заплакалъ, и сказалъ: «жалко мнѣ этой св. обители, что много она претерпѣваетъ бѣдствія.» Потомъ всталъ и пошелъ въ церковь; надѣлъ на себя ризы, и испросилъ у всѣхъ прощенія. Греки нѣкоторые весьма плакали, а наипаче игуменъ Герасимъ: ибо онъ зналъ, что, лишаясь русскихъ, лишается благъ душевныхъ и тѣлесныхъ, что вѣчно безъ русскихъ обитель будетъ бѣдствовать. Князь же со всѣми русскими пошелъ вонъ, и ничего съ собой не взялъ, кромѣ одной иконы Святителя Митрофана; а прочее все оставилъ въ русскомъ монастырѣ, ризницу и иконы, и церковные сосуды, и русскія книги. Хотя греки и предлагали все забрать, но онъ сказалъ: «Пусть все въ св. русской обители останется для памяти. Когда паки русскіе взойдутъ,

тогда пригодится имъ.» И потомъ пошли въ скитъ, и пришли въ старому русскому монастырю; тамъ остановился князь, и отслужилъ надъ русскими костями панихиду. Пришедши въ скитъ Илiи Пророка, сказалъ всѣмъ русскимъ: «Идите, братiя, кто куда знаетъ. Теперь я вамъ не начальникъ; не умѣли жить въ монастырѣ: идите, странствуйте.» А духовнику Прокопiю сдѣлалъ большой выговоръ, и отослалъ отъ себя, сказавъ: «тебѣ не духовникомъ быть, а пастухомъ.» Потомъ икону Святителя Митрофана и большую сумму денегъ препоручилъ скитскому духовнику, iеросхимонаху Павлу, и просилъ его возъимѣть попеченiе о сооруженiи храма Святит. Митрофану. А самъ простился съ духовникомъ Арсенiемъ и прочими отцами, взялъ двухъ учениковъ, и отправился въ Аѳины. И по прибытiи туда, не сталъ ѣсть меду, а только хлѣбъ и воду. И пожилъ тамъ одинъ годъ, и скончался. Предъ смертiю заповѣдалъ о своихъ костяхъ, чтобы перенести ихъ во св. Гору Аѳонскую, что̀ исполнили послѣ, чрезъ два года, и положили въ скиту Илiи Пророка.

153. Грековъ русскаго монастыря болѣе побудили на изгнанiе князя греки прочихъ монастырей; потому что стали полагать, что ежели русскiе вселятся въ русскiй монастырь, то у всѣхъ монастырей свою землю отберутъ, а наипаче, ежели будетъ жить князь. Греки Руссика не могли понять сего; только одинъ игуменъ Герасимъ это все понималъ, но воля была не его. Хотя и русскiе были не правы, но можно было бы ихъ смирить: только однихъ надлежало худшихъ выгнать, а не всѣхъ. А когда выгнали князя съ русскими, напало на оставшихся грековъ унынiе и скорбь, и совершенно лишились тишины душевной и тѣлесной.

154. Наипаче дивно и плача достойно, что съ старцемъ Венедиктомъ, при старости, при послѣднихъ дняхъ жизни, случилось искушеніе и горькое паденіе, что во второмъ своемъ столѣтіи онъ допустилъ себѣ несправедливость и малодушіе; и о томъ плакалъ онъ день и нощь, и просилъ Господа Бога и Божію Матерь, чтобы возвратить русскихъ въ обитель; но не имѣлъ надежды при своей жизни видѣть русскихъ въ обители: уже тогда было ему отъ роду 103 года; оттого больше и плакалъ. Но было ему отъ Бога извѣщеніе, что не умретъ безъ русскихъ, а будутъ его отпѣвать и погребать русскіе. Отъ этого онъ нѣсколько утѣшился, и ожидалъ такого торжественнаго и многовожделѣннаго дня три года. Русскихъ было выгнать легко: сказали имъ одно слово, и они вышли; но паки ввести — стало тяжко. Еще другое искушеніе постигло; или прямо сказать, жезлъ наказанія былъ отъ Бога посланъ на иноковъ Руссика. Вздумали они начать то дѣло, что говорилъ князь, — отобрать свою землю отъ одного монастыря; и подали прошеніе къ Патріарху; но за это возстала на нихъ вся Гора Аѳонская: потому что всѣ монастыри участвуютъ въ обладаніи землею русскаго монастыря, и всѣ напали на руссикскихъ грековъ: всѣ ихъ почитать стали виновными и бунтовщиками, что они князя русскаго безвинно выгнали, и притѣсняли русскихъ три года. А бѣдные греки руссикскіе не имѣли за себя никакой защиты противъ возставшихъ на нихъ своихъ братій, грековъ. Вступились за свое доброе, да сами же стали виноваты; даже со стороны было — смотрѣть на нихъ, да плакать. И до того ихъ тѣснили, что остальное хотѣли отобрать у нихъ на по-

дворья, а ихъ самихъ разослать по разнымъ мѣстамъ, потому что за нихъ защиты никакой нѣтъ. Но только защитила ихъ бѣдныхъ Божія Матерь и св. Великомуч. Пантелеимонъ. Много они бѣдные претерпѣли, такъ что часто садились въ трапезѣ безъ хлѣба, съ одними бобами или гнилыми сухарями, и дожидались себѣ заточенія, еще и отъ Бога горшаго наказанія. Но видя на себя изліянный фіалъ гнѣва Божія за изгнаніе неповиннаго князя, они вспомнили русскихъ: за великое счастіе стали почитать, ежели русскій зайдетъ къ нимъ въ монастырь; и не имѣли надежды, чтобы русскіе братія къ нимъ пришли; и оплакивали свою горькую участь, что всѣхъ на свѣтѣ прогнѣвали: во-первыхъ, прогнѣвали Бога; во-вторыхъ, прогнѣвали русскихъ, и въ-третьихъ—своихъ грековъ; только и просили милости отъ Господа Бога и отъ Божіей Матери. И прежде былъ голъ и скуденъ монастырь, но хлѣба было довольно; а теперь уже до конца сталъ обнаженъ.

155. Въ 1837 году, пріѣхалъ въ Аѳонскую Гору изъ Россіи, изъ Астрахани, Игуменъ Е., съ великою суммою денегъ, съ намѣреніемъ строить русскій монастырь. Руссикскіе греки, услышавши о томъ, пришли его просить къ себѣ. Старцы, украшенные сѣдинами, стояли предъ нимъ на колѣнахъ, и слезно просили его къ себѣ, и клятвами обязывались, говоря: «Будемъ вмѣстѣ вѣчно жить съ русскими; возьми себѣ половину монастыря, а послѣ и весь вашъ будетъ; мы своимъ грекамъ его не оставимъ, потому что они насъ обидѣли по-напрасну, за наше же доброе. Еще мы сами видимъ, что посланъ на насъ мечъ наказанія отъ Бога за неповинное изгнаніе князя. Теперь

хощемъ сей грѣхъ загладить.» Но игуменъ русскій ихъ словъ не принялъ, выгналъ ихъ вонъ, и сказалъ: « какъ вы надъ княземъ надсмѣялись, такъ хотите и надо мной.» И они вышли съ горькими слезами. Сей игуменъ послѣ и самъ съ своими деньгами уѣхалъ изъ Аѳонской Горы: хотѣлъ усильственно, чрезъ Султана и Патріарха, взять одинъ у грековъ монастырь изъ самыхъ великихъ, и сдѣлать русскимъ; но не удалось: греки перемогли. И дали бы съ любовію монастырь, только не изъ великихъ, ежели бы онъ со смиреніемъ поклонился и попросилъ аѳонскихъ отцевъ: но онъ хотѣлъ взять гордостію и властію; чрезъ сіе и самъ принужденъ былъ уѣхать.

156. Русскій монастырь уже два года не справлялъ и праздника св. Пантелеимону, потому что было не чѣмъ успокоивать приходящихъ братій. Въ 1839 г., кое-какъ собрались почтить память св. Великомуч. Пантелеимона, и повѣстили на Кареѣ, что просятъ отцы и братія Руссика къ себѣ на праздникъ св. Великомуч. Пантелеимона, ежели кому будетъ угодно. И сошлось много отцевъ, а наипаче старшихъ грековъ: пріѣхали прощаться предъ наступленіемъ поста. Хотя праздновали весьма недостаточно по своей скудости; но братія руссикскіе съ любовію и расположеніемъ всѣхъ принимали, и угощали, чѣмъ могли; и во всѣхъ они возбудили жалость, всѣ на нихъ со слезами смотрѣли. Послѣ трапезы всѣ значительные гости были приглашены на гостинницу, и тамъ прощались. Нѣкоторые гости надъ руссикскими греками смѣялись, и говорили: « вы русскихъ приняли, хотѣли быть богатыми, а послѣ и выгнали, надъ ними насмѣялись; теперь уже кончено, вы больше русскихъ

у себя въ обители не увидитс.» Но старецъ Венедиктъ вскочилъ съ своего мѣста, и сталъ посреди всѣхъ, топнулъ ногою, ударилъ жезломъ, и сказалъ: «видите мою старость: отъ роду я имѣю сто пять лѣтъ; но не умру безъ того, пока русскихъ не пріиму, а когда пріиму, тогда и умру!» Братія смѣялись, и говорили: «ты за-утро умрешь: а гдѣ у тебя русскіе?» Онъ же паки сказалъ: «Видите, каковъ я есмь: но истину вамъ говорю, что не умру безъ русскихъ; они меня похоронятъ; я вамъ говорю, что посажу русскихъ въ обители, и они ее обогатятъ и украсятъ, и вы всѣ будете завидовать ей. За симъ простите меня грѣшнаго, и васъ всѣхъ прощаю, кто насъ чѣмъ обидѣлъ; не вы насъ обидѣли, но грѣхи наши.». И такъ простившись разошлись.

157. По выѣздѣ князя изъ Аѳона, постигла скитъ Иліи Пророка моровая язва, чума; и почти всѣ были ея жертвою. И самъ игуменъ Парѳеній скончался, и остались не многіе, только шесть человѣкъ; изъ великороссіанъ іеромонахъ и духовникъ Павелъ; изъ малороссіанъ монахъ Савва. По согласію всѣхъ русскихъ аѳонскихъ отцевъ, избранъ былъ во игумена духовникъ Павелъ, и былъ произведенъ Епископомъ Панкратіемъ. Монахъ же Савва съ прочими малороссійскими взбунтовался: и много было въ скиту смущенія между великороссіанъ и малороссіанъ, и продолжалось почти два года. Отца Павла трижды становили игуменомъ, и паки смѣняли. А послѣ не только Павла выгнали, но всѣхъ великороссіанъ, которыхъ уже было собрано болѣе тридцати человѣкъ. Помогли малороссіанамъ и греки: они имѣли неудовольствіе на великороссіанъ по причинѣ игумена

Астраханскаго Е., который хотѣлъ у нихъ монастырь отнять. Павелъ взялъ съ собою изъ скита икону Святителя Митрофана, и сталъ съ братіей проживать на Кареѣ, на квартирѣ. Теперь до конца Богъ смирилъ и великороссіанъ: остались безъ всякаго пріюта и пристанища, не имѣя гдѣ главы подклонить въ св. Горѣ Аѳонской.

158. Но пришло время грекамъ просить русскихъ, когда русскіе остались безъ всякаго пристанища, и сами стали искать себѣ мѣсто. Собрали въ Руссикѣ соборъ, и сдѣлали совѣтъ. И пошли просить Отца Павла со всею братіею русскою къ себѣ въ монастырь. Отецъ Павелъ согласился, и духовникъ Арсеній благословилъ. Въ 1839 году, ноября 21 дня, на Входъ во храмъ Божія Матери, взошли русскіе во свою русскую обитель, съ честію и славою, всѣ самые истые великороссіане; и греки ихъ встрѣтили съ торжествомъ и радостію, о чемъ писано выше въ гл. 110. И была обоюдная радость грекамъ и русскимъ, а наипаче стошестилѣтнему старцу Венедикту. И онъ на гостинницѣ прочиталъ молитву: *нынѣ отпущаеши раба Твоего*, и проч. И сказалъ проповѣдь и свое завѣщаніе, чтобы вѣчно жить русскимъ съ греками въ обители; простился со всѣми, пошелъ въ свою келлію, и больше его никто не видалъ: ибо готовился ко исходу, а въ сороковой день и скончался; и погребали его съ греками вмѣстѣ и русскіе. Ноября 23, освятили русскую церковь во имя Св. Митрофана, и были говорены разныя проповѣди въ утѣшеніе русскимъ. Чрезъ восемь мѣсяцевъ скончался игуменъ Павелъ, и сотворилъ всѣмъ плачъ велій, грекамъ и русскимъ. Потомъ, по желанію братій, по

изволенію Божію и по благословенію старца, духовника Арсенія, взошли мы въ русскій монастырь со своимъ старцемъ, монахомъ Іоанникіемъ.

159. Въ 1841 году, въ январѣ мѣсяцѣ, освятили мѣсто, и заложили новый русскій соборъ во имя Св. Митрофана, въ сѣверовосточномъ углѣ Руссика. На Сырной недѣлѣ, въ послѣдній день, ходили погребать великаго старца, схимонаха Николая, ученика духовнику Арсенію. На первой недѣлѣ Великаго поста, въ субботу, постригся въ великую схиму старецъ нашъ Іоанникій, и нареченъ Іеронимомъ. И мы радовались, что привелъ Богъ намъ видѣть своего старца іеромонахомъ, духовникомъ и схимникомъ. И препровождали св. Четыредесятницу въ тишинѣ и безмолвіи. Каждую седмицу дважды причащались Св. Таинъ.

160. На пятой недѣлѣ поста призвалъ меня духовникъ къ себѣ, и сказалъ, что отцу игумену и ему расположилось меня постричь въ великій образъ ангельскій. Я ему отвѣтилъ: «я, отче св., отъ юности желаю того великаго образа; но только теперь повремени; потому что мало жилъ въ семъ монастырѣ: боюсь, дабы не положили послушанія сверхъ моихъ силъ.» Но онъ сказалъ: «ты своего разсужденія не имѣй, а твори послушаніе; на это есть воля Божія; другіе просятся, да не постригаютъ; а тебя самъ игуменъ желаетъ.» Я упалъ ему въ ноги, и сказалъ: «буди воля Господня и ваша; только безъ благословенія своего старца и духовника Арсенія не могу рѣшиться.» Онъ послалъ меня къ духовнику. Я пошелъ, и сказалъ ему все. Духовникъ Арсеній съ любовію меня благословилъ принять великій образъ отъ

игумена іеросхимонаха Герасима. Пришедши въ монастырь, я повѣдалъ духовнику Іерониму; онъ радъ былъ, и пошли къ игумену. Игуменъ приказалъ готовиться. И постригли меня многогрѣшнаго въ великій ангельскій образъ на пятой недѣлѣ поста, на преждеосвященной Литургіи, и нареченъ *Парѳеній.* Духовникъ Іеронимъ постригалъ, а игуменъ Герасимъ подводилъ. И всю седмицу каждый день я причащался Св. Таинъ Тѣла и Крови Христовой. О, какой я исполнился неизреченной радости, яко сподобился принять великій иноческій образъ въ жребіи Царицы Небесной, въ св. Горѣ Аѳонской и въ великой царской русской обители св. Великомуч. Пантелеимона, и яко сподобился быть сыномъ общежительной русской св. обители!

161. Радовался я, что сподобился въ Св. Горѣ Аѳонской имѣть себѣ трехъ пастырей старцевъ, отцевъ и покровителей, великихъ и славныхъ, украшенныхъ всѣми иноческими добродѣтелями: перваго — моего отца и старца, іеросхимонаха и духовника Арсенія, постника и пустынножителя, которому препоручилъ свое тѣло и душу; втораго — іеросхимонаха и духовника Іеронима; и третіяго — блаженнаго моего старца, русскаго общежительнаго монастыря игумена, іеросхимонаха Герасима. И благодарилъ Господа Бога, Царя моего Небеснаго, и Пречистую Его Матерь, Дѣву Марію, за Ихъ неизреченныя милости, изліянныя на мя недостойнаго, — что всѣ мои желанія и прошенія исполнили, еще и съ преизлишествомъ! Я просилъ и желалъ хотя одного старца искуснаго имѣть: Они мнѣ дали трехъ. Просилъ и желалъ для прожитія имѣть хотя маленькую колибочку: Они меня

ввели въ великій царскій монастырь. Желалъ хотя въ малый образъ постричься: Они меня многогрѣшнаго сподобили принять великій ангельскій образъ. Только, еще просилъ мою Владычицу, да сподобитъ меня препроводить остальные дни моей краткой жизни и скончать животъ свой въ св. Горѣ Аѳонской, да и по смерти моей сподобитъ меня вѣчнаго блаженства съ преподобными отцами аѳонскими. И такъ я жилъ радуяся и веселяся, и о всемъ благодаря Бога.

162. Но не долго я радовался и веселился. Всегда послѣ радости ожидай скорби и печали. Видно, Царь Небесный не хощетъ, чтобы мы радовались, живя въ сей маловременной жизни; поистинѣ, *многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе.* Дѣян. 14, 22. Погостилъ я у Царицы Небесной полтора годочка, и показались мнѣ за полтора денёчка. Въ полтора года каждый день моя радость умножалась. Но когда моя радость преисполнилась, и мѣсто жительства моего совершенно укрѣпилось, когда радостная весна наступила, и красное солнце возсіяло: тогда вдругъ нашла туча темная, откуда я не чаялъ; ударилъ сильный громъ, и мало что до смерти не убилъ меня.

Пришла Суббота — Лазарево воскресеніе: всѣ мы были причастники Тѣла и Крови Христовой. По Литургіи была изобильная трапеза. По трапезѣ ударили въ доску на послушаніе: всѣ братія сошлись на паперть къ Успенской церкви вязать ваія къ Вербному. Во св. Горѣ Аѳонской связываютъ три древа во-едино: масличное, финиковое и лавровое; и я сталъ вязать. Вдругъ присылаетъ за мной ду-

ховникъ Іеронимъ, чтобы скорѣе шелъ къ нему. Я всталъ и пошелъ, и войдя къ нему въ келлію, увидѣлъ его въ лицѣ измѣнившагося. Я ужаснулся, и взявъ у него благословеніе, вопросилъ: «за чѣмъ вы, отче св., меня требовали?» Онъ же со слезами на глазахъ, сказалъ мнѣ: «отче Парѳеніе! есть тебѣ послушаніе.» Я ему сказалъ: «что̀ благословите?» Но онъ промолчалъ. Я ему паки сказалъ: «отче, благослови: я пойду на послушаніе; тамъ отцы работаютъ.» Онъ же: «ты уже отработался.» Я ему сказалъ: «вы, отче, мнѣ объявите, что̀ вы хотите дѣлать со мною.»

163. Тогда онъ началъ мнѣ говорить: «Теперь надобно уже сказать. Такое тебѣ, отче Парѳеніе, послушаніе: мы основали русскую церковь Свят. Митрофана; а монастырь нашъ небогатый: строить не чѣмъ; братій больше ста человѣкъ, а денегъ нѣтъ ничего; еще и должны болѣе ста тысячъ. Требуется послать въ Россію для сбора, а кромѣ тебя некого; надобно потрудиться тебѣ, съѣздить.» Я, услышавши сіе, не могъ терпѣть, заплакалъ и упалъ, и началъ говорить: «За тѣмъ ли вы меня постригли въ великій образъ, да разлучите меня съ св. Горою Аѳонскою, пошлете меня въ міръ, наполненный соблазнами, отторгнете отъ тихаго пристанища, св. Горы Аѳонской, и ринете во многоволнистое и страшное море житія мірскаго? Не налагайте, отче св., выше естества моего мнѣ послушаніе: не только я не могу разлучиться съ Св. Горою, а еще больше: вы меня во обители своей не увидите; пойду и скроюсь въ чащѣ и непроходимой пустынѣ аѳонской, и тамь скончаю животъ свой.»

164. Духовникъ горько заплакалъ, и взялъ меня въ свои объятія, и сталъ меня уговаривать: «Послушаніе выше всѣхъ добродѣтелей; а безъ благословенія и въ пустынѣ погибнешь. Еще есть тебѣ благословная вина отлучиться на-время изъ св. Горы Аѳонской. Я бы тебя и самъ не послалъ, зная твое расположеніе къ Св. Горѣ. Но ты давно скорбѣлъ и соболѣзновалъ о своихъ родителяхъ, что они пребываютъ въ расколѣ и внѣ Св. Соборной Апостольской Христовой Церкви: необходимо нужно тебѣ къ нимъ побывать, и ихъ уговорить, и присоединить къ Христовой Церкви. Намъ родители, кромѣ Бога, всего дороже: они насъ родили и воспитали, и имѣли о насъ попеченіе; потому и намъ надобно имѣть о нихъ попеченіе, а кольми паче о ихъ душахъ. А хотя мы ихъ и оставили Бога ради, то мы возлюбили Господа своего паче родителей, какъ самъ Спаситель сказалъ: *иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ*. Матѳ. 10, 37. И мы оставили не родителей, но суетный міръ съ прелестями; и пошли за себя и за родителей, безъ всякихъ препятствій отъ міра, поработать Господеви своему. И всѣ наши труды и подвиги и молитвы идутъ въ половину за родителей: потому что они насъ родили и воспитали, и до-днесь о насъ соболѣзнуютъ. Теперь пришло время тебѣ къ нимъ побывать, а отъ нихъ побывай въ Россіи.» И симъ нѣсколько меня утѣшилъ. Но я, видя его намѣреніе неотложнымъ, вышелъ отъ него, и пришелъ въ келлію свою, палъ на землю, и много плакалъ.

165. И просилъ Господа моего и Божію Матерь, да не отпустятъ меня изъ св. Горы Аѳонской; лучше

да возьмутъ меня отъ міра сего, и прекратятъ дни мои, или да пошлютъ на меня тѣлесную болѣзнь, только дабы я не дожилъ до того дня, когда буду разлучаться со св. Горой Аѳонской; а родителей моихъ, какъ самъ Богъ знаетъ, такъ да спасетъ; и до того плакалъ, что не могъ встать. Узнавши сіе, духовникъ Іеронимъ пришелъ ко мнѣ въ келлію, и меня утѣшалъ и уговаривалъ. Я же ему сказалъ: «отче св., ежели хощешь меня утѣшить и видѣть не плачущимъ, то обѣщайся меня никогда не разлучать со св. Горой Аѳонской.» Онъ же сказалъ: «это невозможно.» Я ему сказалъ: «Ежели это не можно, то оставь меня плакать и рыдать, сколько я хощу. О моего окаянства! Видно, я одинъ паче всѣхъ человѣкъ грѣшнѣе, что хощете вы меня разлучить съ симъ земнымъ раемъ, съ св. Горой Аѳонской, и хощете меня удалить отъ своего лицезрѣнія, которое для меня лучше всего, и хощете меня разлучить съ духовнымъ братствомъ, съ земными этими ангелами, и хощете меня послать въ міръ, всѣми суетами и соблазнами наполненный? Каково мнѣ въ монашескомъ образѣ быть между мірянами, да еще и женами, подобно мертвецу между живыми, и странствовать по мірскимъ домамъ? Каково мнѣ быть въ родительскомъ домѣ, и вспомнить прежнее свое мірское житіе, которое было позабылъ? Или я васъ чѣмъ оскорбилъ паче всѣхъ? Лучше изгоните меня изъ обители, и буду странствовать какъ прочіе, по крайней мѣрѣ, въ пустынѣ, и буду имѣть утѣшеніемъ св. Гору Аѳонскую, и буду хотя изрѣдка ваше лице видѣть, и слышать ваше наставленіе. Вы знаете, какъ я къ вамъ привязанъ духомъ и любовію, и никогда

не думалъ я отъ васъ разлучиться, кромѣ смерти.» Онъ же заплакалъ, и ушелъ въ свою келлію; я же горько рыдалъ, и многое говорилъ въ утѣшеніе себѣ, дабы мнѣ больше плакать. Пришли братія, и много меня уговаривали, и утѣшали.

166. На Недѣлю Ваій было всенощное торжественное бдѣніе, продолжалось четырнадцать часовъ. Я не могъ ни читать ни пѣть, но все плакалъ въ горести сердца моего. Во вторникъ на Страстной седмицѣ праздновали Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, и причащались всѣ Св. Таинъ. И всю седмицу Страстную были всенощныя стоянія. Въ великій четвертокъ было освященіе елея, и всѣ братія соборовались масломъ, и паки всѣ причащались Св. Таинъ. Подъ великій пятокъ было всенощное стояніе. Въ пятокъ же почти весь день не выходили изъ церкви. Часы продолжались весьма медленно; стихиры всѣ пѣли на-распѣвъ, съ канонархомъ, по нотамъ; на каждомъ часѣ читали продолжительное поученіе. А на вечерни, по Евангеліи, когда начали пѣть стиховны *«егда отъ древа Тя снемъ»*, тогда выносили торжественно плащаницу на средину церкви: сначала обнесли кругомъ престола трижды, и положили, и читали два надгробныя слова; на повечеріи канонъ на плачъ Пресвятыя Богородицы пѣли съ канонархомъ, и братія прикладывались всѣ къ плащаницѣ. Подъ субботу было всенощное стояніе; многія читали поученія. По славословіи носили плащаницу кругомъ собора; были четыре ектеніи. Послѣ вечерни, на Литургіи были всѣ причастниками Св. Таинъ.

167. Въ Пасху была торжественная утреня, также и Литургія; всю Литургію стояли со свѣщами, и

были всѣ причастниками Св. Таинъ. Въ трапезу шли всѣ со свѣщами: и трапеза была торжественная и изобильная. На Пасху вечерню съ самаго начала всѣ стояли со свѣщами. Евангеліе читали всѣмъ соборомъ на десяти языкахъ. По вечерни, у игумена было всѣмъ угощеніе. — Но эти торжества и радости не могли развеселить мое сердце печальное. Всѣ братія радовались, всѣ веселились; одинъ я плакалъ, что долженъ разлучиться съ многовожделѣнной для меня Горою Аѳонскою, съ возлюбленною моею матерью, св. моею обителію, долженъ разлучиться отъ богособраннаго моего братства. На Пасхѣ въ понедѣльникъ, послѣ утрени, былъ крестный ходъ по келліямъ и по окрестностямъ, верстъ пятнадцать. Послѣ была Литургія. Послѣ обѣда пошелъ я въ Иверскій монастырь повидать своего старца и духовника, отца Арсенія, и испросить отъ него совѣта.

168. Въ Иверскомъ монастырѣ было всенощное бдѣніе. Послѣ былъ крестный ходъ, и носили Иверскую чудотворную икону Богородицы. Потомъ, увидавши своего старца, духовника Арсенія, сталъ ему говорить, что хощутъ меня разлучить съ св. Горой Аѳонской, и посылаютъ въ Россію для сбора. Онъ же сказалъ мнѣ: «что̀ дѣлать? послушаніе надобно исполнять; только едва ли будетъ сборъ; но впрочемъ съѣзди.» Я заплакалъ, и сказалъ ему: «отче св., я надѣялся на тебя, что ты меня удержишь.» Онъ же паки мнѣ сказалъ: «что̀ дѣлать? надобно творить послушаніе.» Я съ плачемъ съ нимъ распростился. Пришелъ въ монастырь, и сталъ съ великою скорбію собираться въ дальній путь.

169. На Ѳоминой седмицѣ, во вторникъ, стали от-

правляться на корабль. Ударили въ колоколъ, и собрались всѣ братія въ соборъ. Вынесли главу св. Великомуч. Пантелеимона, отпѣли молебенъ, и стали прикладываться къ мощамъ и св. иконамъ. Игуменъ и духовникъ стали насъ благословлять. И сдѣлался со мной ударъ: не могъ я больше вынести скорби, что прощаюсь со св. Горой Аѳонской, прощаюсь съ возлюбленными моими отцами и съ братіею, прощаюсь съ моею дражайшею матерью, св. обителію. Вывели меня подъ руки игуменъ и духовникъ, и со слезами меня уговаривали; и пришли къ морю, стали садиться въ лодку. И я у всѣхъ св. отцевъ моихъ и братій лобызалъ руки и ноги, и потомъ сѣли въ лодку; и я со всею братіею простился, и просилъ ихъ св. молитвъ.

170. Потомъ поѣхали на корабль; и много я плакалъ и прощался. «Прости св. Гора Аѳонская, Богородиченъ св. доме, со всѣми своими прекрасными пустынями! И ты прости, возлюбленная моя мати, св. моя обитель русская, породившая меня совершеннымъ монашествомъ! Прости меня и св. Великомуч. Пантелеимонъ со Святит. Митрофаномъ! Вы будьте мнѣ хранители и поспѣшники! Прости, возлюбленный мой духовный отче Арсеній! Не увижу я больше твоихъ святолѣпныхъ сѣдинъ и равноангельнаго пресвѣтлаго твоего лица. И вы простите вси, св. отцы и братія и пустынножители! Уже не увижу вашихъ постныхъ лицъ, не услышу больше вашихъ душеполезныхъ наставленій; уже не буду ходить по вашимъ пустыннымъ дорожкамъ. О, лучше бы мнѣ было, ежели бы я не приходилъ въ тебя, св. Гора Аѳонская! Лучше бы мнѣ было, ежели бы я тебя не

видалъ! Не терпѣлъ бы я такой горести. Думалъ ли я, что буду въ животѣ моемъ разлучаться съ тобою, св. Гора Аѳонская? Бывало, когда во снѣ увидишь, что внѣ тебя нахожусь, и то весь день находишься въ скорби и унынiи; а теперь уже не во снѣ, но явѣ отъ тебя разлучаюсь. Охъ, увы мнѣ, паче всѣхъ окаяннѣйшему! Сколько тысячъ монаховъ живутъ въ тебѣ, св. Гора, и всѣ пребываютъ въ спокойствiи! Только одного меня изгнала! Знать, я паче всѣхъ грѣшнѣе? О, кто бы мнѣ теперь далъ источники слезъ: плакалъ бы я день и ночь, и рыдалъ бы о множествѣ грѣховъ моихъ! Еще восплачу, еще возрыдаю, еще возглаголю къ самой Госпожѣ и Назирательницѣ Горы Аѳонскiя, ко Пречистой Владычицѣ, Дѣвѣ Богородицѣ Марiи. О Владычице, благодарю за Твои неизреченныя милости и благодѣянiя! Съ какою Ты милостiю меня приняла въ Свой св. жребiй, въ св. Гору Аѳонскую! Какъ Ты меня привѣтствовала! О Владычице, какимъ великимъ старцамъ опредѣлила меня подъ руководство! О Владычице, какими Ты меня упокоила мѣстами! Сперва дала мѣсто — уединенную пустыню, колибочку; и жилъ я какъ въ раю, одинъ со единымъ Богомъ, и довольствовался всѣми тѣлесными потребами; потомъ опредѣлила мѣсто лучше прежняго, въ богатую келлiю, къ духовному отцу и братiи; еще, о Владычице, ввела насъ и посадила въ великую царскую обитель, ко многому братству, и совершенно насъ упокоила. Наконецъ, Владычице, сподобила меня постричься въ великiй иноческiй ангельскiй образъ. А послѣ всѣхъ Своихъ милостей и благодѣянiй, о Владычице, какъ жестоко меня наказала, что вдругъ меня всего лишила, и отъ всего отлучила!

Или я паче всѣхъ согрѣшихъ предъ Тобою, Владычице? Или я паче всѣхъ прогнѣвалъ Твое благоутробіе? Но аще и согрѣшихъ предъ Тобою, и прогнѣвахъ Тя, Владычице, моими великими грѣхами: то почто меня не наказала во св. Горѣ Аѳонской? почто не послала на меня великой скорби и тяжкой болѣзни? Егда проживалъ во св. Горѣ Аѳонской: всякими утѣхами меня утѣшала, и ни единыя скорби и болѣзни на мя не посылала; но вдругъ меня отлучила, чего я не ожидалъ, ниже когда помышлялъ. Видно, Владычице, несодѣянное мое видѣста очи Твои. Видно, Ты, Владычице, знала, что у Тебя въ гостяхъ гощу? За то Ты меня паче прочихъ любила, и всѣ Свои милости на мя изліяла, и ни единой скорби на мя не посылала, но только угощала и утѣшала, и упокояла всякимъ упокоеніемъ тѣлеснымъ и душевнымъ. О Владычице! каково мнѣ теперь быть, всего того утѣшенія и упокоенія лишенному, еще отъ св. Горы Аѳонской отлученному? О Владычице! не до конца на меня прогнѣвайся, ниже во вѣкъ наказывай меня; но паки возврати мя здрава; паки приведи мя въ сіе тихое и небурное пристанище! Сіе меня утѣшаетъ, сіе меня подкрѣпляетъ, что не вовсе отлучаюсь отъ св. Горы Аѳонской, но аще продлятся дни мои, — паки возвращусь, какъ голубица къ Ноеву ковчегу, и азъ во свою св. обитель!» Мой же товарищъ много меня уговаривалъ. А посланъ былъ со мною другой монахъ, младый, родомъ болгаринъ, знающій говорить по-гречески и по-турецки. И тако отцы наши проводили насъ съ честію, и пріѣхали на корабль; и я устремилъ свои очи на свою св. обитель, и прощался, и обливался горькими слезами, что уже я раз-

лучился съ ней, и Богъ знаетъ, буду ли живъ или нѣтъ, возвращусь ли, или нѣтъ. Буди во всемъ воля Божія!

На семъ мѣстѣ оканчиваю часть сію. Кто хощетъ узнать мое путешествіе изъ Св. Горы, да прочтетъ слѣдующую часть. Аминь. Богу нашему слава.

Сія часть написавіемъ окончена
1848 г., августа 1 дня.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Nr. 16/586

1/4

Изданіе сіе назначается въ пользу скита Геѳсиманія, *что при Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ.*

3 2044 010 363 299

WIDENER
BOOK DUE
CANCELLED
CANCELLED
FEB 21 1990
CANCELLED

